

ЛЮБЕЗНА СЦЕНА

У
ВЕСЕЛОМЪ ДВОРУ

ИВЕ ЗАГОРИЦЕ.

РОМАНТИЧНО СОЧИНЕНЪ

МИЛОВАНА ВИДАКОВИЋА

професора.

НА СВЕТЪ ИЗДАНО ТРОШКОМЪ

ГОСПОДИНА

ДИМИТРИЯ СЕРВИЦА

КУЩА, ЖИТЕЛЯ ВРАНЬВАЧКА И ГРАЂАНИНА
ТЕМИШВАРСКОГЪ;

НЪМУ ПОСВЕЋЕНА 1833. У РУДИМУ.

А ПО ДРУГИЙ ПУТЬ

ПРЕПЕЧАТАО

СРЕМІЯ ОБРАД. КАРАѢИЋЪ.

У БЕОГРАДУ

У ШТАМПАРИИ НИКОЛЕ СТЕФАНОВИЋА

1864.

Ваша см.

5380

ПРЕДГОВОРЪ ДРУГОМЪ ИЗДАНІЮ.

Блаженогъ спомена нашъ Србскій Славный Романописаць у роду нашемъ Милованъ Видаковићъ, издао є самъ за живота свогъ изредный романъ „Любезну Сцену у веселомъ двору Иве Загорице“ године 1833. У Будиму.

Како є то давно было; тако є изредне ове књиге готово већъ нестало, у нашемъ Србскомъ народу, у внутрености Србіє я мислимъ, а и у онострани Срба у Аустрији, да се редко у когъ може наћи. Зато ме є побудило, да є у нашей Публики распространимъ и съ тимъ књижеству нашемъ услугу, онолико, колико самъ кадаръ трудомъ моимъ, учинимъ.

Желећи потребу ову народну подмирити, препечатавамъ я ову књигу о своемъ трошку.

1864. год.

У Београду.

Єремія Обрад. Караџићъ.

ЛЮБЕЗНЫЙ ГОСПОДИНЪ СЕРВИНАЦЪ,

Дражайшій мой и Высокопочитаемый Пріятелю!!

Свако добре дѣло, и свако благодѣяніе, есть похвално, есть Богоугодно; но опетъ када мы дѣло кое, по пѣговой важности управъ судеѣи нѣга у сравненѣ съ другимъ узмемо: то онда видимо, уколико кое више ценити можемо, да га тако и похвалимо; оно, кое намъ на веѣу ползу, а особито публики, клонясе, и намъ благодѣяніе у своемъ дѣйстви дуже трагъ и лако неизумире. На примерь ученѣ као душевно наше изображеніе и просвета признаемо, да намъ друго даю роѣнѣ; мудрость и добродетель есу човеку дивна украшеня, нѣга сугубымъ человекомъ чине, и подобіе Божіе, на нѣму изявляю: а ови Божественіи дари одкуда се човеку присвоити могу, развѣ одъ ученя, одъ лепота воспитанія? Слѣдуе то, да жертва на олтарь народногъ просвѣщеня принесена, такова намъ е света жертва, и тако красно едно за общту ползу благодѣяніе, да ако етварь разсудимо, я незнамъ кое бы емо друго у сравненіе съ овымъ и узети могли. А Вы ете любезный Пріятелю изъ ревности къ просвете своего рода съ Вашымъ на озу књижицу, да намъ се на свѣтъ изда трудомъ, занста такову жертву принесли, съ коіомъ намъ се млада іошть наше књижество такође подкрѣплюе и помаже нашу просвету, и съ нѣомъ ѣе намъ напредовати и раетити: съ однимъ кандиломъ више, у кое Вы есеу уліете, освѣтлесе светы Срѣпки Муза' храмъ. Вы любезный, што рекосте то учинисте, Вы обѣхасте и рѣчь одржасте, ово е правомъ Србину, а и свакомъ честномъ човеку и свойственно, да е Господарь одъ

своє речн. Што кой неможе, или неће да учини, тай нека и необећава. И самъ лане у ономъ, на ову исту књигу, изданомъ объявленію, преваренъ быо! мени є оно тешко вало, што речъ мою писамъ одржати могао, да намъ књига на обећано време изиђе, по другій ми є у овомъ причина быо, да се я предъ светомъ замеримъ.

Зато я сада любезный Господине! изъ мое къ Вама за ово Ваше благодѣяніе, признателности, и изъ мое найтоплив благодарности, пропустити не могу, да ово дѣлце на Васъ не посветимъ! на Васъ, коєга помоћу єно намъ на свѣтъ излази. За коє и молимъ, примите Вы ово одъ мене! примите любезный, съ онымъ усрдіємъ, съ коимъ самъ и я Ваше благодѣяніе примію: и дозволите и Вы Вашему благодаривному срдцу, коимъ Родъ и ползу нѣме любите, да му мило и пріятно буде, што ће намъ ова књижца „ЛЮБЕЗНА СЦЕНА“ — и Ваше честно нѣме свуда пронети, свудъ Васъ, чрезъ многа будућа столѣтія спомянати, и потомству нашему приповѣдати, да сте ю Вы трудомъ своимъ на свѣтъ издали; да вамъ то велимъ мило и пріятно буде, као плодъ Вашего благодѣянія; плодъ духовный, коимъ ће намъ се новін одъ садъ параштаи питати. Млади ће наши Срби изъ ове књижце съ увеселеніємъ правила къ своему срдцу и душе изображенію поцрпавати, и као роснымъ цвѣтомъ медъ, себи морална поученія бирати, и Васъ благосиляючи многій, благодарногъ срдца будући, „Богъ — да прости! — рѣши. Ово є дакле лепъ за благодѣтельно Срдце споменъ, лепъ єданъ завета споменикъ. Зубъ времена кои све подгриза, овай Вамъ нико подгризти и срушити не може, као што видимо, да намъ сва друга на земљи: притяжанія, богатства и силна царства измѣнює; споменике каменне и зидане; тврде градове, и гордо узвышене палате, време све то, пре —

после руши, квари и унищожава, но ово неможе. Ербо благодаріе — добра то єсть дѣла наша, єеу намъ сокровишта душевна и права наша, за будущій животъ нашъ сокровишта, измѣнама неподлеже, кои насъ никаково време, ни сама смръть лишити неможе. Ово намъ и Христосъ Спикатель света, у Свѣтомъ Евангелію потврђава говорећи: „Не сокровишествуйте сокровишта Ваша на земљи, гдѣ огнь спалити, вода потопити и злодѣи покрасти и однети могу, но на небеси, коя не те и по смрти притяжавати.“

Но едва сладкій оваи гласъ Евангелія само добра и чувствителна ердца чую! ердца коя сладость добродѣтели осеќаю, и люди они, кои су управо познали, да мы у нашемъ животу безъ добродетели благополучни бити неможемо, па ма какова иманя и богатства мы притяжавали; ма и у каковомъ достоинству были, и у каковои слави светлили се, све є то безъ добродетели мртво; све є безъ нѣ тапво и жалостно! Зашто намъ є целый животъ нашъ на неизвѣстный случай установљенъ. Постигне ли насъ случай несрећный, паднемо ли у болестъ, или и у гору кою неволно, будъ ємо онда пристали? нашто се онда поуздати можемо, кому ли за помоћ у несрећи прибегнути развѣ единому Богу, иѣму, єао милостивому Отцу руке прострети: но єь каковомъ савѣщѣу, и єь коіомъ надеждомъ то чинити можемо, ако се у души нашей на добра дѣла, єь коима се Богъ умилостивлява, позвати немамо? Помысао еданъ на Бога, стра у ердцу утолива, но само добродѣтельному.

О! кадъ бы свакій разумети хтео, какову євлу добродетель има! и єь каковомъ сладкомъ надеждомъ она намъ душу и о будущемъ животу пита кадъ бы свакій то знао, и проникнути умомъ могао,

нако бы се радо исправляю, и себе побольшаю! и ко, лико бы се зла на свету сотимъ умалило!

Добродетель насъ съ Богомъ союжжава; у добродетельи единой мы се по светому писму, Бози и сынови вышняго называмо: а безъ добродетельи одъ Бога однадамо, безъ добродетельи страсти съ нами обвладаю, насъ заселене, и пагубу намъ на душу наносе. Добродетель стои намъ у средини меѣу Богомъ и люда, тако, да зраци благодати Божіе преко нѣ на насъ дѣйствую, и насъ осветляваю. Но нѣни зраци на оне недоширу, кои се добродетельи устра-няю, и одъ нѣ удалѣни стое. Возлюбимо дакле добродетель (сирѣчь свако добро дѣло, коимъ се Богу блягоугоѣва) и тако ѣмо наше на земљи благопо-лучіе са сладкимъ наданѣмъ и о будущемъ животу уживати моѣи.

Добродетель е светла и красна као сунце, али красотомъ нѣномъ само се красне и благородне душе плѣне: сладость нѣну Божествену срдца чиста и непорочна осеѣаю, а не свака, непристрастна. — Кои добродетельи — любезной овой Богиньи и вѣри небесной — срдце свое еданъ путь посвете, и сладость ону, райску нѣну у души своіой осете, оны тако нѣой привржени быти могу, да їи више никаква сила, никакый стра одъ нѣ одтргнути неможе; али оны у любви къ добродетельи несумнѣно признаю, да самога Бога любе: нит' е иначе могуѣ Бога любити, осимъ добримъ дѣлима. А одъ праве любви къ Богу кога одтргнути, и одвратити, немате силе, немате стра на свету! укрѣплѣни благо-датію неба, немаре ни за самъ животъ свой, на смрътѣ иду и небосе; животъ гѣбе, а при добродетельи застаю.

Безбройнс мы о томъ примере имамо, да су многи добродетель више живота свога любили, и да су за ню и животъ свой изгубити волели, неголи нѣ

се одрѣи: шта е друго такове на истый подвигъ и крѣпнѣти могло, осимъ благодать Божія кою себи за добра дѣла очекуемо? Три она детета волили су и у неѣхъ огнену уѣи, нежели одъ свое добродѣтели — одъ свое любви къ Богу — одустати, и Бога увредити! Сократъ е волио и смртносноу чашу отрова испити, нежели одъ ученія къ правоме Богопознаню престати, и т. д. премного примера имамо о овакомъ пройскомъ за добродетель постојанству, изъ кои видимо, какову силу она надъ нами имати може. У одной добродетельи человекъ цѣну свою освѣдоचाва, да се онъ малымъ чимъ одъ ангела разликуе, и да се мы сынови Вышнѣга назовемо. Словомъ рѣи, безъ добродетельи сва мы благополучія и овде на земљи вштемo! инакъ многи себе за благополучіе безъ добродетельи уображаваю!

Истина любезный Господине и Пріятелю! да намъ е и ово дѣлце поетски само измышлѣна повѣсть, са смисломъ некомъ изъ Србске Исторіе, како што ѣте и видети, коя повѣсть више у себи забаве, и моралногъ ко исправленю нарави поученя садржи, нежели особиту къ просвети духа науку: но и треба спочетка ердца младимъ съ оваковимъ за већу потомъ просвету преправити, и припремити. Срдце изображено уподоблявае се израѣеной, здравой земљи за добро, къ произведеню плода, семе. Зашто, многе примѣре имамо, а нарочито у наше време да наученъ безъ добра ердца и благе нарави, слабо се съ наукомъ и самъ поззуе, а публика одъ нѣга јошть и манѣ! и не само то, но колико е више ко наученъ, а ружно ердце и рѣаву наравъ има, толико више ала учинити може, ако му се предѣлъ и граница не положи; ербо онъ са рѣавимъ ердцемъ науку свою на зло употребљава. Слѣдователно нуждна су намъ младежи найпре правила къ изображеню ердца, и исправленю нарави, пакъ онда науке друге, кое намъ

за веће наше савршенство служи. То є моя съ ова-
кимъ изданіємъ намера, и ласкамъ себи, да ће
намъ Читатели наши ову књижицу свога одобрена
удостоити, у кол любећи Васъ ердечно, съ особи-
тимъ почитаніємъ называмъ се свагда

У Темішвару 14 Јануара 1833.

Вашимъ

искревимъ Пріятелѣмъ

М. Видаковићъ.

ПРЕДГОВОРЪ.

ДОБРЫЙ ЧИТАТЕЛЬ,

и

ПРЕДЛЮБЕЗНА МЛАДЕЖИ СРБСКА!

Пре него што духомъ на романтично, у овой
нашой књижици полѣ ступите, ево Вамъ напредъ
изъ нѣга у краткомъ говору подносимъ цвѣтакъ, да
найпре и по мирису нѣговомъ позвате, на какво по-
лѣ излазите, какво ћете по нѣму цвѣће мирисати, и
кое ће Вамъ се за кога одабрати да се съ нѣмъ
наквти. Има овде любезны мои! не само за младе,
но и за старе, за мужке и женке, лепы и полезны
занета примера, кои се само ползовати узумеду; а
ово намъ зависи одъ назљивогъ читаня. И то не
еданъ путъ и као на душекъ књигу прочитати, на
ѣ гдѣ бацати, или што ѣ јоштъ и горе такову као
туђу послати оному чія ѣ; но да сваки кои поле мо-
же, књигу купи, и такову више пути да чита, ерѣ
пон што *icte decuit quercus*! да ю у дому и фами-
лиі својой сачува, да му и она изъ нѣ, одъ рода на
родъ, на маломъ ономъ — форинт-два — за ю
даномъ канталау, душевний бере интересъ. Књига
намъ се еданъ путъ на свѣтъ издаѣ, пакъ Богъ зна,
оће ли се више, и кадъ ће се моћи издати.

Јесамъ истина уверенъ, даћете Вы и съ овимъ
моимъ дѣлцемъ доста задовольны быти; но опетъ, да
су ми моя обстоятелства допустила, я бы та јоштъ
ленше испословао бмо, али! — одъ обстоятелства
намъ много зависи, да више — манѣ срећно у дѣ-
лыма вашимъ усѣмо; ерѣ весело срдце куделю пре-

де, и весело сердце узъ гусле лепо намъ пеза. Мене ова година случайно оману! я неodemъ онамо, куда самъ желю и наумю быю, но заостанемъ овде у Карловцы, и то безъ службе и безъ посла! безъ коета и честита квартира! къ тому юштъ наднемъ и у веку грозвицу! Но и како небы, кадь самъ съ почетка юштъ прошасте зиме, више у ладной, него у топлой соби обитавао: зато што нисамъ имао откуды за собу мало више платити, да ми се боль грее. А збогъ кога самъ я ово зинусь претрпяти морао, кадь е могло и иначе быти, Богъ то види, кои ни кому дужанъ неостает, кои зна и помнишы наша, разуме сердце у вама: Онъ не као праведный судия свакоме и судити, свакоме пристойну по заслуги и пресуду дати, ербо я мое собственое што самъ имао, и нашто самъ се поуздао быю, есенась недобыемъ, и тако съ празномъ рукомъ, а подъ зиму, кудъ самъ и могао ниш.

У оваковомъ дакле случаю кои су ми желили да ме съ чимъ на путь оправе, нису могли, а кои су могли нису хтели! но ништа зато, я опеть привыма благодаримъ и на ономъ што су ми по могуцеству у нужди мојой съ чимъ су могли, чинили, благодаримъ имъ уважаванюи више оно уердие вьново къ мени и искрену ону любовь, неголи и помошь, ербо *sat est voluisse*; а другимъ желимъ, да и ныи случай какавъ у чувство приведе, да и они душевну ову оосте сладость, како е лепо у нужди ближнѣму помоћи, и къ потребнымъ залогамъ леба поделити: желимъ да и они кадгодъ добродѣтель за украшенѣ словесне свое душе признаду, кою бѣдный у оно време Ми да етъ, сребролюбіемъ заслеплѣнъ бывшій; признали себи за таковогъ не могао, за кое су га Поете потомству за подемей оставили, хтѣвши и сатимъ свету примѣръ мудраца оставити, да намъ се права сребя наша на добродѣтели основана, и на до-

бродичеству и разумномъ богатства разположенію процвѣтала, а не на богатству, и земнымъ зданіямъ као што неки мисле.

Заоставишемъ ми дакле безъ мое, ако е и приватна била, службице, нађемъ се у нужди! и безъ посла будући, даи помислимъ у себи, да не пропу- стимъ време свое, и неподобимее оному у С. Евангелію лѣнивому кой е талантъ закопао, да не ради, предуземъ ово дѣлце подъ именомъ: Любезна Сцена у веселомъ двору Иве Загорице, само текъ да се у послу нађемъ, а о издацію и ѣго- вомъ толико се и не уздаюћи, кадъ имамъ и вѣщо мой у рукопису сочиненія, кое на свѣтъ не могу да издамъ.

Одъ овудъ дакле любезни Читатели! судити можете, съ каквомъ самъ се я вољемъ овог' дѣла и примію каколи самъ га у тесна моя обстоятелства исписати могао! Више самъ путій я, у яшунѣту одъ зиме седећи писати морао, више путій я у вече пи свеће имао нисамъ! Зато ако у нѣму какве и недо- статке нађете, немојте се чудити, немојте ми заме- рити! весело срдце духъ на постеке фантазіе у дви- женіе приводит, и весело срдце таковий намъ ожив- лява, да онъ, одъ брже слободанъ, силомъ уображе- ния свога на високо узлети: и као свѣтлоокій орао съ висине пеке на овај светъ сматра; съ висине предмете на земљи гледи, такве разликуе и о њи- ма мисли и разсуђуе: да све у природи зашто е онако, а не другче, онъ истражи, размрси и у свой редъ стави: све то Поета труднее дознати, све умомъ постигнути; све намъ лено предложити и на лири својој такова намъ одпояти. Духъ поетскій у живој својој фантазіи, као муња плане, и у далеке туђи земали предѣле одлети, пакъ скида себи испредъ очію свои одъ старине завесе, и умно загледа тамо, какве обичае, и какве нрави; кое добродѣтели, кое

ли праотаца наши пороке, оне покрываю, и за насъ, потомство иъаво, и поправку нашу чуваю и бране.

Одъ овудъ дакле ниште ес, да Поета мора бити, и Историкъ, и Географъ; некусанъ Фисикъ, и Логикъ: добаръ Риторъ, и Граматикъ; да може свс, у случаю на разне предмете разведене мысли, у лепъ союзъ комбинирати, и такове намъ поукратко, но живо и сладко представити; да намъ духъ усхити, да намъ ердце наше ублажи и развесели. Но и Поета не сматрасе одтуда само за такова, кои речи само кув, и такове намъ на стихове слаже и намешта; него и онай, кои лепе своє фантазиѣ, и мысли своє на такве идеѣ приводи; кои природу лепо описати зна, и кои стзари бездушне, чисто оживотворяѣ уме, било ово у стиховима, било у прози.

Премда я мене за такова Поету и немеремъ, нит' су мени обстоятелства моя и допустити могла, да я себе у овой красной науки онолико, колико самъ желію дотерамъ, и усавршимъ: но само изъ едне мое, къ народному просвѣщенію любви, трудимъ се колико могу, да и я съ осталима, мога века ученимъ, къ подкрепленію младе наше литературе штогодъ прирадимъ, и помогнемъ, больимъ одъ мене у томъ свагда уступаюћи. Я ако и немогу велику свѣту на светый олтарь народне просвете принети, зато нестыдимсе и съ маломъ провлакомъ мое у томъ уердіѣ показати. Ни Христосъ нѣ ону у Евангелію жеу, за она два повчиѣа похвалію, да ѣ она много у онай ковчежиѣ спустила, но што ѣ познаосъ каквимъ ѣ она уердіемъ ово учинила.

Дѣлце намъ ѣ ово, Читателѣи мои! такоѣ поетско измышленѣ, или едно романско представленѣ, само што самъ нешто и изъ наше Србске Историѣ, нарочито о некимъ подѣ Кралѣмъ Милутиномъ, бывшимъ ратовима у беседи павео, у

коимъ се ратовима нашъ Краль у оно време сила прославио. Повѣсть ова ако Вамъ се поучителномъ толико и неузвида, а она е баръ забавна, ако у себи засадъ особитог' плода и неузима, а она е завета за младежъ нашу еданъ благонадеждный цвѣтъ будућега нашъ плода.

Ива Загорица еъ благородномъ, и любезномъ својомъ фамилиомъ, представля вамъ се онде да е био язъ Призренъ, града потомъ престолна, но онъ е више на своя добра, неголи у граду обитавао. Нѣгова су добра была у дивномъ некомъ близу града, предѣлу, кой е се загоріемъ звао. Ива е био Боляръ, и у свое младо време на гласу юнакъ, кога су у песмама певали: дворъ су нѣговъ обично за нѣговогостолобие веселымъ дворомъ називали были. Онъ е имао супругу именомъ Круну, честну едну и паметну, добродѣтелну и вредну жену, съ коіомъ е онъ сасвимъ любовно и примѣрно живіо. Имали су само едног' сына Веселина. Овај ће имъ се три године у Солуну учити. И будући да е естество, обоггана пода красоту, власти аморовой подчинило, тако овај младићъ съ прекрасномъ Маргаритомъ падне некакo у волшебну мрежу нѣгову. Ово родителъ яко ожалости! ербо залюблѣнъ као и изгублѣнъ! чујући, да имъ више ни на очи изићи несме, не да се е вратио у отечество, већъ отишао у Неродимѣ и приѣо царску службу; изгубе надежду са свимъ, даће имъ се нгда више дома вратити. Зато наипосле стану промышлявати, кога бы су могли себи усвоити, и своимъ га наслѣдникомъ учинити.

Намѣромъ некако Веса, ибкій ація изъ едне варошнице — Станишева — и Романъ Мирка аріе сынъ, доведу имъ изъ неког' манастира ђаче едно, именомъ Миливоја. Ово имъ се е случайно, путујући у Призренъ, овако догодило. Како су у веселый дворъ Иве Загорице еступили, падне Миливој старой

Госпои у очи, и тако јој се доброугоднимъ овај младић покаже, да га е одма, оно вече јошть одъ Весе за сына себи измодила, мислећи да е дете нѣгово. Изъ речій овога младића съ коиѣ намъ се ова књига и почиѣ, примѣтити можете, да е было изображенъ, и чувства вѣѣма нѣжна и деликатна. Но по несрећи и на нѣму е младимъ јошть као капля, несташниѣ аморъ хитрость свою употребіо! чудесне е съ нѣмъ катастрофе правіо, и као млада сила га е у любви варео, докле се дѣло наипосле нѣ, на велико свима у двору удивленіѣ, како штоѣете видити, відкрило.

Дѣлце ово истина има некій видъ романа, но моя су свуда о любви изражена честна, и чисте природе свойства, коѣ невинности никаквоѣ вредъ нанети немогу; ербо срдце благонравнимъ напредъ поученима подкреплѣно, неступна ону, кою му ова поставляю границу. Я самъ имао прилику више путѣ видети, да се пре могу оны срдца пороцы коснутѣ, кои се у читанію романтическо-моралны књѣга не упражняваю, и читаніѣмъ други књѣга себе не изображаваю, но застаю при простой природи, као што су; а овамо приликомъ съ покваренима почнусе мешати, кои имъ лако и поводъ на неваляство дати могу. Умъ изображенъ неѣа се лако повести, и срдце читаніѣмъ лени књѣга облаговариваѣно, гнуша се на пороке. Познато намъ е, да у граѣанскомъ свету у граѣанскомъ животу и собранію, више се прилика обоему полу на руку даю, да имъ невинность у опасность долази, нежели по простымъ мѣстѣма и селѣма; и зато онеѣ младежѣ граѣанскѣ нѣ толико на гнусне пороке устремлѣна, нѣ толико лудой страсти одѣана, као што оне видимо, кои изъ просты мѣста у варошѣ велику доѣу; и кои изображенѣ неѣаю.

Вы будете любезны Читателю! у оной книжицы чути, како намъ стара госпожа, као и сѣка наметна и децу любѣна мати, Миливоѣ сына своегъ, на комъ е пѣку слабость примѣтила, дѣло учи, съ какимъ онъ уваженіемъ, као младъ, у првомъ цвѣту будући, невиность свою треба да почитуе; и како намъ мудро она и свое, кое е воспитавала, дѣвице, у свакой прилики опоминѣ, да се раднѣомъ занимаю, да се сатимъ красе, и да цѣломудріе за свое драгоцѣнно украшеніе сматраю и цѣне: таково као зѣниче у очима хране, и да га и самоме животу предпочитую. Къ томе, петый царъ людѣй: Ива и Круна, што намъ се и Економіе или домостроенія тиче, пѣновогъ трудолюбія, нѣновогъ согласія; нелицемѣрне искренности, и узаямне любви; разумногъ съ млађима поступка, и у дому свакогъ поредка: леле намъ за нѣста, полезне, и подражанія достойне примѣре даю. На кое Васъ благоревниво, као будуће наше у дѣлѣхъ пріемняке, опоминѣмъ, читайте само съ вниманіемъ, и као млади ползуйте се трудомъ моимъ! усѣвѣвайте любезный цвѣте! у наукама, усѣвѣвайте на дѣку и похвалу своему роду и у свакой добродѣтели! и мала Ваша изъ овогъ дѣла полза, мени ће веће за труде мое быти увеселеніе, богата за мене награда.

А што се гдѣ коме противно види, што я писаюћи кнѣге, наблюдавамъ нашъ правописъ — ортографію нашу — и неку у извѣстномъ рѣчма са своегъ мѣста да избацимъ по неко писмо х, Вы на то любезны и неглядите! Вы се држите само дѣла, и поцрпљивайте изъ нѣга ползу, а оставите онакове, нектъ они лете, и оно: ахъ, ихъ, охъ, као дѣла шарене по цвѣћу лептирике вілю; по неко писму изъ довољногъ узрока пишемъ, точноеть языка нашегъ тако изискуе. Я пишемъ зато: влахъ, монахъ, орахъ, монхъ, твоихъ, нашихъ, идохъ, сѣдохъ и т. д. зашто: у множественомъ брою, имена

сушгествителна претвараю оно х у с, и кажемо Вла-
си, монаси, ораси, а не: Влаи', ораи'. А у прилага-
тельнымъ у падежу родителномъ, броя множествъ: х
морамо задржати, да разликуемо падежъ родителный
одъ именителногъ: Мои, твои, наши, свети, богати
и т. д. Нїе ли дакле ово правилниє, да рѣчи, и па-
деже у произношенію себи подобіє, съ писменама
разликуемо? Садъ какву ми погрешку у томъ онай
налази? Та свакій Србинъ тоиъ или гласъ за ову
рѣчь има: мои служители (именителный) а другій
за ову: моихъ служителя (родителный) што су неки
тога мѣстиа, да се овакове рѣчи изъ смѣсла могу
разумети, нїе истина! я самъ то пробираю, и некимъ
у прилики подносію, пакъ кадъ коншструкция одъ
выше періода, и прилагателно, или местоименіє одъ
свогъ сушгествителногъ имена, далеко бачено, не-
може да разуме! докле се немисли, и по другій путъ
не чита. А зашто бы я мени правіо два посла? онъ
признає мени оно за погрешку, што нїе погрешка,
но управо правило граматично; а невиди у какву се
є погрешку самъ, у єдномъ недавно издатомъ, своемъ
дѣлу страшно спотакао! кое я изъ неке мое и за
пѣгове груде, као младоме човеку, признателности,
за садъ прѣшутавамъ, употребленія нешу да чинимъ,
нешу волю да одузимамъ, времеће га уздамъ се ис-
правити: *tempus est optimus magister!* — Я пиш-
шемъ кнѣге само за Србе овде у Мадарској, нити
се придржавамъ провинціалногъ діалекта овогъ, но
узимамъ езикъ у обширности, да и онима по воли
што учинимъ, кои су Срби по Далмаціи, и у Црно-
гори; у Босни и у Ерцеговини; у Срби и у Албаіи:
кои народи по већој части оно х задржаваю, и ка-
жу: овїехъ людїи (у мѣсто овыхъ), сувїехъ шльва;
идохъ мало, и уморихъ се, на сѣдохъ и т. д. само
што оно х едва їмъ се чує, како га изговараю.

Како годъ дакле што памъ се една речъ одъ друге у произношењу разликуе, тако валя да ю и писменама и разнимъ знацима, разликуемо, да у читаню свакиј одма види, како му кою речъ изрећи треба, а не да најпре изрекне ову уместо оне, и ону уместо ове, пакъ пошто већъ такоу изрекне, види, да му речъ у свомъ смислу шје, и онда да се наово поправи и по другій путъ ю чита, као и пр. ове рече: вреданъ-а-о (съ њ) а вреданъ-а-о (съ њ) прва значи (съ њ) способна, и у послу благоухотна, бодра и жива човека; а друга (съ њ) облеченомъ значи вредовита, и шкодљива човека. Кадъ су памъ дакле ове, и овимъ подобне, речи различне, и србинъ иј и у произношењу разликуе; зашто да такове и писменама или знацима неразликуемо? Зашто да се ми кодъ својој очію силомъ слепима правимо? Зашт' да странпутицомъ идемо, кадъ намъ се лепо види? Куда на зѣнице наше? Кои народъ јошъ то чини? —

Као и онај између србина и славено-србина разговоръ, у србекомъ лѣтенису, у другој части, год. 1830 на стр. 93 кои такођеръ веиде на исправленъ езика, но само на вредъ нѣговъ, нарочито што се ортографіе тиче, и пречишћаваня речій одъ туђи, у комъ разговору славено-србинъ овако починѣ:

„Чуо самъ одъ многи паметны' людій и т. д. ово е могао онај нѣговъ србинъ овако рећи, кои незна ортографіе, а не славено-србинъ, подъ коимъ именомъ онъ подразумева онога кои се у писаню ортографіе, и неки' славенски' окончаія придржава; ербо овај би рекао и написао овако: чуо самъ одъ многихъ паметныхъ людій. Зашто оно нѣгово самъ съ њ значи самъ-а-о, а самъ съ њ, есамъ. — А многи паметни люди, стои му у падежу именителномъ, и онъ држи, да е у родителномъ, аферимъ! — самъ болестанъ, пакъ дошао да здравога

лечи! Заведи му вальда за здравлѣ, и силѣмъ га болестнымъ прави! — „Ако ниси вели уши запушиѣ! и — знали лѣтописъ за тебе? говори славено-србину. — Лепа израженя! показую му карактеръ нѣговъ, иде не некій инатъ, а овамо ни самъ незна шта ће и шта да говори.

„Я незнамъ, вели, шта є простъ языкъ, само знамъ, да онимъ нѣтимъ говори и простъ и не простъ, дакле се може обштыи языкъ назвати“ и т. д. Мой Србине плитко мыслишь! Ты Славено Србѣяна ниси ни разумео. Сзыкъ є обштыи у смотреню само нѣговогъ имена, т. е. говоришь ли ты србски, или говорио као наученъ, или говорио као простъ човекъ оно є србски! Та опай витиствовао єь катедре, та говорио землѣдѣлацъ, оно є србски и едно и друго: но у смотреню на сочиненя, на штиль, и витиство обштыи языкъ быти неможе! ни саме речи, узимаюћи їи понаособъ, нису обште, нѣти могу быти; зашто гди ће мени простъ човекъ управо моћи знати, шта є то: повятіє, изятіє, изражай, благогласіє, суеверіє, лакомисліє, проницателство, уни-лостъ, очаянѣ, ускликъ, слѣдство, невѣжа, изображенъ, учтивостъ, чувствителностъ, раскошъ, мавновенѣ и т. д.

Све ове и овимъ подобне речи теку изъ уста ученогъ, а не простогъ человека, слѣдовательно принадлеже языку изображеномъ, или књижевномъ, а не простомъ. Кадъ разликуемо человека простогъ одъ научногъ, и кажемо: простъ человекъ, и изображенъ человекъ како да неразликуемо и простъ языкъ, одъ языка изображеногъ?

Но рећи ће ми овде ко за ове вышеречене речи, да нису србске, но славенске: нїє истина! Оне су нама обште и славенске и србске. Онда бы му я такове за саме славенске признао, кадъ бы ми друге на место овы показавъ, и вадъ намъ ове кодъ

срба не бы у употребленю быле. И мы у нашемъ езикѣ, може быти, оваквы речій выше имамо, кое су нама обште са славенскимъ, него кое су саме за себе славенске, као н. пр. ове: чрепахъ (корняча), хвостъ или ошибъ (репъ), струпъ (краста), пиръ (часть, гостба), ящеръ (гуштеръ) и т. д. ове дакле, съ осталима, кое су само славенске, србѣнъ у свомъ говору не употребљава, слѣдователно и непише њъ, кадъ србѣки што пише, но зашто да на оне вичемо, да су славенске, и да њъ одбацуемо, кое су обште? — Онда славенске су и ове просте: Богъ, небо, звезда, земля, трава, вода, домъ, огань, и т. д. кое и србѣ овако исто изговараю. Истина да србѣнъ не каже домъ и огань, но ватра и куѣа, али зато опетъ каже: домаѣнъ и огняште. Кадъ дакле речъ производу кажемо, зашто бы корениту одбацивали?

И нарочито мы, збогъ озаковъ присногъ ерѣдства нашегъ езика са славенскимъ, и будући класичнымъ, кадъ пишемо што вышнимъ штиломъ, обычно кажемо: Славено-србѣки. А заръ су и кодъ Римляна прѣсти землѣдѣлци онако латински могли говорити, као што намъ Цицеро, Сенска, Орацій, Виргилій, и остали учени люда пишу? И невидимо ли и мудре Немце, да и они имаю књижевный свой, и ураѣеный езикъ, на комъ квьѣте пишу, кои имъ се такоѣ одъ простого езика разликуе? и именуе га: *Hohdeutsch*. И славено србѣнъ овде некаже простъ езикъ у одношеню на обичный говоръ, но у смотрењу само на штиль.

И Французскій е вели езикъ одъ Латинского изишао, пакъ зато Французски писатели у писаню књига, несприближую овой езикъ кореномъ; нѣти се рече пишу: Латинско-Французски и т. д. Овде се вида, да намъ е овай критакъ читао еданъ предговоръ, у комъ се подобно нешто о озомъ говори, но некакo вѣе онъ добро узео оно на умъ, шта се онде оѣе.

Французскій языкъ у такой разлики съ Латинскимъ стов, као в Србски са Славенскимъ? погоди! н. пр. Славенски кажемо: Господь сотвори небо и землю; небо украси свѣтилами, землю же раздѣливъ III воды, покри травами, и исполни ѿ благовонными цвѣтами и т. д. не каже ли овако, готово сасвимъ, и Србинъ? Пакъ него овако и пише. Садъ да узмемо у сравненъ и Латински съ Французскимъ, и да видимо нѣкову разлику. Н. П. Латинъ говори овако:

„Dominus vester sôrrext? — necdum!“ — „dormit ne?“ omnino Domine, dormit! quare — quid placet?“ — non possum tibi dicere, sed alia vice veniam „bene Domine!“ dicet ne illi nomen meum? „absque dubio“ „rogo ne praetermittat!“ non Domine! „quando debebo venire?“ post meridiem! sed sum occupatus amice! „eras ergo.“ hoc faciam, bene valeat! и т. д.

А французски ово исто овако се изговара: сасвимъ друге, него што се и пише, н. п.

„Vorte maitre est il levé?“ pas encore! — „dort il?“ Ouy Monsieur? il dor! pour- „quoi-que vous plait il?“ je ne saurois vousdire! je veendrai un' autre fois! „bien Monsieur!“ luy direz vous mon nom? sans fante! „je vous priſ, n'y manguez pas!“ non Monsieur! „quad dois je veni?“ a prés diner! „je suis pressé mon ami! demain!“ „ce que je ferai aussi и т. д.

Садъ любезный у Лѣтописцу Србине! запитай твогъ Проматея, како намъ се ова двоица разумева-
ю? —. Као Турчинъ чакъ изъ Анадолиѣ и нашъ Србинъ изъ Бачке! пакъ јошть у каквой имъ е раз-
лики в ортографія! пишу: votre, maitre, pas encore
и т. д. а изговара: votr, metr, pazancor! Ето ти за-
што се исприближую французски списатели латин-
скоме езику, и зашто се непишу Латино-французски!

Невидишъ ли какву е пропасть време између ова два езика поставило?

А што каже и за оне турске речи, које су намъ у нашъ езикъ, после падеја Србије случайно улетиле, да такове задржимо, и да њи као своје сматрамо: и у овомъ занета ладну ревностъ къ исправленю свогъ езика показуе! Незнамъ ко би му одъ паметны людѣй у томъ за право дати могао, кои н'оле о изображеню нашегъ езика промишљава. Зашто би мы варварске речи у нашемъ, па јошъ књижезномъ езикау задржавали, кадъ имамо наше собетвене, съ којима оне заменити можемо и, пр. каже:

Аманетъ: ова се речъ производи одъ *Аманъ* арабскѣй Богъ, и употребљава се у виду заклетве, можемо дакле рећи: Бога ради, или по Богу: заръ не веле наши Срби: По Богу и по св. Јовану? а што намъ онъ каже: ко ће народу садъ ове речи турске моћи изъ уста избити, да њи пензговараю остазимо мы народъ некъ онъ говори, како е научио, то ће за време бити, но у књигама пишемо само наше речи, па народъ читајући књиге мало по мало съ временомъ привикну ће се на своје речи, и турске ће одбацити. Та научени люди кодъ своје народа труде се и друге ружне обичае у народу своѣмъ истребити, и лепе имъ обичае увести, крива буди о чему миѣи исправити, и чиета имъ о стварима понятія дати, зашто не бы мы то и о езикау чинили: кои народу управо име и быће дае? Зашто да умеемо а м б а р ѣ не пишемо житница? и зашто ову нашу речъ киша, онъ потурчи? Зашто да задржимо ѿ ч ѣ турску пакъ, кадъ имамо нашу: врећа? врећа да! была пртена, была вунена, све едно, долази намъ одъ славенске наше речи: вреца. — Цепъ, славенски чѣагъ, мы рецимо боль жеиъ, него цепъ, ербо тако су у старо време Срби ову речъ и изговарали, и види се да су е одъ славенске речи чѣагъ, прео-

бразили, кою после и Маѣари присвоє себи. — Ду-
ханъ? продаоница! кантаръ? вага! но? пакъ зашто
не? некажемо ли важити, сила то важна, дело вели-
ке важности, мало важи, неважи ништа и т. д. нео-
пределноа ли онда речъ ова по извѣстной или неизвѣ-
стной мери неку вредность ствари? а што намъ ову
речъ и Немцы имаю, зато незнамъ бы ли се и могло
доказати, да е она сама Немецка, по или е управо
паша, или е обшита, и паша и немецка; као што и
видне речий имамо обшита съ другимъ языкомъ и. пр.
соо — *Satz-fal-so*; вино — *Wein* — *vinum-ven*; сун-
це — *die Sonn e sol-sozeil* и т. д. на место ове речи
теразіе вѣси! ништа зато што е славенска! болъ
намъ е и славенску речъ, као отчину узети, него
туреску задржати. — Кашика? лажица! Као што е
у Србији и зову. Чиракъ? светнякъ. — Пенѣръ! а
зашто не прозоръ? Пешкиръ? убрусь! заръ не ка-
жемо убрисати се? дайми вели пешкиръ да се убри-
шемъ? пфуй! Кодъ оваке красне наше речи убрусь
да задржимо ову ранјаву, туђу и варварску речъ
пешкиръ! — као и пенѣръ, уместо ове чисте, пра-
вилне и благогласне речице: прозоръ, одъ прозира-
ти, да пишемъ пенѣръ! Рѣчи не ми ко овди: е, мы
смо се тако навикли, пакъ намъ лепше пешкиръ и
пенѣръ звони, него убрусь и прозоръ! е мой Срби-
не! навичай сила чини, али намъ се треба исправ-
ляти, одъ ружнога се одвикнути, и оному што е ле-
по привикнути се. И бака е нека имала снизку ку-
ћицу, у којој кадъ бы напрела вретенце свое, забо-
да бы га у влажну стѣну (дуваръ е турски), а кадъ
јой сређный сынъ сазида кућу одъ камена, и пече-
не цигле, ніе могла то чинити, пакъ за првомъ уз-
дане и рекне, ей моя прва кућице, где си ми! у
ову ни вретена не могу садъ да забодемъ. По твојмъ
дакле мнѣнію да се неисправлямо, по да заостаемо
при чему смо се нашла? Заръ ибранимъ а не сви-

ла? или свилень конаць, и усукань конаць? Кадъ можемо рећи: пртень или кудельный конаць, зашто не бы рекли и свилень конаць? и Шваба каже: Seide, Seidenzwire, gedrehten zwire и т. д. пакъ добро.

А! — што се тиче оны туђи и странны речій, кое намъ науку какву означую, и кое су и други просвећени народи себи усвоили, такове и мы себи задржимо, таковы се нестидимо, и. пр. Грамматика, Логика, Фисика, Философія, Географія, Антропологија и т. д. Ове су речи грчкогъ языка, кои є источникъ свою наука: али турске оне, и све просте речи да задржимо, кое съ нашимъ заменити можемо; нектъ му дав за право, ко ће му дати, я недамъ, я немогу, я самъ томе противанъ, и уверанъ самъ да ће ми и потомство тогъ мнѣнія у томъ быти, а за любезно се наше потомство пайвише и трудимо.

Но шта намъ овде овай критикъ Славено-Србину рече? „Сваки є вели, неотесанъ, или као што ты кажешъ простъ языкъ силни одъ изображеногъ,“ и т. д. А зашто не простъ него неотесанъ. Та мы некажемо пашемъ землѣдѣлцу неотесанъ! — и найпре рече, да є аданъ языкъ общи, коимъ говори вели и простъ и непростъ; а овде садъ каже да є простъ языкъ силни одъ изображеногъ! Самъ дакле себи противоречи! И кадъ тако рече, зашто мало ведеказа, у чему є простъ языкъ силни одъ изображеногъ? Вальда є онъ одъ другогъ нешто о овомъ чуо, пакъ се ніє добро известіо, у комъ є смыслу овай филологъ такво што рекао. Та мы знамо, да прости люди у свакомъ народу неке речи, и стварна наименованя, у коимъ се простота упражнява, болѣ знаду одъ научногъ, но састои ли се сила языка у таквимъ само понаособъ речма, кое су речи механичне и осязателне? И кадъ онъ предпоставля силу языка неотесаногъ языку изображеномъ то нашто намъ Грамматика, нашто Риторика, нашто намъ толка у ви-

тінству упражненія, толики трудови ученика да красноречіє получе? Та где ће намъ простъ човекъ у својој беседи она израженія вмати, она у речма синонима знати, и оне фигуре употребити моћи, коє човекъ изображенъ може. Кудъ є се онъ део! — Я заиста не бы о овомъ толико ни говорио, єрбо ово се само по себѣ види, да се и недоказує, но говоримъ збогъ любезне наше и іошъ неискусне младежи, да намъ се она не вара, и оно што нїє, нити може бити за истину држи! — као што по несрећи и видимо, да се већ многи вараю, и одъ правогъ се пута у нашемъ кнѣзеству удаляю.

Но мени се види, ако се не варамаъ, да є овај истый нашъ Србѣнъ изъ выше некое на Славено србина мрзости и зависти оно писао, него съ намеромъ нѣга у нечемъ исправити. Одржао тамо онъ и леку надъ Славеносрбиномъ на последку и победу! но како? као да бы му рекао „айде да се рвемо, но я знамъ да си ты почаи! плећа, алъ за мою любавъ, дай се ты побѣдити, некъ ми се повиче само: право! право! — Онъ се обежава свомъ противнику, да ће и онъ што писати: Богъ да прости, то намъ є мило! но ако му и у делу буде ортографія, као што му є у ономъ разговорѣ; то болѣ некъ бы се дао вамолити, да намъ ништа и не пише, него да намъ онако пише. Єрбо ортографія намъ у писаню кнѣга већу силу има, него Грамматика и Синтаксисъ. За што и наше старице кадъ говоре, одъ саме природе у произношеню речій свойство єзика свогъ механички наблюдаваю, нитъ ће коя, или врло редко, у склонєніяма или у спрезанїяма што погрешити, само што небы сирота то знала онако правилно написати, да речъ одъ речи себи подобне съ племенима и знацима разликує, ово се иште одъ кнѣгописца. Она зна лепо рећи: 12 Апостѣла, много жѣна, сила людїй и т. д. она ако є и проста и кнѣге незна, у

произношеню овы речій гласъ точно отеже и удара у речи своіой на родительный вышебройный, да разликує одъ родительногъ единбоя: тога Апостола, и одъ именителногъ: та жена, и тїи люди. Гласъ дакле овай кнѣгописаць ово съ (') ово съ (') и съ ій вали да назначи! друго є вода одъ водити, а друго є: вода одъ воде.

Я самъ на овакова любезни мои читатели! у овой нашей кнѣжицы назію, као што ће те у нѣой и видити, читайте само съ пажньомъ, пакъ се не дайте одъ коєкога варати, нити се Славенина, се догъ свогъ отца, туђите! немојте Славенскій ѣзыкъ презирати, неправите се силомъ пасторчадь, кадъ сте и вы сынови нѣгови, као и овай Славено србинъ, кон се одъ нѣга не удалява, кон седи баби своѣ до колена, за коє му братъ и завиди. Братъ овай или є знао нашу ортографію, или ю нїє знао, и нїє хтео писмена и знаке къ правилномъ читаню и речій къ разлики употребити, нїє дакле ишао на исправленїє младежи у нашей Литератури, но само да Славено србина пеца: ако ли ортографію нїє знао, то како є и могао предъ Славеносрбина изићи, и о ономє доказивати, што и самъ незна? одовудъ є самъ себе, какавъ є, лепо характеризирао! — —

Найпосле онъ и то рече, да онъ жели такво дело написати, коє ће нѣга преживити, а не коє ће дело онъ преживити. Да онъ то жели, я веруємъ, но да ће моћи таково што учинити, я сумнямъ, и боимъ се, да не буде: „тресу се плавине роди ће се минѣ!“ найпре треба скочити, пакъ онда рећи 'опт! явно му се и изъ овы речій види, како онъ страшно Славено србину завиди! но бадава онъ гледи Славено србина уверити, да ће нѣму време овай споменнѣ срушити, коя є онъ (какавъ такавъ) съ трудомъ своимъ себи подигао. Моћи ће заръ потомство съ временомъ неке речице, и нека у речма о-

коачена, за свой, по провинціалномъ діалекту вкусъ, у нѣговихъ кнѣигама и изменути, и по својој волѣи гдешто написати; но съ овомъ маломъ изменомъ не пада списатель, неумиру зато трудови нѣгови, нектъ се онъ не бои! Ербо оно духовно зданіе нѣгово остае, кое се оснива на лепе мысли, на морална правила, на живомъ представленію стварій, на красно речію, на благовкусномъ изразу на точномъ употребленію Риторичны фигура и т. д. на којима се е Славено Србинъ, као и други, нѣму подобни, потрудио саставима своимъ биће основати, и дела своя безсмертныма учинити: слѣдователно нектъ се не бои, нити да мысли онъ о томъ, да ће Славено Србинъ дела своя моћи преживити, ма онъ поживіо и Матусалеве године.

А за оно любезни читателѣи! што намъ е истый крѣтакъ у свомъ разговору изъ Цицерона за онога Клеанта навео, кои е Риторику тако написао, да бы човекъ, вели, нѣ читаюћи пре могао онежити, ни самъ заиста незна, шта е и съ тимъ доказати хтео развѣ ако е то, да е противъ Славено србина нешто ишао! За кое уместо што му е Славено србинъ, као што онъ каже, рекао: хвала ти на разговору, болѣ да му е рекао: хвала ти на кажи, т. е. савъ ти разговоръ за ништа емаграмъ, савъ ни душе дувана не вреди! но био е спрамъ нѣга тако учтивъ, и гледао га, као онай дунѣринъ ону децу, која су му повикала: на ки во то јуњ! нектъ намъ онъ деломъ покаже, да уме лепше и болѣ писати, него Славено србинъ, пакъ ће му се рећи: хвала ти, во естъ! онъ гледи, да иза кортине маневре неке прави, а на полъ несме да изиђе! али ништа, онъ се познае и по речма у свомъ разговору, као дрво по плоду, колико важи! Пята народъ нѣга и нѣговогъ Славено Србина, съ колико ће онъ чіе дело свогъ удостоити уваженя. Зна народъ то и самъ,

природно є то людма, да боля одъ горета, ако и ни-
су оно учили, распознаду; но онъ є радъ све друге
заслєпнѣти, и своѣмъ противнику оно одузєти, што му
є наймилїє, и што нѣму народъ за трудове нѣгове
драгевольно дає, т. є. пристойну по заслуги благо-
дарность. Но нека бы се Славсно србинъ и ове, у
коіой онъ награду свою чувствує, и лишю, онъ зато
онєтъ немари, єрь нѣгова благорєвнїва за общту
ползу душа другу радость, и другу себи утѣшеня за
трудоває свое награду чувствує, о коіой онъ ни пра-
вога, може быти, понятїя нема.

(У Карловцима Срем.

1. Мая. 1831. год.)

Милованъ Видаковичъ.

Блаженъ свакій, коя се одъ сладке природе нїе
удалю, кога чистю іюшть ердце ове у естеству прї-
ятности уживати уме; блаженъ коя у ове свое удо-
вольство палази и осеѣа, и коя умъ и ердце свое къ
небеснимъ зре узводи, а земна као временна и ско-
ро исчезаваюѣа сматра и држи! — Овако младый нашъ
Милвой одвоивши се одъ дружба и поневши се
на еданъ выше двора, Иве Загорице, зеленый хол-
миѣъ, у некомъ срдца сажаленію самъ себи рекне:
каковый є дивный вели, овай предѣлъ! какова є за
око и чувствително наше ердце ове просте природе
красота! Какový є чистъ овай воздухъ, и какový
прїятный по нѣму тихи Зефири мирисъ съ оны мно-
гovidны цвѣтова развеваю, и свуда разносе! — Ко
намъ посади ове зелене шумѣ? Чїя рука посу сил-
ный онай и разношарный по зеленой травѣ цвѣтъ?
Ко украси ове по нѣма лептириѣе, и ко їймъ она-
ко извезе, као свидомъ и златомъ нѣжна она крил-
ца пѣнова? Ко умудри ову малу пчелицу, да овако
одъ цвѣтка на цвѣтакъ прелеѣе, да медну ону изъ
нѣга росу изсисава и у кошницѣ носи? И изъ како-
вы малы, очима готово невидимы' капльица она то-
ликій медъ и восакъ скуни! одъ кога ли мало ово
сззданіе научи, да у кошницѣ онакове шесто-уголне
ћелїице, и те све подъ едномъ и равномъ меромъ
поправи, и у нѣи медъ сипа? Коє кадъ напуни, по-
вуче по врѣ танку одъ воска кожницѣ, и лѣно ћелїй-
цу ону затвори! — о како є мене у овомъ покойный
мой учитель Симеонъ учїю! „Богъ да му душу про-
сти никадъ га заборавити неѣу.“ Помислимо, рекао
бы ми, ко уздиже оне высоке горе? Ко устрои ове
зелене холмове? Ко изведе кристалне оне изъ каме-
ны' гора источнике и потоке оне? коме ове невинѣ
птичице овако весело пою? ко даде маломе славую

онай сладкій гласъ, ко ли га научи да онако съ нѣмъ затреса, и своіомъ волшебномъ мелодіомъ у сердце насъ дѣла и чувства ваша у нама оживлява? Чѣя рука вели, уздиже на површину небесну ватрений онай шаръ — сунце —? Ко ли му путь къ теченію показа, да одъ истока нъ западу онако по плаветномъ небу плива. Како онъ на пурпурна у ютру небесна прата одъ истока, као царъ изъ свога престола изиђе, и светлостъ свою на вселену проспе све оживи и у движенѣ приведе, а у вече на страни западной тихо се у лучезарну светлостъ, као у ружичну спусти постелю! ко му опредѣли оно време, за колико часа онъ то учинити има? и ко по нѣговомъ одлазку, наступаюћемъ мраку, небо звездама посипа, и по средѣ нѣи месецу теченіе дае? ко тако, вели, устрои, и на каковима известнимъ законима све ово установи и утврди?

О смртный! ово намъ ѣ она естества кнѣга, изъ кое любопытливый духъ мудростъ Божию поцрпава. Ову ѣ и Царъ Давидъ читати морао, кадъ ѣ у усхищенію радостномъ рекао „Господи! вся премудростію сотворилъ ѣси.“

При овакимъ мислима убрише младићъ свое ружично лице одъ зноя, и спусти се на зелену траву; наслони упило главу свою на леву руку, и баци погледъ свой ту на неке исподъ холма равнице, кое беяше стадо оваца закрилило. Гледи како се ягачићи весело ту утркую, и слуша концертъ млада пастира, како лепо у свое свирайке свираю. „Благо вама рекне, высте садъ сретнии одъ мене! ваше се сердце садъ у оной радости наоди, у коіой ѣ и мое пре мало времена пливало, и дотле се у нѣой наодило, докле га се іоштъ нѣе любовь была коснула! о любви, любви! какова ѣ волшебна сила твоя! какову ты измену за едно само магновентъ ока у момъ сердцу учини! како да мени красота едне дѣвице на

све друге у природи пріятности чувства на едипућу овако затупи, волю да ми на све одузме, вкусе елу и пійу умали, и сва ме, у комъ самъ се свагда као младъ наслађивао, садъ лиши! камо мени садъ она бодрость духа, куда ли ми изчезну она веселость срдца? — О Боже! ели можно, да се мени ово твоимъ некимъ мановеніемъ и твоимъ съ выше попуштеніемъ суде? Я самъ може быти и сагрешію, што самъ се онога свестога места удалію, зашто да се я за онима поведемъ, и волю мой родителя преступимъ? Можно, да су они мене управъ изъ каквога узрока и саветовали, да у Манастиру останемъ, кое ако буде, преступившій я таковый предъ Богомъ нѣновъ завѣтъ, какой се срећи у миру и падати могу? — Ахъ несрећный є за мене онай часъ бшо, кадъ є она мени првый путъ у очи пала; а јоштъ выше, кадъ ю є Веса у село довео, и по несрећи кодъ стола ю спрамъ мене посади. Онай дебелко, као да на мою погибель иде. Доведе ме и изъ манастира овимъ людма, пакъ ми се обећа, да ће ми доћи, и неделази, а рече ми при походу, да ће ми и тайну неку одкрити, но да се дотле неказуемъ, да я нисамъ нѣговъ слыть. Онай пакъ другій такође яко ме се нешто прійма, и видимъ, да ми добро жели, а овамо и неказаше ми, ко є онъ; и одъ куда є. Бриземъ се сила и за родителъ, како є и нѣма то пасти морало, кадъ су чули, а чути су садъ могли, да самъ я изъ манастира отишао! Заръ они нећеду мене тражити? Заръ ћедусе они мене, свога рођеногъ детета сасвимъ одрећи моћи? и зашто бы су то чинили, кадъ їй я ни у чемъ уредію нисамъ, развѣ то, што самъ садъ изъ Манастира отишао; и ово они садъ могу себи за увреду пріймити, али они су и пре тога на мене нешто имали, и ладни ми се показивали; особито мати, јоштъ кодъ куће докъ самъ бшо, кое я нигда незнамъ зашто. Я се добро опоми-

нѣмъ, како ме е пѣз малена любила, и съ каквомъ ме е матернѡмъ милошћу предусрѣтавала и умира-ла замномъ, много выше него отаць, као што е матери и свойствено, а после волюби кѣрь коя еъ коликимъ е степеномъ у узрасту своємъ любовь матерню къ себи умножавала, съ толикимъ мати веѣма и веѣма на мене мрзити почне. Неамъ ю, као дете юшть, у томъ извинявао, судеѣи, да то и кодъ други матери бива, да дете млаѣе, особито мезимче выше милую, и да свака готово мати, выше е кѣри одата, него сыну; зато тѣшю самъ се съ тимъ, што самъ отца къ мени благоаклона быти видю; но како се мало помало и онъ за матеромъ поведе, я самъ незнамъ! само видимъ, да ми нѣе ни онъ онай, кои ми е бую. Колико ми е путій дошао у три године у манастирь, да ме види? свега заръ 5 — 6 путій, и то све нешто самномъ незадоволинъ, и безъ волѣ, кое ме е свагда веѣма ожалостѣавало. Да рекнемъ, да ме е ко што кодъ нѣга облагао, и то еумнянъ, ко бы што самномъ као еъ дететомъ имао. Я самъ се моме учителю, доброй оной души, као отцу повиновао; я самъ све у Манастиру честне опе старце и монасе, као свештена лица, и Божіе служители свагда съ пристойнимъ благообразіемъ, учтивѡшћу, съ любавлю и са страхопочитаніемъ предусрѣтавао, и еви еу ме радо, као свое дете пмали; слѣдовательно другій некій узрокъ мора быти, зашто се мене мати моя одбацуе, и уиравъ докле самъ юшть и кодъ куѣе бую, на мене е нешто мрзити почела; женила ме е, и бирада ми дѣвице на свакій претъ, кадъ я юшть никаква ни понятія о томъ имао писамъ, а садъ навалюе, да ме калуѣери! да я морамъ у Манастиру остати! Она да е мене завѣтовала, то бы вальда како самъ на овай свѣтъ дошао, учинила, и небы ми потомъ дѣвице на наметь наводила, и клицу ону къ похоти пре времена у мени

развѣяла, као што многа неразумна мати чини, по ту мора нешто друго бити! — О Боже! всемогући Боже мой, и праведный судіо! ты мое срце, ты мое чувство у нѣму познашть! заслужуемъ ли дакле я то? Ахъ! есамъ ли я кадгодъ и у чѣмъ негу заповѣдь твою преступлю, и али мене ангелъ мой, да я то учинимъ, попустио? У чѣму самъ я матери моѣй только сагрѣшио, да она самномъ тако худо поступа, да ме се тако одбаца! — Но я зато благодаримъ теби создателю мой! што ты мене опетъ оставіо писи; зашто судимъ, да е се мени твоимъ мановѣніемъ сбыло, да мене ови добри люди съ отеческимъ усердіемъ, и управъ съ родительскомъ любовлю овако прииме, и да ме усынове; да бригу о мени воде, и среѣннимъ ме учинити желе: алъ текъ опетъ срце мене за мое родитель боле, и тяжело ми пада, да се они на мене срде; и кадъ бы самъ знао зашто, я бы самъ мою погрѣшку поправіо, я бы предъ мою мать клекло, заплакао бы се и опроштенъ поискао; али неспамъ, ты си ми свидѣтель о Боже, да я незнамъ! — Айде што е съ моимъ братомъ, као съ пасторкомъ, кога родила нѣе, онако поступила, да наипосле оде у войну, али зашто да самномъ, роѣнимъ своимъ сыномъ, тако поступа?

При овимъ речма шушне му нешто иза еднога са стране одъ дивлѣ ружице костурника, па кое младикъ овај презне, и види стару госпођу Круну саданю свою помайку, коя му се ту прикрила бѣше; тронуть буде и закраеи се на лицу, но она га съ умилатимъ предвари речма „о Миливоє дете мое мило, сыне сладкій, шта е теби, да си тако невесело?“ съ тимъ пристуши му, и съ наводненнимъ очима загривши га „кажи сыне! рекне му, милуюћи га рукомъ по гладкимъ цѣговимъ образима“ кажи дете мое! шта теби фали, шта ти е тяжело кодь насъ? исповеди мени као матери; я одъ неко време на те-

би примѣчавамъ, да си ты нешто све невесео, и нешто си ожалостѣенъ; дружба избегавашъ и све самоу тражишъ, као и садъ, устаде одъ стола, и остави онако весело дружба и дође овамо. Еда ли худишъ за свое родителъ, за куѳомъ својомъ? или те друго што на срдцу тишти? Буди што било, ты мени кажи, пакъ ћешъ видети, съ каквимъ ћу се и матернимъ усердіемъ тебе приѣмити, да ти помогнемъ. Любавъ моя къ теби сыне, принуди мене да понтемъ пазорце за тобомъ, да видимъ само куда ћешъ, — и изъ любви овде самъ ти се подкрала, и иза ове руже на тебе сажалително гледала: видела самъ, да си двануть мараму изъ цепа извадио, и очи си брисао, морао си дакло плакати, а уdomу Загоричинемъ никада се, мислимъ, ни последний слуга и служкиня заплакали нису, зашто да намъ ты плачешъ? Ако ти е тежко сыне, за куѳомъ, и за родителъ, то ти се лако помоћи може: мы ћемо ти родителъма поручити, да ти дођу. Ты знашъ, како ти се отаць одма преволіо, да намъ те поклони, како самъ те одъ нѣга занесала. О сыне! како се е мени ово вече, кадъ те е случайно отаць нами съ онымъ господиномъ довео, учинило, како се е мени оно у срдце упечатило, и какву е, првый мой погледъ на тебе, любавъ мою матерню къ теби произвео, я ти изказати немогу. Но Иво, рекнемъ старому, погледай какво е овога детета на лицу подобіе, нашемъ Веселиву. „Аидъ съ Богомъ, одговори ми, немарљиво старый, непрекыдай ми беседу, ты вели, како какъ лево дете видишъ, таки да нѣму и подобіе твоя сына наћешъ. И као изъ шале по свомъ обычаю рекнемъ, чую си и самъ, ишти вели одъ овогъ господина кадъ ти се тако допада, нека ти га поклони, па после наше смрти, нека све наслѣди, зашто я рече и тако за овога нећу выше ни да знамъ. Ахъ! мати самъ сыне сладкій, пакъ ми тежко пада, свое рођс-

но и то единче наслѣдія исключити, и туђе дете усвоити, ал' є яко васъ увредіо, и отаць неће да му опрости. Я, као и свака мати, нѣжніѣга чувства, алобу противъ могъ детета, мое утробе, водити немогу, я бы га и давасъ у материя моя обятія съ отворенимъ срдцемъ и у уехиѣеню пріймила, алъ онъ ни пошто. О Боже мой! (заплакавши се) тако є исто младъ бую, одъ 17 година, кадъ смо га у Солунъ послали, и майка га одъ оно доба выше видила и нѣ, има томе 20 година! — Али Миливоє тако є исто у оно време изгледао, као ты садъ; и то твоє съ нѣмъ подобіє, оста ми сынко на срдцу, и ово се у мени съ тобомъ сада у место нѣга тѣши и ублажує. На то младићъ: али мени јоштъ мамиче! известно нѣ, у чему є онъ васъ тако увредіо, да му родитель неможе да опрости.

Стара. Нѣгова сыне погрешка, съ којомъ є онъ васъ увредіо, нѣ за казиванѣ. И отаць бы му првѣи онај у такову погрешку крѣакъ и опростио бую, но онъ, као младъ нѣ могао, ни за нашу родительску любовь, ногу свою натрагъ повући, него учини противъ наше волѣ срдцу своєму удовольство! и тако изпадне изъ отчине любви! —

Миливой. Тако гди вамъ є онъ сада, и како живи?

Стара. Онъ є у Солуну, и живи како чуємо врло добро, но да намъ напиркоси, заеуке се, да се нигда женити неће, сатимъ дакле да намъ се племе наше на нѣму угаси. Онъ є у чину войничкомъ, и недавно постао є Тиеућникомъ, и често садъ долази и крѣлю у Неродимо, али намъ никако! камо срећа, да га нисмо у Солунъ послали! Истина да є онъ и изъ малена јоштъ чинъ войничкій свѣгда любіо, и зато смо една чекали, да намъ настане на 20 годину, пакъ да га оженимо, и путъ му у войну врекратимо, али покойный братъ мой — Архиман-

дрить — кодъ кога се е пре тымъ у Манастиру учио, изъ добре намере, павали, да га грчкога езика ради на науке у Солунъ пошлѣмо, и тако пошлѣмо га и оставимо га тамо за целе три године. Мы у намери да га кући доведемо, и као у 20^{тој} већъ години, да га оженимо, нашли смо му были већъ и девојку, одъ красны' людій фамиліе подобие нашої, али случај некій намеру нашу предвари, дело намъ се по нашої желји не бы, и оно намъ се, чега смо се плашили, догоди.

Мил и вой. Можно мамце, да младићъ нѣ волю имао јоштъ женити се, али баръ кући дошао?

Стара. Камо га срећа сышло за насъ, да намъ е онъ кући дошао, но оде у войну!

У оно време (настави стара) ты се јоштъ ниси ни родіо быо, пошлѣ нашъ краљъ неколико гарнизо-на своѣ войске у Солунъ, и то све по изборъ войнике, гарду свою, и отмѣну съ нѣма госпеду, да приѣме Симониду грчкога цара кѣсрь, садашню Краљицу нашу, Принцезу онда јоштъ младу одъ едно 8 година, кою су Грци, имаюћи пре тога ратъ съ нама, одъ нашегъ краля побеђени, као залогъ на зактеванѣ краля Милутину по трактату мира дати морали; ерѣ Милутинъ съ Грцима, кои су га пре тога двапутъ преварили были, миръ иначе заключити нѣ хтео, докле му они залогу такову обѣхали нису, дати. И знаюћи краљъ нашъ Грчку гордость и поносъ оная нѣовъ, да се они радо у свакой прилици съ великолѣпнымъ помнѣма показую и на другій народъ съ малимъ уваженѣмъ гледаю, даде садъ, као победитель надъ нѣма и самъ свою гарду, све младе и высоке момке, као да су одъ едне матери, едномъ се и снесомъ и у еданъ данъ сви задоили, даде їй велимъ, по свомъ и землѣ свое обичаю такође у драгоцѣно одело и у злато обути. Красный крой ерѣски' альяна на виткомъ и лепо-устроенномъ нѣовомъ тѣлу; высоки на нѣма одъ самура

калпацѣ, съ испуштенимъ лепомъ на одну страну скерлетима, и на шѣма све златне челевке съ белимъ и китястимъ перѣмъ; а конѣи подъ нѣма 'аловити, скупоченимъ уздама и седлама украшени, за кое свакій живъ рекао бы у облакъ ѣе съ юнакомъ полетѣти; кога млада небѣи то уехитило, и кое храбро срѣце, таково што видеѣи, небѣи заиграло.

Пише намъ сынъ, да, кадъ су у Солунъ при-спели, и у лепомъ своемъ войничкомъ строю на пи-яци стали, сильный ѣймъ се народъ ту, као на чудо слегне, и видъ свой на нѣи устави; они као стра-ни, выше и зато очи грађана на себе обрете, и као победители, веѣе уваженѣ, и веѣе почитанѣ, ту до-бѣю: свакій ту (вели намъ у писму) и одѣло србеко похвалываше, што таково за юнака сходнѣе быти виѣаше се, него ли грчко, ако ово и поскуплѣ бы-яше. „Ово су намъ, многѣи ту рекне, прави они подъ Александромъ Великимъ Македонци, кои су выше на юванство, него на киѣенѣ држали. Колико ови у свое доламе, и овако поузане погавице, окретнѣи могу бы-ти, нежели наши Грци. Како ѣймъ лепо и оне ѣур-дице прилюблѣне къ тѣлу стое, и како ѣймъ злато на отвореноплаветнимъ доламама дивно изгледа! за-вѣста, приложе друга, Србскѣи мундиръ издае момку и стаеъ тѣла лепши, а кодъ насъ веле, навуку по старомъ Перѣйскомъ обичаю, ковакве широке ан-терѣе, и съ дугачкимъ спуштенимъ рукавима, кои ѣймъ и ести сметаю, и тако и далѣ пише намъ дете, како су се Грци, гледаюѣи србеко воинство, меѣу со-бомъ разговарали, даемо му се и насмеяли.

Онъ тада (продужѣи стара) као младъ изѣѣе изъ школе и доѣе ту видети Кралѣвску гарду; уехи-ти се и одма се у ню даде записати: за три дана буду му готове и алыне, кое су га доста и етале, и обуче намъ се за гардиету. Ово намъ толико про-тивно и небуде, кадъ има на то волю, неск' иде; по

после не нешто учинити, кое насъ всома ожалости! Каснѣе се истина извѣстимо, да му е управъ и поводъ великій на погрѣшку датъ; ерѣ на лепой ябуди граи се крѣше. Младиѣъ прикладанъ и у првомъ цвѣту своемъ, добро вали да се узме на умъ, иначе зло по нѣга! —

Но я се дете на мое пытанѣ повраѣамъ, кажи ты мени, шта е теби одъ некогъ времена? ты нешто уивашъ, ты се брижанъ быти видишь; старый ме и юче пыта: Бога ти вели, шта е томе твоемъ сыну? То намъ се дете одъ неко време измени! нѣму нешто фали, зашто га непыташь. Зато сынокъ! исповеди ты мени, и кажи ми, као матери своей, шта е?

На кое младиѣъ: я вамъ на матерной вашей къ мени любви усрдно благодаримъ, и съ поверенѣмъ сыновнимъ я къ вамъ все и исповедити. То изрекши, полюби старой руку: я самъ родомъ изъ Стаиницева, я нисамъ сынъ онога Господина, кои ме е овамо довео, и предъ вами, оно вече за отца ми се издао; онъ е мои теча. Онъ е человекъ иначе добаръ и паучевъ, но шалливацъ и флегматична темперамента, за себе немаранъ; онъ нѣе нигда деце ни имао. Онъ е одавно кодъ моего отца; учю е найпрое моего некогъ брата Романа, кои е было одъ прве моего отца супруге, а после е учю и мене. Онъ мени при походу одавде рече, да се я не издаемъ да нисамъ нѣговъ сынъ, но да останемъ кодъ насъ, докле онъ не доѣе, и да не ми онда онъ и неку тайну одкрыти. Какова бы та тайна была, я незнамъ, но на ваше любезно пытанѣ, я небу да лажемъ.

Мой се правый отецъ зове Мирко Раниславъ неки га зову и Ранковъ, а мати моя блица, имамъ юшгъ и сестру одну, коя е четири године млаѣа одъ мене. Мой е отецъ по смрти прве своей супруге, человекъ было веѣъ у годинама, а мати моя, дѣвица одъ своей бывша 13 година, падне му у очи, и захтели ю

узети за жену; она, сирота будући, а опѣ богатъ, склони се и пође за нѣга. Мой е отацъ врло желіо и порода од нѣ имати, но ова му се желя за неко-
лико испочетка година неиспуни. Наипосле затрудни,
и роди мене. Ово е была обое нѣи неописана радостъ.
Мати е моя у осталомъ истинна жена добра и честна,
нити я могу за мою матеръ, зло што рећи, али же-
на доста люта и пристрастна; неимаюћи толико ду-
шевнога у себи изображеня, выше се по срдцу по-
веде и по ѣуди, нежели по разуму и моралу; изъ
превалике къ мени јошѣ маломе любви, омрзне на
мога брата Романа, и све е настоявала око мога
отца, да и онъ на нѣга омрази, кое наипосле и бу-
де. Почну обое (я и непамятѣмъ, но тако су ми дру-
ги казивали) на нѣга са злимъ, долге, докле мла-
диѣ не оде некудъ у светъ и не стане у войну; чу-
емъ да е потомъ изъ войне опетъ изишао, но гди е,
незна се. За мою матеръ казују, да е пре него што
ѣе мене родити, съ моимъ отцемъ најлюбезнѣе жи-
вила, радо га имала и како годъ отца свогъ чество-
вала; а кадъ мене роди, наеданигутъ нешто се изме-
ни! почне на нѣга мрзити; и нѣму готово заповеда-
ти. Онъ човекъ природе тихе и честолюбивъ, три-
ю покрива зло свое, и то највише мене ради: „е
моя ѣлице! выше бы јоѣ путѣи разерѣено и у сажа-
леню рекао, моли се ты вели, Богу, што ты то дете
самномъ имашъ, кое ми ердце мое ублажава, да ѣу
я у нѣму и по смрти моѣой живити, а ты бы си ве-
ли, познала, како бы я съ тобомъ поступио; я бы
теби показао, шта е мужъ. И тако три ю сиромѣ и
данъ данашній.

Она е на мене до мое десете године, као на
сунце свое гледала, любила ме и умирала замномъ;
а како јоѣ кѣи прирасте мало, она и къ мени олад-
ни нешто, мало помало почне на мене мрзити и од-
бацивати ме се, као да ми н ѣе мати. Я самъ ю

испочетка, ако самъ и малый былъ, извинявао, да то свака готово мати чини, да се детету, које после роди, већма одда, и више га любви, и свака опетъ мати већма ревнује кћери, нежели сыну; но после некусимъ, да она у овомъ прелази меру своју; еръ почне и мене гонити, као годъ што е и пасторка свога гонила. Мени ово одъ рођене мое матере тежко падне! я іой се умилявамъ и шта нечинимъ, и то найвише доброгогъ отца ради, кои ме е бравію, да се небы збогъ мене съ нѣомъ свађао. И она, я самъ неznamъ, као да е два срдца у себи имала; некій путъ бы ми се врло добромъ показала, зашпигла гледала бы на мене, пакъ бы іой ударила сузе, и тако бы ме съ матернѣомъ милостѣу пригрлила, као да се нешто разнае.

Кадъ ал' едно вече (настави младићъ), дође мой отаць одъ некудъ съ пута, и мати га моя тако любовно и тако радостно предусретне и дочека, да самъ се я чудію, и мило ми буде. Подоче будучи, я као дете вечеру нисамъ могао чекати, по легнемъ спавати. У неко доба проснававши я, пробудимъ се, погледимъ изъ постелѣ мое, и видимъ, гдѣ нѣи двоє, отаць и мати, седе іошѣ при столу, и при чаши вина тихо се разговараю. Мати ми се особито добре волѣ быти чиняше и отцу се нешто умиляваше и угођаваше му. На еданъ путъ у разговорѣ, мислећи, да я спавамъ, дођоше у речъ и за мене: ала Мирко, срдце мое, вели, шта бы я тебѣ рекла, но чисто ме мрзи и споменути ти, зашто си чуданъ човекъ, боимъ се, да се неће твоя воля съ мојомъ слагавти, пакъ да ми се па жао неучини, ако ми одрекнешъ! — Отаць на то: „да чуемъ само, пакъ ако е што добро и паметно, я ти одрећи нећу. — Ова на то бацѣ очи на мене у кревету, спавамъ ли, и неprimети, да я буданъ исподъ іоргана на нѣи впримъ. Мислимъ се вели, за то дете наше, шта ћемо

чинити. Ты се много на твогъ Весу (за мога течу) поверавашъ, али я ти кажемъ, да дете, не само што кодъ нѣга ни учемъ успѣти неће, него ће га јоштъ и покварити, као што е и онога много покварио и ено шта бы одъ нѣга! но болѣ ће бити вели, да ми дете ово предамо у Манастиръ, слухала самъ за садашнѣгъ у Манастиру учителя, да е то особитый человекъ; и науке лене притяжава, и человекъ некий веома добре парави: добаръ е Ђлинь, добаръ Славенинь, и побожанъ еданъ человекъ, да му се мало пара може наћи! — О жено! рекне отаць, та малый намъ е јоштъ! тринаеста му текъ годинца настае, та јоштъ се честито самъ ни обући незна. — „Піе онъ малый Мирко! доста е нѣга, зна се онъ већ обући; има деце тамо и манѣ; изъ малена дете и езикъ лакше и болѣ научи. — Отаць на то поћути, пакъ устане: и изиђе напољ. Она заоставша сама, замисли се мало „ахъ! жао ми вели и самой, ал' е блика кошуля, нежели альина! и шта неће мати за своѣ рођено дете учинити; а и сама самъ, приложи, као млада јоштъ, рада поживити, зашто небы я ту грану мени съ пута уклопила? — Ове речи нѣне кудъ су јой се клониле, я добро разумети нисамъ могао, развѣ изъ последнѣ, да е рада мене уклонити, коя ми и сузу на очи ватера: и како небы? одъ матере рођене то чути! —

На то уђе и отаць. „Да е Ђлице, спустивши се на столицу рекне, тай человекъ Симеонъ добаръ едавъ учитель и поштенъ человекъ; наученъ, и све колико, имашъ право, ал' ако намъ се вели, дете, онде кою годину бавећи се, чину монашескомъ приволи, кое я небы радъ быо, шта бы смо онда? — „Пакъ ако бы и то было, шта бы му фалило? — Е! — жено! видишь како неразумно говоришь! ерѣ гди бы я могъ единица (у онога се другогъ и неуздамъ) на монашескій чинъ предао! Ђлице моя мила! Праотаць

нашъ Яковъ ніе могао Рахилу веѣма любити, неже-
ли я тебе! и онъ ніе могао съ веѣомъ радостѣу Іо-
сифа, конъ му се є одъ нѣ родіо, дочекати, нежели
я Миливоѣ. Но како се ты према овоме детету из-
мени, и нешто оладни, я се самъ начудати немогу!
Кудъ ти изчезну молимъ те она желя, да га оже-
нишь? Колико ся му веѣъ девойка досада палазила,
и какове му ниси бирала, а садъ немаришь, буди
бы се и закалуѣрио! — Садъ видимъ да є дете
безъ отца права сирота, а не безъ матере; ваша ма-
терпя любанъ само є у милованю єдномъ цваканю,
а у дѣлу среѣннимъ га учинити, слаба вамъ се лю-
бавъ види. Кадъ си видила да га я полюбимъ, осимъ
кадъ юшгъ ни проговорити ніе могао; а тако ми,
придода, на срѣцу ово дете лежи, да ти я изказати
немогу! —

Укратко да кажемъ, да по довольномъ о овомъ
дѣлу кошканю, мати ми даде найносле отцу за пра-
во и сагласи се у томъ съ нѣмъ, да ме одведу у
Манастирь, и предаду учителю Симеону съ препору-
комъ, да ме за мирека човека изображава, и данасъ
сутра добра изъ мене и честна граѣанина произведе;
отацъ є тако о мени и мислю, но време є показало,
да є мати управо желила, да се я у чинъ монаше-
скій обучемъ, и у Манастиру се закунемъ; наслѣдія
после смрти отчине да се лишимъ, и да она све до-
бро са кѣрю приграби и освою: по своѣй прилици
изъ выше речены' речій нѣны', да се може и сама
юшгъ удати, и съ младимъ мужемъ пожити. Садъ
судите, коя бы друга мати то чинила? Да самъ іой
пастораць, нека бы; но роѣнный сынъ, кога є едза
дочекала! какво є то срѣце! —

Како ће дакле далъ бити прихвати стара речъ,
хоѣду л' те одвести у Манастирь? Одведу ме рекно
младиѣ, и то преко волѣ мога тече, на кога є ма-
ти моя свагда мрзила, и све є глядала, да га изъ

куће своє исключи, но ніє могла, зашт' ту є мой теча имао своїй новаца у радњи съ моимъ отцемъ.

Кадъ ме отаць одведе у манастирь, настави младиѣ, преда ме учителю, и лено ме препоручи: по савѣтуєме, да се добро владаѣ, и обеѣа ми се, да ће ме съ матеромъ моємъ выше путій преко године посѣтити. Теби ће придода, кодъ овогъ господина болѣ бити, него и кодъ насъ, како што ће ми и бити! ахъ! три годинице протекле су ми, као три дана; прошле су ми кодъ нѣга, као у сладкомъ некомъ сну. Сутра данъ полазеѣи мой отаць кући, узме ме за руку и поѣе самномъ мало на страну; „сыне мой, рекне ми, мени много тяжело пада, што ти є мати выше кѣри одата, нежели теби, а ти ово небы на паметь ни приводіо, но примѣтіо самъ, да си и самъ то искусіо, али зато ништа, чедо мое мило, увери се ты, да ѣу и я теби выше поклонитъ быти, него нѣной кѣри, само ты буди добаръ, и ню онегъ дете мое, као матеръ свою люби, немой сынокъ на ню сердце свое имати, твоя вели среѣа, не одъ нѣ, но одъ Бога и одъ мене зависи. Многа є приложіи мати у томъ неразуміа, што матерню любовь свою, неумеду у равновѣсію меѣ децомъ своїмъ да држе, по почне гдиюа, едно дете выше миловати него друго, и съ тимъ, не само любовь ону сынову одъ деце къ себи умалаваю, но іюшть учине, да се братъ на брата или на сестру изопачи, и едно на друго мрзе. Я самъ рече матери и неброєно пута о томъ говорію, но забадава! зато ти є и съ течомъ она непрестано у завади. И што се годъ она вели, выше на нѣга люти и када, то се онай вѣрма смее, и ердитость нѣну за ништа изменює. Она оѣе приложіи отаць, да га я отерамъ, но я то изъ довольного узрока чинити немогу, не само вели зато што намъ є сроднякъ, но мы другу меѣ нами имамо заяту.“ О какова бы моя радость была, настави ма отаць,

кадъ бы я могао матеръ твою на ону любовъ къ тебѣ довести, у коіой те е найпре имала! — Старъ самъ сыно! приложи, боимъ се умреѣу, пакъ Богъ зна, како бы съ тобомъ поступила. — При овимъ реч'ма сиромъ и заплаче се. Я самъ (убрисавши очи марамомъ) настави речъ, я самъ одъ нѣ порода желію, и благодаримъ Богу, дао ми е вастъ двоѣ, кое тако гледамъ, као даръ небесный, и као ове две у моіой глави зенице: али чудо ми е одъ нѣ: како е родила тебе, измени жена свою наравъ, прозли се нешто на мене, и осили се чисто! А кадъ доби кѣерь, мало по мало омрази и на тебе, кое ми много теже садъ пада, по шта іой знамо, кадъ е такове нарави. Зато вели, сыне, кадъ іой я спиходити морамъ, и тримъ ю, као мужъ, съ тѣмъ выше вели ты, не само трити ю, но као сынъ дужанъ си и любити ю, ако желишь Божій себи получитьи благословъ, кой ты и я благословъ мой, као оцацъ давмъ. Съ тѣмъ полюби ме и оде.

Мени се ту, наравно као детету, разжали; гледимъ за нѣмъ, а суза ми сузу нестиже. Па то пристуни ми добрый мой, Богъ да га прости, учитель, узме ме кротко за руку, и тешећи ме, одведе ме къ другой деци у свое себе, съ коіомъ ме ту упозна и отечески све насъ опомене, и посавѣтуе, да се пазимо, и да братеки меѣу собомъ живимо. Изъ самы, нѣговъ речій, кое су му као медъ изъ уста текле, предвидимъ я садъ, да ће мени ту добро бити; како што се у томъ неѣу ни преварити; човеку благу, помислимъ у себи, и мужу просвѣтителомъ лако е угодити: испуњавай дужность свою и владай се по налогу нѣговомъ, као што треба, пакъ добро! — Онъ е было око свой 60 година, но прекрасный старацъ, на лицу было га е познати, да е разумно младость свою провео. Онъ е было найпре као мирскій человекъ и оженѣнъ, но жена му у кратко

време умре, и то га тако ожалости, да се завѣтуе
 выше неженити се, и зато дође у тай манастирь съ
 намеромъ у чинъ монашескій ступити. Но будући
 отворе ту клиричке школе, и видећи нѣга настоятель,
 да е човекъ наученъ, и за такоу школу способанъ,
 даде му катедру, съ кое ђе онъ ту, преко 30 годи-
 на съ похваломъ Богословію предавати, и збогъ то-
 га непрійми свештенство на себе, но обуче се за мо-
 наха, и као монахъ предавао е Богословію. Имао е
 у мое време преко 40 ученика, кои су Богословію
 слушали, и за ове е имао плату изъ царске кассе,
 а за децу, кою су му, понайвыше господа, на вос-
 питаніе давали, имао е плату одъ нѣхъ, оваковы' бы-
 ло е насъ седморо, између којъ было е троє деце
 Гръке, коя су му Србскогъ языка ради послата бы-
 ла. Одъ овы даде онъ мени едно, да самномъ у соби
 буде, да се и я одъ нѣхъ Гръки а онъ одъ мене Срб-
 ски поучи. Я самъ понешто Гръки пре тога и одъ
 мога тече научію быо, но мой другъ на мою срећу,
 Србски ніс нимало знао. Учитель е нашъ и Блинъ и
 Славенинъ добаръ быо, и у светомъ писму сасвимъ
 искусанъ. У краспорѣчію кадъ бы у цркви слово го-
 ворію, уподоблявали су га Светомъ Златоусту. Онъ е
 намъ, кои смо кодъ нѣхъ на воспитанію и на косту
 были, на опредѣлено време предавао Граматикку и
 Синтаксу, на оба языка: Славенскій и Блинскій, и
 части слова толковао бы намъ изъ Светогъ писма,
 найвыше изъ Евангелія, одкуда бы онъ у анализи-
 раню речій, и целу моралну науку намъ развіяо. О
 мамице! кадъ бы онъ нами изъ Евангелія ова Хри-
 стова слова толковао: „бѣдите цѣли яко голуби
 и мздри яко змія“ и къ томс довео бы намъ и изъ
 Псалтира: „Сердце чисто созижди во мнѣ Бо-
 же и дѣхъ правъ ѡбнови во утробѣ моеѣ.“
 Кадъ бы намъ велимъ онъ то толковао, дивна она
 нѣгова и жива израженя, и съ некимъ жаромъ и

ревностіу, да бы свакоме болѣ науку ову, као млеко небесно у срдце улиу, тако га е милина слушати было, да е выше путій и сузе намъ изъ очію нате-
рао. Често бы намъ покойный, у благодарномъ о-
сеѣаню рекао „децо мой! еве друге науке, кое слу-
шате, безъ науке моралне, остаю вамъ пусте, оста-
ю безъ плода, и ако какавъ плодъ и принесу, ніе
вкусанъ, ніе за душу словесну питателанъ; опоръ е
нешто и горакъ, шта выше вели, много путій и самъ
отровъ за насъ буде; еръ наука вели, безъ благо-
правія на великій вредъ може быти. Зато е прило-
жи, дужность учительска, не само школске оне пред-
мете по пропису предавати и науке ѿмъ само тол-
ковати, но такове и мораломъ као плодносомъ съ
неба росомъ орошавати, ако жели среѣне у своемъ
дѣлу съ ученицима успѣхе чинити. Али иште се у
овомъ стріленя, на кое насъ и светый апоетолъ Па-
вле обвезуе, говорѣни: „Пребивайте въ званіи, въ
немже звани есте.“ Тешко оному, кои се свога звани-
я подража, и кои, дужность свою неиспунява. Ахъ —
(заплакавши се младѣхъ) нигда га заборавити небу!
я вамъ га мазнице, неумемъ описати, неумемъ, вѣсти
вамъ га могу довольно похвалити, такавъ е то чо-
векъ быо. Ко' га ніе познавао, тай ніе за нѣмъ уз-
дануо, ко' га ніе видіо, тай се ніе за нѣмъ запла-
као, но шта самъ я за нѣмъ суза мойі проліо, не-
веруемъ, да бу и за роѣнимъ моимъ отцемъ оноли-
ко пролити. У пайгоре ме за мене време остави! —

На то стара наслонивши му руку на раме:
„Сыне мой! рекве му, дете мое любезно! то су ве-
штествени анаци, да ты имашъ добро срдце! добромъ
е срдцу свойствено, да родителѣ свое и благодетелѣ
наше кои бригу о нама веде; предетателѣ наше и
учителѣ свагда любимо, и такове, кадъ ѿ се ли-
шимо, оплачемо и ожалимо, но опетъ сыне! ты те-
бе у томъ умери! немой се толико на срдцу сакру-

шавати! — Помысли сынок! старъ е было, морао е и умрети; младъ каже се може, а старъ мора. Ако тебе и друго што на срдцу не тишти, кромъ една нѣгова смръть, я ти у томъ право недамъ; кадъ бы сынок! на нашей воли было, мы таквове, и нѣму подобнима, нигда умрети небы ни дали; али — Божія е ту воля. Онъ намъ е съ овога света нестао, онъ е позванъ съ овогъ света, као еданъ трудолюбивый дѣлатель изъ Божіега вргограда, да прійми свою, за трудъ свой, плату, свое право! Онъ намъ садъ ликуе съ небеснимъ жителяма, и изъ оне вѣчности, съ удовольствомъ на васъ сматра, кое е онъ воспитавао, као на младе у Божіемъ саду маслине свое, на кое е онъ духъ свой къ умноженю душевнаго на земли плода, прилѣжно изливао. Сматра сыне на васъ као на нове храмове, кое е у вама подвигао, и на славу Божию такове умножіо. Такогога се мужа споменути, и ожалити га, на нѣгове се добродѣтели позвати, и у такове нѣму поревновати, то е дужность наша; али тако га жалити и толико за пѣмъ плакати, излишно е то сыне; истина, да е нѣму и та сузна жертва, коіомъ му хладный гробъ орошавашъ, пріятна, — но много выше ѣе се, благодѣтельна у оной вѣчности и нѣгова душа ублажавати съ тимъ, ако ты, оно семе нѣговны' благонаравны' поученія, у твоѣмъ младомъ срдцу, кое ти е онъ посеяо, тако утреявати узумешъ да изъ нѣга онай плодъ добродетели произведешъ, кои ти е онъ желіо; и ако се сачуваешъ одъ свію оны' порока, одъ койъ те е онъ млада одвраћао, в кои су противни вѣговимъ поученіяма; то е дете мое и Богу и жителяма небеснымъ благоугодно, и то е првый путь, коимъ до свое среѣе младъ човекъ доћи може. Одргни се дакле одъ тогъ униваня, оживи духомъ; престани веѣ тужити, и поврати се у прво твоє духа расположеніе. Но я бы рекла, ако се неварамъ,

да ты и другу неку тугу имашь! ты тужишь за твое родителѣ, кажи ми дакле, како є среѣна съ тобомъ поступила; кадъ ти се є тай добрый учитель представіо, и на кои те є конаць и твой геча овамо довео, види ми се, да то са знашьмъ твой родителѣ ніе было? — „И ніе! одговори младиѣ; я моимъ родителѣма пишемъ, и явимъ за учителя, да є умрѣ, захтемъ се дакле куѣи, и молимъ да пошлю по мене. Три године одкако су ме ту довели, само ме є отаць неколико путій посѣтіо, а мати нисданпутъ, кое самъ се веѣ и зажеліо быо, да є видимъ, особито сестру мою малу, кою самъ нѣжно любіо; пишемъ їмъ едно, пишемъ друго, и молимъ, но никакова одговора! чудимъ се шта то може быти? —

Кадъ еданипутъ у неделю, изиѣмо съ ютренѣ, и мене настоятель зове у свою собу: ставимъ се учтиво предъ нѣга, и чекамъ, шта ће ми садъ реѣи. Онъ етоѣи, погледи на мене; премеѣе брознице и смеша се. На последку, „шта ти пише вели, мати? —“ „нпише ми Господине їоштъ нпшта,“ одговоримъ я. — На кое онъ „я самъ рече, прїймїо одъ нѣ пиемо, она лево пише за тебе, но отаць ти ніе кодъ куѣе, ово дапа, придода чека га съ пута, и доѣи ће намъ заедно съ нѣомъ; она вели, жели, да кодъ насъ останешъ, да прїймишь чинъ! по али то съ отчїномъ вольомъ, я любезный незнамъ. Я се добро опоминѣмъ, да ти є отаць нами говорїо, да те ніе радъ у монашескїй чинъ обуѣи, найпосле зависи сынок и одъ твое волѣ, ако ты на то волю немашъ, то те силомъ немогу изтерати; зато даемъ ти вели на знаѣ, да се добро промислишь и готовъ будешъ отцу, кадъ намъ доѣе, на пытанѣ, оѣешъ ли или не, одговорити. Съ тимъ садъ окрене се къ другомъ ту свештенику, и поѣе съ нѣмъ горе доле у ѣелїи: „я незнамъ рече шта су ови люди памислили съ овимъ дететомъ, ево како ми нѣгова мати пише, пру-

живши староме писмо, кон читаюѣи ма'аше главоуъ и смиснаше се.

На то садъ настоятель „ел' ти она твоя права мати?“ запитае, — „естъ Господине, одговоримъ я, и — како ми не бы мати была — „если ты сынеко подъ каковомъ тѣлесномъ погрешкомъ запыта другій стараць, — збогъ кое вели, болѣ бы ти и было да примнишь овай чинъ, нежели да останешъ мврскимъ, безъ надежде фамилю и наслѣднике себи получитьи, као што ти отаць, (о матери вели неговоримъ) желъ? — Я на то поруменимъ, и предъ честнымъ лицама спустимъ очи къ земльи, стыдомъ, а юмтъ выше удивленѣмъ пораженъ, тай ма незнадо' шта да ймъ на то пытанѣ одговоримъ.“ Кажи сынеко, ободравоуѣи ме настоятель, кажи вели слободно, ты си хвала Богу паметанъ младиѣъ, а мы имамо узрокъ нашъ, зашто те пытамо: несогласіе, рече, у овомъ дѣлу твой родителя, види намъ се, да се едно о теби вара, но незнамо, отаць ли или мати; ты се зато нестиди истину намъ одкрити, одъ кога одкриѣа судба твоя завися? „Мени на то потеку садъ сузе“ Богу благодаримъ! рекнемъ ймъ, я до данасъ никакове на свету погрешке на мени познао писамъ, тѣло є мое цѣло у савршеномъ природномъ саставу, као што треба. — Е добро сынеко, рекну ми, и на лицу ти се до душе види, да си вначе здравъ, садъ можешъ иѣи, и промисли се, што реко', да намъ и предъ отцемъ можешъ казати, узволишь ли мирскимъ заостати, или овай чинъ ва себе приѣмети. —

Я садъ полюбивши обоицы руку, поклонимъ ймъ се и поѣмъ. Я юмтъ ни врата за собомъ честито неприятворимъ, чуемъ да настоятель рече: мора вели чудна нека жена быти; ово мене садъ (петина да є мало и непристойно было) застави предъ врати, шта ѣу юмтъ чути, еръ стварь иста мене се и мое срѣче тиче — „да она вели, (наставивши говоръ

настоятель) силомъ и преко мужевльве волѣ, дете свое оѣе да покалуѣри, и зато вальда му и погрешку тѣлесну пришива. „Ако и дете на то узима волю, рекнѣ другій, и отцу му nebude противно, Боже благослови; та и за насъ бы, приложи настоятель, то добро было, ако бы му часть нѣговаго иманя после свое смрти у манастирь жертвовали, као што намъ се она у писму ево обеѣава; но младѣѣ, придода, неѣе се на то склонити; я самъ то веѣѣ примѣтю, да волю нема: онъ е вели, и одъ покойнога учителя, по налогу отчиномъ, сила одъ овога реда одвраћенъ; онъ е нѣму сасвимъ мирскій животъ усладію; зато види ми се рече, да и мати неразумно то и захтева.

На то ѣе садъ другій реѣи: „покойный е то дете нѣжно воспитаво, и мало га е и размазіо, дете му се умиљавало, а добро се учило и добро се владало, и онъ као старъ човееѣ, нѣе толико хтео строгъ быти надъ нѣимъ. „Починмо мы одсадъ другоячѣе съ нѣимъ поступати, пакъ ѣемо мы паравъ нѣгову изменити, и нѣга у друго чувство довести! кадъ мати одъ нѣга то жели, дете мора! „кадъ мати велишъ то жели! приложи настоятель, аѣ кадъ оѣацъ не жели? — „Е, — оѣацъ! нашто жена неѣе мужа приводити; особито нѣга стара, а она млада. — Е, пакъ како мислишъ да съ нѣимъ поступимо? — Да га прѣиммо за искушеника нашегъ, пакъ да поступимо и съ нѣимъ, као и съ другима; одтргнути га одъ кнѣиге, и дати му посла у обе руке, капту у шаке, пакъ нека намъ залива, као и други, вртоградъ, неѣѣ илеви и нека свашта раде; свако ютро на ютрениѣ, на часове, на вечерѣѣ, и т. д., на свашта убрѣзати га валя, пакъ ѣешъ видити, како ѣе онъ волю на чинъ добити, и пре времена іонѣѣ захтеги, да га обучемо! То све, вели, може бити, само кадъ родители оѣеду, и кадъ се нема онъ на кога подиѣрати.

Настоятель садъ овоме старцу то одобри, а я се разсрдимъ, и одемъ, мислећи у себи: нисамъ я на главу пао, да се тога посла я пријимимъ, на кое ме срдце мое невуче; и више самъ се срдио на матеръ, коя неразумно самномъ поступа, него и на оне честне старце, кое она гледи, да ѿ митомъ на то обрати: я мене осећамъ, да самъ рођенъ за войника, а она силомъ жели, да ме покалуђери!

Едно дакле јутро зовну ме, и яве ми, да они мене одъ истога дана пријимаю за искушеника! я на-даюћи се, даћеду ми родителън доћи, на кое самъ нестрпеливо свакиъ данъ и изгледао, нерекнемъ ѿмъ ништа, но счислимъ се съ осталима на искушеніе. Съ почетка истина непоступе тако строго самномъ, мислећи заръ, да ћеми отаць доћи, коме бы се имао зашта потужити: елѣдовательно, да ме не заплаше. По видећи потомъ, да ми отаць неодолази, нити ѿмъ што онъ одъ стране свое пише, а мати бы ѿмъ еднако препоручивала, да ме гледи на светый чинъ приводити; да ће она за то ѿима благодарность показати; да я имамъ лепо, по смрти отца, наслѣдіе, и да ћу я то све у манастирь превући, и шта я знамъ, како ѿмъ се она у своимъ писмама неизражава: видећи велимъ они, да мой отаць нити долази, нити ѿмъ што пише, навале садъ на мене са-злимъ! пишемъ Боже мой! отцу, и тужимъ се; молимъ да ми дође, и да гледи шта ће самномъ чинити, я више у манастиру остати немогу. Беть! одговора никакова! садъ я подозремъ на матеръ, да она моя писма задржава, а можно и отчина на мене увати, и не однуети, као што ће да се и засведочи.

Еданъ данъ у време обѣда, пријми настоятель писмо, кое отвори: по, вели сынко! Ево ти памъ и отаць пише! я прочитавши слегне раменима, и почне опетъ ести. Я у нестрпленю, чути што о отцу, служећи ту при трапези, нескидамъ очи съ настоя-

теля, оће ли ми што казати. Кадъ по обѣду, узме онъ писмо, и зовне ме у свою ћелию. „Миливоје! вели, ели ово рука твога отца, указуюћи ми писмо; я погледимъ „естъ!“ рекнемъ. Ево вели прочитај, како лепо пише за тебе, и како ти излива родителско свое срце! онъ тебе на овај чинъ нишоме неће. Узмемъ я и читамъ, па дивна она израженія, сладке оне родителске любви, потеку ми сузе изъ очю. „Е мой сынокъ! рекне ми Господињъ то су сладке сузе, но окрени другу страну, шта ти тамо пише! Окрепемъ, и чимъ почнемъ читати, мрави ме подиђу! у додатку исподъ имена свога пише ми овако: по будући вели, да те е мати на тај чинъ заветовала тако мора ћешъ се обући, и ако то неучинишъ, престаешъ выше мовимъ сыномъ быти, светъ е пространство, и подъ небомъ шумлѣ, иди кудъ те двое очи воде! Смућенъ садъ погледимъ на старога Господина; шта е опетъ ово! зашто да ми овако пише, а овамо напредъ сасвимъ другояче? „А ел' то една рука? запыта ме опетъ старый.“ Една Господице, одговоримъ, я познасмъ руку мога отца. „Е, вишта вели, узме писмо одъ мене, и смешећи се“ ухватићу рече я у трагъ томе. Садъ я сетимъ се нешто, и радъ бия, да јоштъ еданцутъ исто писмо видимъ, алъ већъ онъ мене одпустивши, оде у другу собу.

Заоставшу ми тако у недоумленю, мислимъ се, шта ће наипосле самимъ быти. Помислио бы, како самъ живю, и како садъ живимъ, пакъ бы ми тежко на срце пало. Садъ намислио бы да се подкрадемъ изъ Манастира, па и безъ се Богомъ рећи коме, одемъ кући, садъ опетъ мислимъ, на што знамъ и кући, кадъ већъ видимъ, како бы ме родители дочекали, но болъ да идемъ, или у войну, или да тражимъ себи службу какву; она е рекнемъ и мота брата у светъ отерала, па оће и мене. Другови

мои весели, шале се и играю се, а я снуждень, из-бегавамъ ий, сакріемъ се гди, пакъ се ситъ наплачемъ.

У овакой моёй туги изиѣмъ еданъ данъ на некій выше Манастира холмийъ, седнемъ ту подъ одну лину, загледаюћи дивный около мене предѣль, споменемъ се, како самъ я пре неколико месседій весело са моимъ покойнымъ учителѣмъ, и саученицима моимъ, туда се проходао, и каква ме садъ судба постиже! О свето место! погледавши на Манастиръ рекнемъ: Црква ми съ высокомъ звонаромъ своіомъ, дивно између зелене шумѣ у очи падаше, мило едно срдцу моме место, рекнемъ, жао ми те се растати, но ако ме е промисао Божій на друго што опредѣлю, како што у срдцу я осеѣамъ, мораћу те се растати, мора ћу красныи оваѣ оставити предѣль. — На то ставе ми се две сенке човечіе предъ очи, окрепемъ се, кадъ али мой теча съ онымъ странимъ господиномъ! усхитимъ се радостѣу, и простремъ руке мое на нѣга: сладкій тече! одъ кудъ тако? повичемъ, онъ мене непознаеши съ удивленіемъ гледи, младаћу! вели, а ко си ты? — Ахъ! видимъ да ме непознаете, рекнемъ, чстврта е година веѣь одкадъ се насмо видили и толико време учинило е на мени промену, но я васъ врло добро познаемъ: я самъ Миливой! — Миливой! — ты вели, Миливой? съ удивленіемъ запыта ме, о дете мое! нигда те познао небы, о сынокъ! коликій си веѣь нарастао! и т. д.

Садъ ту седнемо, и я му се изядимъ и изтужимъ, кажемъ му све, шта садъ после смрти учителя ту гримъ, и да ту выше остати немогу. Погледимъ на страного, и немало садъ се зачудимъ, кадъ я видимъ, да се човекъ на мое речи и заплака, тако му се нешто повѣсть моя срдца коснула быяше. Онъ на мою речъ, да остати у Манастиру нисамъ радъ, и да се калуѣерити нипошто нећу, погледи на мога течу, и зовне га мало на страну. По маломъ меѣь собомъ

разговору, приступе къ мени, Миливое сыно! рекне ми теча, знашь ли вели шта? Айде ты съ нама у Призренъ! я самъ, придода, тамо и пошао, и тако юштъ ниси опай славный градъ видю, я се, рече, небу тамо дуго бавити, на кадъ се вратимо у Станишево, и представимъ те родителъма, ты нешъ вели видити, какавъ бу я рачунъ съ твоимъ ономъ нематеромъ имати; показа не ншой Веса, ко' е опа, и како са своимъ децомъ поступи: иди само у Манастиръ, и узми, што ти е за неко време найнужднѣе, а остале неду ти се ствари кући послати; подкради се рече калуѣерима, еръ иначе небы те одпустили, пакъ поити овамо, мы немо те овде чекати. —

И на то готовъ, послушамъ течу, одемъ и узмемъ одъ мой стварей, што самъ хтео, напишемъ кредомъ на столу, да я идемъ кући, и съ тимъ доѣмъ течи, кои са странимъ нестрпеливо на мене изгледаше. Мете онъ садъ мое ствари у свое бисаге, пакъ съднемо на копѣ и отвенемо се на путь.

Другий данъ угледамо Призренъ, забели намъ се исподъ планина славный градъ, мило ми буде у таково место првый путь доћи. Каже ми теча, како што бу потомъ и видити, да е то едно оособито место, у прекрасномъ предѣлу, многочюдна една варошь, и тврдъ градъ; да еу ту яке трговине и на води разне фабрикѣ; господа силна, да не ту и Краль изъ Перодимль свой престолъ пренети, зато вели, све се и украшава, и да о томъ младый Кральвицъ Стефанъ, найвыше пастой, да е онъ и сада тамо и т. д. Само вели докле видишь Миливое, пига ти Станишево ни на умъ пасти неће. На кое речи едва самъ чекао приспѣти тамо. Кадъ ал' при савитку друма, съ правца свога, мало дубль у шуму идући, изненада, падне намъ овай дворъ нашъ у очи: знате шта? рекне теча, ово не вели быти веселый дворъ Иве Загорице, я у нѣму юштъ писамъ быо, но слу-

шао самъ, да е овако између планина, и недалеко одъ Призрена, но айде вели, да се свратимо, а онога старогa юнака и на гласу човека, кога я у пе-
емама певаю, желимъ познати: но знамъ придода да насъ лако одпустити неће, али и немаримъ, мени се и тако на тржиште вејати; у Призрену се свагда може ко' што оће и купити и продати. И тако мы мамице, уместо у Призренъ, дођемо къ вама, ето већ година дана, и текъ садъ сте праву мою повѣсть саслушали и еднако сте ме држали за сына мога тече; простите ми! онъ ми е казао да се иначе издамъ, развѣ за нѣгова сына; шта е хтео съ тимъ, я самъ незнамъ; ко будући ето већ и година прође, и онъ намъ недолази, зашто бы се я тало, а да ме е гди на онаковомъ месту оставио. —

На то садъ стара слушаюћи младића, пораже-
на прихвати му речъ „О Миливое! рекне му, дете моє, любезно, шта ми се наказива! Ты тако младъ сынокъ и за толико време ту тайну у себи хранити, и повѣсть намъ свою несповѣдити! — „Та я нисамъ мамице, истина повѣсть вамъ мою тако по реду казивао, нѣе прилика собомъ донела, а друго нисте ме толико ни пытали, но опетъ знали сте да самъ я изъ Станишева, да самъ я био у Манастиру, како самъ се учио и т. д. „Но кажи ми сыне право, рекне стара, и за онога господина, кои е лане съ вами овде дошао, господина Груйића, ко' е онъ? Онъ мора бити, да ти е сынокъ нешто родъ? „По чему судите мамице то? — „О сынокъ, та лако е и на нѣму те примѣтити было, како те е радо имао, како те е и мени и староме и предъ тобомъ и на само препоручивао, како е за тебе наипосле скрозъ плачъ насъ молио, да те пазимо, и да те одъ свашта, као млада чувамо: и какова му е се чиста на лицу радость оно дана изьявљивала, колико бы годъ путій видіо, да те мы обоє, као свое роѣсно дете

любимо, особито кадъ се найпосле увери, да те за рођено наше и усвоисмо. „Незнамъ я заиста мамце! о пѣму выше, нежели и вы, сирѣчь да е изъ Приштинѣ, и да се зове Груйинъ, когъ е иначе реда човекъ, незнамъ; но да ме радо има, о томъ самъ уверенъ; но я у Приштини рода никаква немамъ, нити я знамъ за какавъ мой родъ гди, развѣ у Кратову имамъ неке уице, кое я и непознаемъ, нит' су намъ кадъ они долазили, нити смо ѿмъ мы одлазили.

На то стара устаети! едно те вели, сыне ѿштъ, докле се нисмо сишли, имамъ пытати, и ты ћешъ мени право, као матери својой и то казати. Младинъ ю садъ узме подъ руку, и текъ што лагано низъ брдашице къ двору пођу, засвираю ѿмъ предъ дворомъ свирале, баце око, и виде, да ѿмъ се скупн и коло просты девойка съ младимъ момцима да играю. „Но рекне стара, и тѣй намъ доспеше! старый намъ то милуе, онъ тай ербскій обичай похвалуе, да весела младежь тако предъ светомъ и виђена игра, а не кое гди по гостѿницама, гди се прилике на руку даю, да невиность у опасность дође: съ тимъ зауставивши се смислено на младина погледи, Миливоє! вели дете мое, кажи ты мени сынок, каква е то измена на теби? ты одъ неко време сазимъ намъ мало едешъ, ты си све нешто замвинѣнъ, почео си намъ се чисто и губити! зашто то? Камо ти твоя бодрость, твоя веселость она, коя е и насъ старе, гледајући те чисто оживљавала, садъ те видимо у некомъ униваню, туга некой, коя твоємъ темпераменту нѣ природна; меня е сынокъ зачудо, шта е теби; я се бонмъ Миливоє! — да се нѣ теби ердца коснула — о сыне! рано бы то было! ты си садъ у првомъ цвету, небы ти желела, и небы ми мило было, да ти прилика какова ѿштъ садъ на то чувство развѣ, о не! силаа е сыне страсть то, многи су се не само имая, но и здравля и самогъ живо-

та лишили. Истина любовь е — сладка страсть ова — не само човеку, но и свакомъ животномъ естествена, али треба знати, на кои намъ е коначъ Божество ню у срдце наше улило! оно е време опредѣлило, и часть назначило, кадъ ће коме дозвољно бити любовь такву, као даръ Божій съ ономъ узаймно делити, съ којомъ ће посредствомъ честнаго брака, и судбу свою сѣдинити: слѣдователно одъ овога Божіега дара, неваля, да злоупотребенъ чинимо. Милівое сыне! — ухвативши га кротко за руку — я знамъ, да си ты ово и обширніе одъ онога славнаго мужа слушао, но ништа зато, младимъ людма и почесто на память благополезна поученія приводити, нешкоди. Мы сыне, као словесни люди, нетреба, да се за срдцемъ поведемо, и чувствомъ заслепимо, но разуму да се повинуемо, разуму да слѣдуемо!

На кое садъ, закрашенъ на лицу младихъ, пресече Ћутанъ свое: мамце любезна! рекне іоѧ, вы на мене подозревате, да я любимъ, може бити, да природа веѣъ и у меня чувство къ овой страсти отварати починѣ, но уверени вы будите, да мене нигда юштъ срдце повукло нѣ, да я мою невиность страсти подчинимъ. О мамце кадъ бы сте вы знали, за какову добродѣтель я целомудріе уважавамъ, самъ здравый разумъ меня недопушта, да я за магновенъ може бити ока, као што неки чине, оно благо, ону драгоцѣность мою изгубимъ, и подъ ноге бацимъ, кою за свету поштуемъ. Знамъ я мамце, какавъ штитъ, и какову обрану младъ человекъ, противъ стрела страстїи има, докле се у невиности задржава и цѣломудрено живи: често меня и садъ зазвоне речи и премудра она мога учителя поученія: нигда чини ми се неће мене ангелъ мой, кога ми е покойный у срдце дао, попустити, да я у чемъ границу мою преступимъ, о нигда! а кои се повинуе

саоме ангелу, сирѣчь разуму, и пази, да неизступи границу ону, кою му онъ полаже, и благодать Божія сама съ выше помаже, да се неизбезуми, и да незаелени. „Знамъ сыне, знамъ я то, и я немислимъ ружно о теби; познаемъ я твоя благородна душе свойства, познаемъ твоя деликатна чувства, твой моральный карактеръ, и предосторожный разумъ твой, я познаемъ, да се ты неѣнешь лако избезумити, и границу твою изступити, но овде є речъ само о любви, или реѣи о страсти лудой! Пази дакле да ти се ова младогъ твогъ срдца некосне; ова є премлогимъ и найоштрѣи умъ затупила, пайбистрѣе їймъ очи засленила, съ пута їй свратила! —

И овако далѣ у разговорѣ приближе се къ двору. Младићъ ту загледе се у неке конѣ лене, кое страни неки служители, ту предъ дворомъ, умерне провода'у. „Кои су намъ то рекне стара, та мы имамо и госте неке. На то старый смешеѣи се съ алтана „Бога ти жено, рече, еси ли се доста веѣтъ са сыномъ наразговарала? Гледимо те само одкадъ се низъ то брдо силазите, а гости нестрпелливо на васъ изгледаю. Стара садъ съ младићемъ по'ите узъ степене; ао Нико! радостно повиче, ко бы се теби да-насъ надао, сладкій мой, полюбивши се съ братомъ, као да самъ по тебе поручила. Съ тимъ садъ поздрави и двоицу, такоѣе свое неке изъ Призрена сроднике. „Канили смо се и выше путѣй, одговори Никола, да вамъ доѣмемо, но у надежди, да ћете намъ въ едномъ у варошъ доѣти, изоставемо: узлюбилн есте, приложи, ову пустыню, а и како небы овай рай земный, пакъ за варошъ и за насъ нинт' и немарите. „Сыне! рекне стара младићу, овай ти господаръ садъ нада уякъ, онъ є мой роѣный братъ; а ово намъ є нашъ Миливой? полюбивши се съ младићемъ запита Никола. „Како то? приложи старый, та нису ли зимусъ были коды васъ у Призрену? „Они су

были, одговори Никола, али у момъ одсуству, но драго ми е, я га садъ првый путъ видимъ. имате сестро сына, да се можете съ нымъ дичити. У истый ма' младичъ се беше съ алтана загледао у коло, и невнимаше на ньову беседу. Брате! проговори старый ниси видіо тогъ чуда шта та жена чини съ тимъ дететомъ! мати рођена надъ единцемъ небы тако лебдила, нити бы га могла толико любити, као она што то дете любви! я ю выше пута опоменемъ, да то нечини, може ми дете размазити и покварити: но срећомъ благодатно неко дете, негу нѣну на зло неупотреблява, но што му выше чини, то намъ е оно све болѣ; наметно неко дете. Истина, приложи старый, да и она ни полакъ му се споля непоказуе, колико га радо има, као што га унутрашнѣ любви, и за нымъ умире.

На то стара наредивши съ млађима, како ће госте ужиномъ дочекати дође и пресече їмъ разговоръ, узме брата за руку, и одведе га мало на страну; седне съ нымъ на едно канабе, и поведе слѣдуюћій разговоръ:

„Бога ти Нико! рекнему, коя е већъ годинница нашої Савки? я љу теби придода мой некій планъ одкрити, но за садъ међу четири ока речено да остане. „Сестро, она намъ садъ десету годину навршуе. „Десету, нема выше? „Нема сестро выше, но дете е протеглясто, рекао бы да їой дванаестъ година има, а зашто сестро, шта ће те съ тимъ? „Оно брате што я 'ођу, смешеѣи се одговори стара, мислимъ, да ће добро бити, но како ће и теби то пасти, и оће ли се твоя воля съ мојомъ сагласити, то незнамъ. „Дайте се дакле разумети „видишъ Нико! мы — насъ две старе душе — неимаюѣи деце, као што ти е и познато — збогъ толики' нашы' добара склонимо се, и то дете туђе усвоимо, съ условіемъ, да га и универзализмъ, надъ целымъ нашимъ иманѣмъ, на-

слѣдникомъ учинимо, да намъ се баръ име наше неугаси: онъ се е звао Ранисавъ, садъ се именуе Загорица, о брате! добро е то дете, и памятно да му се равна мало гди може паћи; мы га обое любимъ, као да смо га родили, шта выше брате, некешъ ми може бити ни веровати, а мога Веселина писамъ чини ми се тако любила, као што ово дете любимъ, или што е дете неко милокрвно, или ме нека природна симпатія къ нѣму привлачи, незнамъ. Онъ ће намъ садъ у име Бога на 18-ту годину настати, а я бы желела, да га у 20-ой оженимъ, но старый мой то ни споменути до 24-те не да, ал' љу я гледати, буди како, да га намолимъ, и у 20-ой да га оженимо, дотле ће намъ Савка за удабѣу приспети, пакъ нешто мислимъ брате, што бы мы туђе девоиче узимали, да се у толика добра наша ували, кадъ имамо наше. — О сестро! смеюћи се Никола рекне, шта вамъ е пало на память! „Но? пакъ зашто не?“ о сестро! а есте ли вы то и староме Господину казивали? „Нисамъ Нико! я нѣму то јоштъ одкрити нисамъ хтела, докле се найпре съ тобомъ неразговоримъ, но онъ мени ни у томъ, противстати неће. „О! да васъ старый чѹе, ала бы вамъ се смело! вашъ сынъ да узме мою кћерь, гди бы то могло бити! „Та брате нѣ намъ онъ по крви сынъ, но усыновлѣнъ! нѣ никакова ту крви смеса, зашто небы могло бити? Я неверуемъ, да ће намъ то канонични законн бранити, само ели твоя воля? О сестро! што се мое волѣ тійче, како бы я као отаць, свое дете-ту такову срећу и презрео, и чїя бы већа радость ту была, нежели моя, ал' то чудно и свету у очи пада. Найпосле приложи Никола, саобштате ту стварь и староме, пакъ да чѹете шта ће вамъ и онъ рећи, можно да ће намъ онъ другоѣ мнѣнія у томъ дѣлу бити, нежели како се мени чини.

Знашъ ли шта рекне стара, доведи ты дете твое овамо кодъ насъ! доведи ю, као у родъ свой, да нико нашу намѣру незна, а љу ню, као мое рођено имати, съ нашимъ ю Миљивомъ, као брата и сестру сродити, а кадъ намъ већъ и едно и друго у савршенный возрастъ дођу, а љу настояти, да ѿ с любимъ, и то ће ми лако бити; младо е обоє прикладно и лено, као две канѣ росне, саядини ће ду они ердца своя, и къ браку. О Нико! еако бы мени мило было, да а ону мени за сна'у у момъ двору видимъ, коя ми, као мое рођено на ердцу лежи, а твоя ће Милица на то безъ сумнѣ санзволити, и еако брате небы, дете свое за богата удати и облагородати! —

Никола се мало замисли и пођутивши рекне ѿи: „али сестро! ако Веселивъ дође и поиште, као правый сынъ свою дедовину, кудъ бы онда ваша деца? „О брате! небой се ты тога нимало, 20 година, одъ како насъ е сынъ нашъ оставио, неће тай выше доћи, неће тай ништа тражити; онъ има царску службу, онъ се е насъ одрекао, и еакавъ бы и судъ нѣму за право у томъ дати могао, да насъ онъ у старости, после толикогъ времена узнемируе, кадъ е већъ и писмено одъ себе дао, да онъ престае выше нашимъ сыномъ бити? а друго Нико, теби е добро познато: у еаквомъ намъ лепомъ кредиту и нашъ старый еион у двору, и кодъ Краля! — еакове су нѣгове заслуге, еособито у последнѣмъ рату, шта ты мислишъ! еданъ е Ива Загорица. Та онъ е Нико управо и изъ двора, съ дозволенѣмъ и самого Краля, извадио, да мы можемо, чѣ му драго дете, усвоити и еакво подъ нашимъ именомъ, наша добра да наслѣди, оставити. Сестро! прихвати речъ братъ, а естели вы сигурни и за ово дете, да ће оно при вами заостати? да неће отаць свое дете повекати, еако чуемъ, да и онъ выше нема садъ одъ мушки, развѣ нѣга едного, а еовекъ е еакође нмуѣавъ, не-

узимаѣ га у сравненіе съ вами, онѣ нѣ болярѣ, нѣти ѣ благороданѣ, ал' опетѣ, трговаѣ човекѣ, и грађанинѣ, доста ѣ могуѣанѣ, и власть има надѣ евоимѣ дететомѣ. „Мы смо се брате и о томѣ веѣ известили одѣ настоятеля — Игумена — изѣ Манастира, * гди ѣ дете три године было, да отаѣ зна за дете гди ѣ, но нееме испредѣ матере детинѣ ни писнути: жена нека опака, тако се противѣ овога детета ополчала, да отцу прети, ако га выше къ себи прійми, да ѣе га таки оставити. Онѣ човекѣ веѣ старѣ, нѣ радѣ да се предѣ светомѣ срамоти, а друго извештенѣ ѣ и одѣ отца Игумена, и одѣ некога Весе, такоѣ свогѣ човека, да му ѣ дете веома добро намештено, и да ѣе му среѣанѣ бити, слѣдовательно дете выше онѣ неѣе ни захтевати. Мы смо изирва, настави стара, и писмо имали одѣ нѣга, писмо дете ту ни казивали, да бы онѣ радѣ нама доѣи, но слабѣ ѣ, нееме юшѣ да се на далний путѣ одтисне.

На то чуше да ѣймѣ старѣй иде, госпоѣа стиснувши брата за руку „ты староме вели, о томѣ за садѣ ништа не говори, но дете ово дана, као што ти реко, доведи, пакѣ ѣе моя брига бити. Са тимѣ изиѣу предѣ старого, кои емешѣи се на нѣи „та камо се рече бабо, оѣе ли што бити? ты све неке тайне, и особите разговоре имашѣ, а госте и нещиташѣ есу ли барѣ жедни, ако пису гладни, дай донеси! „Одма Иво, одма, таки ѣе бити, я самѣ све наредила; ко ѣ жеданѣ или гладанѣ, и другога се сеѣа.

Садѣ млаѣи поставе на алтану столѣ, и един донесу ладна печеня, белѣ колача и млада сира, а други олаѣена вина и воде. Поседаю садѣ ту око стола и уживаюѣи у шали, и смею гледе на веселу и безбрижну младежѣ, како ѣймѣ ошоло свирца коло окреѣе.

Кадѣ ал' ето ти ѣймѣ човека некогѣ страна на коню, управѣ у дворѣ. „Ко' ѣе намѣ то бити? рекне

стара; и сви погледе на страна. „Неспытай ко' е одговори Господиѣтъ, бришуѣи брѣкъ одъ вина, но дай довѣти вели, столицу, и што треба, да путника дочекамо. Како су сви очи на нѣга обратили были, на еданути, пошто странный веѣтъ у дворъ ступи, скочи и за стола Миливой, и полети страноме на суеретъ. „Течо! сладкій мой течо! одкуды вы? овай садъ скочи съ коня и трепетногъ младиѣа загрливиши, полюби се съ пѣмъ, и прво га запита, како му е? „Мени е добро, убрисавши младиѣтъ радостну сузу, мени е вели кодъ овѣхъ людей добро, да на свету немогу болѣ захтевати, но како е кодъ васъ? шта раде мои родители? сердце ѣи мое, приложи, ѣоштъ за мое признае, ако ме се они и одбацую: и гди намъ е господиѣтъ Груѣиѣтъ? „Мати ти е здрава одговори Веса, но оцаъ ти е послабъ, пѣе ни чудо, старъ е веѣтъ, хтео ти е доѣи, но управъ нѣе могао, послаше мене, и любезно су те поздравили, здравати е рече и сестра, о Миливое! да ю садъ видишъ какова намъ е то дѣвоѣйка, небы ю познао! а за господина Груѣиѣа, има ѣемо особитый разговоръ, онъ е пошао быо самномъ, но сврати се юче у едно село, има тамо посао пѣкій, мислимъ да ѣе намъ до ноѣи и онъ стѣи, ако га кѣша гди не ухвати, добро те я утеко', видишъ, придода, какви намъ се оно облаци движу. Съ тимъ веѣтъ и на алтаѣъ узиѣу. Загрми ѣймъ весело целый столъ съ добро намъ дошао! Но пристойномъ ту поздраву, и узаймномъ о здравлю питаѣю, посаде госта за столъ, и понуде га съ ужипомъ. На то веѣма и веѣма облаци се сви садъ у едаѣтъ чисто црѣъ облакъ слѣю; почне поиздалека и грѣити, и коло ѣймъ се испредъ двора разиѣе. Садъ ѣймъ се дигне и страшна нека олуя, коя рекао бы све ѣе, и найдеблѣ растове изъ землѣ нечунати! Гости то видеѣи побегну у велику салу, и глѣде крозъ прозоръ на овай ужасный феноменъ (появленѣ): спусте ѣймъ се облаци

тако, да ѿмъ се данъ у тавну ноћъ обрати, кои ѿмъ се садъ у грозну растворе кишу, муѣ непрестѣнно севаху, и тако почне наипосле страшно грмити, и громови ту нѣмѣху планина пуцати, да се на свакій грома рикъ сва земля чисто потресе, мислю бы оде све у пропасть! ал' си ты (рекне Боляръ смешеѣи се) Богъ и душа срећанъ, те намъ умаче! „Но памтиће ми, одговори Веса, моя кобила, како самъ съ нѣомъ овамо ягмю. Само ми є, рече, садъ за господина Груйѣа, ако га гди у путу га олуя ухвати: загледе се ту у разговору на силно стадо господиновы' оваца, коє се на средъ єдне широке поляне, подъ неке высоке брестове одъ олує и кише сбыло б'яше; виде ту и пастире, гди се подъ єдне на чистини некой, редке растове склонили б'яху, и у своимъ кабанницама на штапу настѣѣни, уиива'у. „Я самъ то знала, рекне стара госпоѣ, да ће ѿ киша уватети, и нећеду моѣи овце помузти; садъ ће ѿмъ отети и ноћъ, и кадъ да помугу толике овце!

Младиѣъ у нестрипленю, да са своимъ течомъ насамо говори, приступи му и позове га у другу, до сале, собу. „Течо! запыта га, шта ми оно рекосте за господина Груйѣа, да ћемо се о нѣму особито разговарати? „Немогу ти дете мое я то пре казати, нежели онъ дође, а онъ ће намъ за цело, ако не данасъ, а оно сутра доѣи. „Но кажите вы мени течно, одкудъ онаѣи господинъ, да се мени лане онако покаже, да ме онако радо има, онъ се є на мое речи, кадъ самъ вамъ се оно тужю, и заплакао, и кадъ пође, да се већъ растанемо, даде ми три дука-та, казивала ми и стара госпоѣ, како ме є и нѣой при полазеку препоручивао; ко є дакле онъ? „Све ћешъ ты то знати Миливое, све ћешъ ты то чути дете мое, но за садъ нѣ томе време. Алъ сте вы течно чуданъ человекъ, тако ми и прошасте годѣѣе нешто рекосте, да ћете ми неку тайну одерити, вальдасте

вѣтъ и заборавили, можете ли се опоменути, шта ете ми оно хтели казати, какова е то тайна? На кое Веса „всил’ се ты до данасъ за мога сына у двору признавао? „есамъ управо до данасъ, одговори младѣтъ, но данасъ самъ старой Госпон — матери моёй — казао, чѣй самъ управо я сынъ зашто ме е пытала, и узео самъ на умъ, да су они и сами одъ некогъ чули, да я писамъ вашъ рођеный сынъ, за то писамъ ѿй ни хтео лагати, но приповедимъ ѿй целу повѣсть мою. „Ништа зато, одговори Веса, смешеѣи се, добро си чинио; оно е было за онда само тако речено, мислеѣи, да ћу се я наскоро овамо вратити, али по-слови мой задрже ме, да ти писамъ могао доѣи: я знамъ сынку, да е теби доста тежко было, да ти за толико време ни я ни мати ти нисмо могли доѣи, я све по путови, а мати ти се забунила око отца, целу е годину слабогъ здравля, тежко ће намъ и остати, сва садъ кућа и скономѣя пала е на ню, незна шта ће пре. — А друго, реците, слабо за тебе и мари, приложи младѣтъ, жао ме е само отца! Ада течно мой любезный! кажите ми право, вы морате знати, зашто се на мене мати моя онако изопачи, и чисто ме се одбаци, у чему самъ я ню увредѣо? Баръ вы знате, како ме е радо имала: наипосле ено ме и кодъ отца омрази, ахъ! (заплакавши е е) мати ми е писамъ радъ да ѿй зло помислимъ, ал’ ми е тежко, тежко ми е течно, да ме ердце моё болс. „Любезно дете моё! на то твое пытанѣ: Зашто се твоя мати онако на тебе изопачи? быт’ ће време, кадъ ћети се одговорити, али садъ не! тайна е овде Миливоё, когъ кадъ ти се одкрѣ, ты ћешъ се чудити! — Я самъ имао посла, докле писамъ тайну ову проникао, и управо дѣло разумео. „О течно! како ме мучите са томъ нашомъ тайномъ! кадъ ће дакле бити то време, да ее я о томъ известимъ? „Быт’ће Миливоё скоро, само се претрпи, добаръ буди, и угођавай овой

Господи, за тебе ће сасвимъ добро дѣло испасти.
„Течо! молимъ васъ, како ѣ пало моме отцу и матери, кадъ су чули, да самъ я изъ Манастира отишао?
„Право сыно да ти кажемъ, отцу ти ѣ vrlo тежко пало, докле му нисамъ я казао, гди самъ те наме-
стио, и да ће ти веома добро бити; а матери ти нѣ,
право да рекнемъ — толико ни марила; я то иску-
симъ и зашто: едно вече (постави Веса) дођемъ я
ѣ малимъ мракомъ кући: видимъ ти матеръ, гди
пеке посленике, предъ подрумомъ исплаћуе, и Видо-
сава, сестра ти етой кодъ нѣ. Уђемъ я у собу, да
ме оне и неспазе; седишемъ ту у углу себе, на одну
за криветомъ столицу, и уморанъ будући, мало за-
кушамъ: на то клонивше врата и я презнемъ; поспр-
чина у соби невидимъ кой ѣ: я чуемъ, да неко пла-
че и еца, на то твоа любезна мати продере се „Пу-
ти вели, бога ти немој ми ту слинити, и докле ћешъ
та оплакивати, нѣ ти умр'о, да тако за нѣмъ пла-
чешъ! — Ово ти ѣ была сестра; а пре неколико да-
па чули су были, да си изъ Манастира отишао, пакъ
ѣ то дете свла за тобомъ жалило. „Видишъ дете мое
(повративши се мало) рекне юв, ты за нѣмъ пла-
чешъ, а за насъ ѣ вели, а особито за тебе,
млого болѣ, што ѣ отишао! отишао ти ѣ онъ,
а отишао ти ѣ и старѣи братъ, кога юшть и не-
познаешъ, садъ цело имамъ, лудо една! остае на
теби, поредъ когъ иманя ты ћешъ видети, какова
ће ти се среѣа явити. Я самъ придода мати, я имамъ
узрокъ, зашто теби више ревнуемъ. „О мамиде! рек-
не дете, та и нѣма се мати! „Нисамъ я ономѣ ма-
ти, но маћія, я самъ нѣга затекла, ты си то чула!
„али браца Миливою нѣте маћія! „Нѣму самъ ре-
че юшть и манѣ, нежели маћія! юшть и манѣ не-
жели маћія! — какова ѣ то садъ речъ? — Слушамъ
далѣ, на то Видосава: о Мамиде! вели, мени тежко
то пада, простите ми, я замъ се чудимъ, я васъ не-

разуметь; Мамице вы у томъ грешите! заръ мислите, да бы и мени оно съ благословомъ Божіимъ было, што бы сте вы одъ мое браће одтргли и мени присвоили. — А, а! помислимъ у себя, тай ли е посао! е моя Госпо, яко се ты у томъ варашь! ниси ты старцу ни пернере едне донела, а по пѣговой смрти мислишь, како ты оѣнешъ, да расположешъ, по неѣе ни на твою быти.

Она на дете ердита: я вели тебе непытамъ, нити одъ тебе шта ѣу чинити савѣта иштемъ, по иди ужежи свеѣу! дете изиѣе по свеѣу, а я се учинимъ, да спавамъ, и за'рчемъ. Она незнаюћи кои е, уплаши се „ло жалостной мени повиче, ко намъ е у соби? то рекне пакъ нагне на врата, мало вратъ носкр'а. Приѣми одъ детета свеѣу, пакъ съ прага разрозачила очи, и узверила се, а несме да уѣе: „ко' си? виче, я се учинимъ да самъ иѣанъ, и да спавамъ, ништ' печуемъ. Она приступи ближе, и кадъ ме познаде, почне се крестити: о силе ти вели, кратке, одкудъ се ты у собу увуче: Видосаво! та твой теча! жалостна ако насъ буде чуо! — едва ме ту пробуде.

Садъ Миливое, дете мое, шта ты изъ пѣны речій, и изъ поступка нѣна заключити можешъ, развѣ да она има некогъ црва у глави: она е нешто наумила, ал' ю неѣе уштинуту бува. „Я самъ незнамъ шта бы самъ о нѣой мислю, одговори младиѣъ, нека чини шта юй драго, само ме е отца жао. Са тимъ Веа узме га за руку „айдмо къ дружеству, рекне му, имаѣемо време и другій путь разговарати се. Облаци ѣймъ се при томъ разведу, киша престане, замвриши ѣймъ чисто садъ после кише и грмљавине очисѣеный воздухъ, мало по томъ грапе ѣймъ и сунце, кое ѣймъ се веѣъ къ западу ешупташе, и укаже ѣймъ се прекрасна на небу дуга; дивно ово (по светомъ) знаменѣ Божіе, да се выше потопа небоимо,

обрати садъ очи своіо на себе: старый Господинъ окупил садъ свога аду, да му толкуе шта є дуга? Овай се загледао быяше у силне овце, коє їмъ садъ исподъ брестова, по росномъ полю помили, Господине вели милостивый! я ваъ се тако о дуги и у фисики разумевамъ, као и онай међу овцама торбоноша, развѣ то єдно, придода, видимъ да є дуга шарена, и знамъ да свагда после кише излази.

Они овако шалеѣи се, смею се и разговараю се, ал' ето ти їмъ їоштъ єднога страного на коню, кои и другога коня поредъ себе оседлана воѣаше! „Неке л' ово бити мой другъ, рекне Веса, занета онъ! сиѣе му одма на сусреть, а остали сви изиђу на алтанъ, но Миливой стрѣи да види коня, и познавши у страномъ господина Груйїна, ерадус му се; овай садъ екочивши съ коня, полюби се съ Весомъ, пакъ падне младићу около врата, и проліє сузе „Миливое! любеѣи га, милый брате мой, како самъ те желіо видити! са тимъ погледи Весу, и узме га мало на страну,“ весл' му вели, казао за мене? „Їоштъ нисамъ одговори овай, но шта намъ бы одъ старого? „Старый намъ се є представіо! бришуѣи сузе, тихо одговори, да дете нечує, коє се около коня забавило быяше“ представіо се? Богъ да намъ га прости, старъ є и быо, я самъ видіо, да остати неѣе, но ел' те опростіо? „о веть! опростіо ме лепо, и мене и овога, и последия му речъ бы: да ваєъ Богъ милостивый благослови! съ тимъ издане, као да заспа, но детету неѣемо вели, ни за кон данъ їоштъ казати да му несмешамо жалость са радошћу о момъ одкрићу.“ Вы сте съ нїмъ рачуєе прегледали и дело очистили? „Єсамъ Романе, о єсамъ я све съ нїмъ лепо расправіо. Садъ старый Господинъ повыче съ алтана“ та адо! дай момче тога госта овамо! — Груйїнъ се окрєне Миливою: сладкій мой Миливое! рекне му овога самъ коня теби я на поклонъ довео! — Мла-

диѣ радостанъ, превали на нѣга очи и зарумени се на лицу, пакъ погледѣ и на течу, овай му насловивши руку на раме: сыне мой любезный! ты овога господина до данасъ ниси познавао, а опъ ти є братъ! — младѣѣ на то чисто се узвери „братъ твой дете мое! да како, повтори Веса, опъ є Романъ Ранисавъ, а не Груйѣѣ: и мы смо имали нашъ узрокъ, зашто ти се лане нѣ явіо.“ Течо сладкій ел' то можно? „Бєть срдце мое, загрлявши га, предвари Романъ, єсть, я самъ твой роѣный по отцу нашемъ братъ, и я самъ ти се єа маміомъ помиріо! — Младѣѣ му падне садъ около врата, и само їймъ сладкимъ сузама нову ову радость изрази.

Садъ видеѣи, да єь алтана на нѣи нестрельяво чекаю, предаду конѣ млаѣима, и поїте узъ етепене, на кое старый смешеѣи се. „Аѣо! вели, моли се Бога што си аѣи, а я бы тебе — мал' не реко' — шта милостивый господине, лупао? мало да небы и до тога дошло.“ „Драго намъ є господине Груйѣѣ, рекне садъ Боляръ, да и у толикомъ времену те чєсти удостойте насъ, по и за то ми є мой Аѣа кривъ.“ Простите ми Господо моя, ѣѣлююѣи се одговори Романъ, нѣ ми можно было, я одъ оно доба у Призренъ нисамъ ни долазіо. „Отаѣ любезный, — маміце! повиче весело младѣѣ, ово є мой братъ Романъ Ранисавъ, а не Груйѣѣ, но я нисамъ нѣга познавао, ала браѣа како сте могли — по тєча ми є кривъ! — на ову рєчь тєча сбере обрве „но хвала Богу! рєче одтудъ — одовудъ све я кривъ, їошѣ я могу найпосле и лупанъ быти! Ово се осталима даде на смєй. „Хвала Богу, приложѣ Вєса! те ми нѣ овде уїна Блїѣа.

По маломъ овако у шали разговорѣ унесу млаѣѣ єь коня єдне бисаге, кое Романъ садъ отвори, и извади Милиною єдне прекрасне одъ сребра токе, златанъ пояєь и єданъ златанъ єь драгимъ каме-

нѣмъ претень. Ма'не главомъ на младиѣна, и овай оде за нѣмъ у другу собу. „Ево рече любезный мой! шта самъ ти іошть донео! прійми на даръ ово одъ мене; токе и поясъ на нарочите дапе носи, но претень овай, Миливов! у овой истой кутійци, и овако у памуку, да метешъ на дно сандука твоего, и никоме да непоказуешъ, докле ти годъ я недозволимъ; овай претень неку тайну у себи садржи, и самъ не како случайно до нѣга дошао: Мамица ни данасъ іошть за нѣга незна, гди іой е овай претень, мисли, да га е изгубила, я самъ га изъ некогъ сандука, овако у овой кутійци подъ печатомъ узео: — ево — было е и ово писманце поредъ нѣга, ево шта пише: „При последнѣмъ момъ часу заклиѣмъ васъ сестро Блице! да ми ову кутійцу овако подъ печатомъ, добро сачувате и нашему Агатону, ако намъ га Богъ узживи, кадъ веѣтъ у савршеный узрастъ свой доѣ, предате.“ Сеамъ твоя М. З.

„Нашемъ Агатону! — Садъ ко' намъ е тай Агатонъ? Я самъ Маминцу свакояко кушао, и впошто ми ніе хтела казати. Саобштимъ дело найпосле и течи, почие ю и онъ кушати, но падне кодъ нѣ у подозрешъ, да іой е онъ ову кутію узео: и она и данъ данашный на нѣга сумня. Шта му драго, настави Романъ само ты ово добро чувай. Но теча ми се (придода Романъ полазеѣи къ дружеству) зацело обеѣва, да не онъ одъ нѣ морати то дознати.

Та Бога вамъ ели истина, да сте вы браѣа? запыта Боляръ, ступившима овимъ на алтанъ. Истина милостивый господине, одговори Веса, они су права браѣа по отцу и одъ две матере. „Завста нигда небы веровао, приложи старый, тѣмъ дакле начиномъ и тебе сыномъ именуемъ, дай Апо, шта си се ту удивію, точи да піемо за здравль наши сынова: но молимъ те Романе сыне, кажи ми право, ево ме садъ зетъ запыта, и нисамъ му умео право одгово-

рѣти, ел' истина да е овај вашъ теча Аѣя? „Истина ваша милость! О да како! аѣя милостивый Господине, привати Веса, аѣя одъ главе до ногу, та я самъ съ нѣовимъ отцемъ у Ерусалиму швао. „И вашъ е дакле отаць у Ерусалиму быо? Быо да како и онъ е аѣя правый одговори Романъ, они су години дана у Ерусалиму заедно провели. „Садъ чусмъ. То е лено. Е! одсадъ нашемъ Аѣи другій респектъ: здравъ ми быо Аѣю! — на то узму садъ и други бокале, и здравица загрми около стола.

Време ймъ веѣъ буде, да устану, и до везере мало се проѣу. Два млада служители оседлаю Милливою нѣговогъ садъ коня, и сами седну на друге, и тако поредъ Господе, коя пешке поляномъ единомъ лагано поѣе, на коньима воспослѣдую. Милливою пуны радости, што е ленога коня — жерава — добію, дичи се съ нѣимъ, милуе га и неподъ очію краде, гледи ли га, како право на нѣму, као садниенъ, седи. Стара Госпоа исподъ руке брату своме и Роману одеѣи съ умилѣннымъ ердцемъ погледа на нѣга: хвала Богу! рекше овима, чисто намъ се дете ово, од- како вы доѣосте разгали, и мало доѣе къ себи: незнамъ приложи, шта му е было, одъ неко време паде дете у неко униванѣ, све нешто невесео, и замислѣнъ; дружба избегава, и тражи самоѣу, да самъ му се чудила: морао е за родителѣ и за сзос ероднике тужити. — „Несмемо милостива госпоа ни да му кажемо, а веѣъ наипосле неможемо дѣло ни затаити, рекше Романъ, да намъ се е отаць ово дана преставію! Госпоа тронута „ахъ шта рекосте! умр'о? „умро Богъ да намъ га прости! истина госпоа, да е веѣъ старъ человекъ и быо преко 70 година, ал' текъ за онаковимъ отцемъ тежко пада! О добаръ намъ е отаць быо, благъ человекъ, жао ме што га ниете познавали, но благодаримъ Богу, те се я, као да самъ знао изъ свѣта вратимъ, помвривъ се

съ бѣдномъ моємъ маѣмъ, пріймимъ одъ отца благословъ, я му свећу додржимъ. Среѣна, пастави речъ, те самъ на време дошао, и оно наслѣдїя съ отцемъ, како за мене, тако и за овога у лентъ редъ ставимъ, а по маѣи, Богъ зна, шта би было; садъ се зна шта е наше, шта ли е нѣно и кѣрино. — И овако далъ у разговорѣ приповеди Романъ Господи, шта е одъ нѣ у детинствѣ своемъ претрпїо, и како е напоследѣ збогъ маѣе, кућу и отца оставити, и у светъ отїи морао.

Драгїй мой Романи! привати речъ Господи, я самъ и одъ детета ела за ту жену слушала, и чудила самъ се, каква е то онака мати! мора бити пакостна нека жена, но ел' могуће, да е таква, кадъ оваково красно и добро дете одъ себе има? „Ше да видите, у осталомъ толико ни онака, но мене нїе могла трпїти! а жао ми е рекне стара, што вамъ отца познавали нїемо; мы смо нѣму двапута писали, и молили га, да намъ са своємъ дође, да се познамо, и да види, какво е жребїе среѣно, судба на нїнова сына бацила: о како бы се нѣгово родителско ердце ублажило! и покойный, Богъ да га прости, на оба намъ писма одговори, и обеѣа се доћи, само докле мало болъ оздрави, и ето небы суѣено, да се видимо. Романи сышко! кога е мѣнїя мати садъ за ово дете? оѣе ли нѣой што противно быти, што мы дете нѣно прїевоисмо? — Ни найманъ! їоштъ се радуе, да ће она неку часть одъ наслѣдїя Милівоєва томъ приликомъ своєю кѣри прїевоити. — „На часть їой сышко све, одговори благодѣтельна Господи, има наше дете одкудъ живити, само кадъ се е онъ нашимъ назвао. Писаѣемо приложи, да намъ дође, и да то о томъ уверимо. Некъ нѣой Богъ да и любезный кѣри нѣной овакову ерѣчу, као што їой сыну дао, пакъ ће заиста бити задовольна.

Са тимъ приспеду и на станъ господиновъ: старый Господиный показиваше ту свой левъ за стоку намештай; шталого свое, грдно велике кошаре, наслоне, качаре, подруме, ракиїцинице, казане, стае ковкакве, млекаре и т. д. све то у лепомъ строю, и све одъ каменна сазидано. Силна їмъ стока закрилила ту пространо полъ, беле їмъ се као снегъ: „Милостива Госпою! рече Веса, на што вамъ за волю Божию оволико добро, пакъ се їоштъ трудите, та да имате и 12 сынова, као Яковъ патріярхъ, їоштъ бы їмъ много было. „Е мой любезный! проговори стара, али треба знати съ колико душа мы то делимо, многи у томъ участіе имаду. Човекъ ніе роѣнъ, да само за себе живи, но и за друге, наша се рука (да nebude предъ Богомъ оговорено) на многе, у овой окрестности, сироте простире. Наша стока сва овде и ніе, мы имамо за овомъ горомъ велике наше пустаре, тамо су намъ волови, коньи, камиле, козе и свинѣ, да їмъ се ни броя незна. „Одъ ономадъ емо 36 коня, найлепшы' изъ целе ергеле, у Неродимлю за кралѣвску ергелу послали, и за болнице 40 комада уговны' свиня, на три кола вариша, и опегъ кола брашна оправили. Нама е дао Богъ и царъ, не да мы сами уживамо, но да и друге у нужди помажемо.“ Да како вы мислите Аю? запыта старый, кадъ се видимо, да што имамо, то одъ посла да престанемо? Боже сачувай? шта е онай человекъ, кои одъ радиѣ престане, и у леньости труне? благо ономе, кои увеселенѣ свое у послу налази, и кога ердце сладость неку и увеселенѣ свое у благотворенію осеѣа. Никого неѣе любезный мой! посао убити, но їоштъ што се выше у послу и у движенію тѣла человекъ занима, здравіи быва, слаѣе еде и піе; слаѣе спава, и дуже живи. Я самъ настави старый, преко 75 година старъ, пакъ ме погледай какавъ самъ! многога се младиѣа я їоштъ нестидимъ, а ето и моя прешла веѣъ 60 година, пакъ

да ю виднѣть, кадѣ ти намѣ седне и за разбой свой, и у свакой раднѣи, иде їой посао болѣ, него какой молодой! „Мы се нетрудимо, прехвати етара, изъ едне желѣ, да выше стечемо, но едно, да одѣ нашего тру-да и друге — сиромаше люде — надгледамо, а друго научили смо се изъ младости радити, пакѣ намѣ се мии радити. О кадѣ бы сваки родитель за свету се-би дужность признао, да сынове свое и кѣри одѣ млади їошѣ ноката на раднѣи, на красну ову добро-дѣтель, привикну, и такову їишѣ усвое! koliko бы намѣ съ тимѣ выше добра у земля нашой постало: гледимѣ брате и одѣ нре, кадѣ самѣ оно у граду быда, у раданѣ данѣ нажитиле се госне, пакѣ посе-дале пуште по клуне предѣ куће и дућане, као у ка-кавѣ празникѣ! алѣ е то ружно видити: седеѣи она-ко беспослене, гледи кои куда иде свакогѣ оговараю. „Но садѣ одѣ како намѣ е младий кралѣвишѣ дошао, рекне Никола, сазовимѣ е друга у вароши уредба. Строгу е заповестъ издао, да полиция добро на лень-штине, на люде беспослене, скитнице, и стокуће, на-зи, и сваки да се на посао тера. Осуѣсни у тамници, свакий данѣ да се изводе чистити намѣ пѣяце, сока-ке, одуке свудѣ по граду, и изравнюю путове: а безкућницима и скитницама такоѣе дао е посла у обе руке: свакий данѣ и по петѣ стотина їи при дво-ру раде, дворѣ зидаю, цркви зидаю: школе, грдне ка-сарне; све се то садѣ на вратѣ на носѣ ради: стоп-ника по цео данѣ колица: видеѣе те вы до мало вре-мена, како ће Призренѣ да процвета. Овако у раз-говору съ мракомѣ веѣ присиѣду у дворѣ, гди при танкой вечери и чаши вина, продуже свой разговорѣ похвалываюѣи нова кралѣвека садѣ уреѣния. „Све е лено и све е красно, рекне домашнѣи, што садѣ нареѣую, но найбільѣ ми се вели, допада, што краль раскошность обуздава, и недопушта, да му се у зем-лѣи мекій живогѣ уводи: забранюе нове и нове мо-

де у оделу, но свакиј спрема себе и чина свога. да се носн. Земљоделаць одъ проста сукна, художникъ и графиниъ мало одъ ботьга, трговаць, како кои спрема свога могућства, скуплю или евтинию альбину да има, само да му е вида трговачкога, а не да га альбина издае за онога, кои нїе. Словомъ рећи краљ гледи да роскошности границу положи, то ми се допада, и єсть паметно и т. д. у деиномъ разговору проведу време.

Другиј данъ одведу госте свое и у фабрикѣ, кое їмъ сниже двора на единомъ великомъ потоку быяху. Прво падну садъ ту странама у очи на потоку 3 валирице: у одной и пайвећей виде да се просто сукно обдѣлава, кое кажу їмъ, да е та роба на царску страну за войнике; у другой саме поняве и прекрасни неки сваке шарѣ ћилими за простираче по господскимъ кућама; а у трећей такође сукно, чо изредногъ качества. Показавши они еве ту гостима, преведу їи мостомъ единымъ преко потока на другу страну. Озде їмъ се дугачко неко поредъ воде пружило быльше зданїе, у комъ садъ чую, да стои луна разбой. Кадъ унутра, имаду шта и видити: еве разбой до разбой около 20 нїи, за коима прекрасне неке младе и девойке седе, и ткаду единако, ни на умъ неузимаюћи, да їмъ е ко' ту дошао, само бы гди-коя одъ девойка крадомъ повукла очи на стране и зажарила бы се на лицу. Видите рекне стара Госполя дичећи се, колико я, и каковы' лени' кћерїи имамъ! како ли су ми еве добре и радие, то су приложи, еве мое кћери, оне мене еве старомъ — майкомъ зову. Страни се садъ ту загледе у еданъ веома лепъ разбой, за коимъ нико несеђаше, но посао на нѣму чистимъ платномъ покривенъ виђаше се. Стара Госполя рукомъ на истый разбой показуюћи: ово е вели мой разбой, за коимъ я сама, кадъ ми време допустити, ключкамъ. Са тимъ приступи и скине съ нѣ-

га платно, заблеста овимъ по финой дамаской свили уткано, у кое се страни садъ загледе, диве се художеству и веситици посла и похвале дѣло. „Одъ тога љу, рекне ѿмъ Госпою да дамъ одну лепу у Пеѿню Манастирѣ одежду справити. Разбой быаше одъ кипрова дрвета, но тако лено начинѣлъ, и тако углаѣенъ, да се мога'у на ѿмъ огледати. „Оваковѣй разбой, приложи стара, имала е и кралѣвска сна'а; покойница, она ми га е сама и показивала. — „А зарѣ е и она ткала? унѣта Романъ. — „О да како! одговори стара, та и сама Кральница наша саданя тка! О! да вы видите ѿмъ посао! она се с испочетка — паравно, као Гркиня, и царска кѣи, — овога посла и стидила, а садъ радо тка, и похвалое овай нашъ обичай, а и зашто не? славѣи су Римляни свое Ирое одъ плуга на престола царекѣй позивали, и зато ни-су се стидили, пакъ е добро еве было.

Съ тимъ поведе стране средомъ између разбоя. Девойке садъ стидомъ одъ страны' усугубе красоту свою, и спусти овака зелену пѣзъ лице таняцу, по екрозъ ову тако одной засѣи у очима Романа лице, да му оста чисто на нѣой срдце! Оѿ быаше радъ при овой мало и позауставити се, али благообразный Србскѣй характеръ то ѿмъ засадъ предъ дружетвомъ недопусти: ништа манѣ задржати се немогаше, да се необабре, и ѿшѣ еданъ погледъ на ню небади. Никола ово спазивши: айде, айде! смешеѿи се рекне му, свѣти слѣдуемо. „Стара на то зауставивши се: видишъ Нико, рекне брату, како су намъ ове девойке здраве и у лицу благозрачне и прѣтне, обѣишъ ли у Призрену таковы' видити? али оне рече сунце кадъ се роди при послу застане, а кадъ седа при послу ѿ остави, особито у овомъ здоровомъ горовитомъ месту, и овако на чистомъ и мирномъ воздуху; а ваѣе у граду спаваю и мешколъ се у постелѣи, докле ѿмъ сунце на високо неваѣе, и топлотомъ своѣомъ землю

неразгріє; зато и есу понайвише бледе и имаю не-
свѣсть: туже се често на стомакъ и немаю вкуса къ
еду. — О сестро! прихвати іой братъ речъ, та и оно
намъ е Призренкѣня, показуюћи на пету одъ края
(на кою садъ Романъ на ново разрогачи очи свое и
ужвиленъ ушима, да се извести чїя є) и ако се, ла-
гано рекне Никола, певарамъ, нашъ любезный Ро-
манъ између свію на ню око баѣи. Веруемъ ти одъ
говори стара, но были вамъ такова была, да є у гра-
ду? зато ти Нико кажемъ — (лагано) да ми дете
доведешъ! Савку мою сладку, да ми доведешъ, да
ми сугубо моємъ постане — знашъ? — — „добро,
добро сестро! —

Са тимъ садъ изиђу и поведу госте свое и у
друго, сниже овога, зданіе, у кое лагано преко едно-
га воћняка ходѣћи їймъ, старый Господинъ у разго-
вору дружество поведе мало на страну, да їймъ по-
каже пчелнякъ свой — силне кошнице свое. Роману
се даде садъ прилика са старомъ Госпоіомъ мало
изостати; она примѣти садъ на нѣму, да іой има не-
што саобштити. На кое овай: Мамице! вели, я имамъ
васъ нешто пытати, но засадъ међу нами нека оста-
не; „да чуемъ сыне! „Кажите вы мени чїя намъ є
є она, што рекоете, да є изъ Призрена девойка? —
Стара смешећи се „допадати се? запыта га. „О ма-
мице! простите ми — заруменивши се на лицу рек-
не младїиъ, и подлюби є у руку „простите ми, я до
дапась нигда нисамъ любію, пекажемъ, да самъ и я
красное полу свагда ладашъ быти могао, али текъ
до дапась ни една девойка мени чувства къ любви
у момъ срдцу отворида ніє као ова! чимъ ю мамце!
смотри допаде ми се! зато молимъ известите ме, чїя
є, и могу ли я єъ нѣомъ говорити? — Стара се
насмеє, и стисне му руку „Романе сыне! рекне
му, она є наше кумче, я самъ ю кретида; она има
само одну матеръ, выше никога, отаць іой є пре две

године умр'о, и будући да више деце ни су ни имали, остави їой лепо и наслѣдіє, има у граду две куће на катъ; подъ едномъ имаю три продавнице, одъ кой добія'ю годишній до'одакъ. У осталомъ сынко, девойка в веома добра, лепо изображена, могу рећи, да їоштѣ душевнимъ качествама своимъ превосходитѣлесну красоту свою, ово можешъ и самъ некусити: дозволи ће ти се да се съ нѣомъ познашъ, и неколико путій говоришъ, пакъ ћешъ видѣти. Зато ако имашъ волю Романе, ова више зависи одъ насъ, нежелѣи одъ свое матере: мати їой в жена стара и слаба, неће дуго ни живити. Но то сынко, приложи стара, треба знати, да бы мы ради нѣой мужа у кућу довести. „Пакъ зашто не? одговори Романъ, у кућу — у кућу, и и тако више у намѣри писамъ у Станишеву, особито съ маїіомъ живити: шта ћу я на се-ду, узмемъ мою часть иманя, што на мене принада, пакъ се таки преселимъ, само ако стваръ може быти, и она узима волю поћи за мене. Я новаца хвала Богу имамъ задовольно, да и две продавнице, ако ми се узвиди, напустити могу: едну разнимъ сукномъ, свиломъ и другомъ тканомъ робомъ; а едну материяломъ. Я самъ я едну и другу трговину учію. А маїія некъ остане у кући, я се съ нѣомъ и тако слагати нсбѣи могаю, волимъ се съ нѣомъ издалека пазити, него се изъ близа съ нѣомъ мразити. Савѣтоваћу и ню, ако ме усхте послушати, да или узме себи мужа у кућу, будући в жена їоштѣ млада, или ако се неће удавати да гледи каквогъ младића себи за зета такође у кућу. — „Сынко то в све добро, прихвативши речъ Госноя, рекне му, и ако в то сужено да намъ се тако сбуде, я ти напредъ кажемъ, да ты можешъ и овога детета део имати, ербо мы за нѣга то испотребуемо.

Кадъ се приближе овако у разговору часъ по часъ засталаваюћи, и къ другому зданію, и виде, да

на нѣи старый съ дружествомъ при врати авлійски изгледа, рекне Господи Роману: сыне мой! Нашъ разговоръ овай остае за садъ кодъ насъ: мы никакова употребленя чинити неѣмо, нити ѣу я што преѣе и девойци о томъ споминати, докле се годъ ты съ нѣомъ непознашъ, и добро ю неискусишъ; а што се нѣне волѣ тѣече, оѣе ли се она за тебе склонити, то се ты сышко! нимало небрипи: она е намъ као едно безазлено ягнѣ, она еве свое поверенѣ на насъ има, мы смо нѣой и отацъ и мати, што мы о нѣой за добро наѣмо, и нѣой рекнемо, она ѣе насъ послушати: а и зашто небы, за такова младиѣа, садъ си найбільъ за женидбу, а и она за удадбу, она намъ е садъ у 18 — ой години.

Съ тимъ садъ прекану овай разговоръ, и униѣу съ осталима ту у єдну грдно пространство авлію, преко кое великій потокъ течаше, на комъ виде страши млоге жене, гди по вировима вуну перу, и чую ту, на горпѣмъ кату зданіа, дивно некое деволяко певанѣ. Старый отвори врата и стране предъ собомъ унутра пропусти. Кадъ ал' овде застапу дечицу, у єднѣой соби саме девойчице, а у другой мушкарце, седе и чешляю вуну „Ето видите Господо моя, рекне старый, како мы и дечици знамо дати посла: свако то надицу свою заслужи.“ То су сва деца привати стара изъ нашего ту доле сеоца. „Завѣта Господо! рекне Веса, похвале достойно и свѣто дѣло е ваше, младежъ овако зарана послу привикавати. „То признаемо за нашу дужность любезный мой Адо, одговори Господинъ; привикни ты нѣга изъ малена іѣишъ къ послу, пакъ ти неѣе быти коньѣокрадица и злодѣй. Садъ стара на друга врата изведе стране; и пропусти иѣ узъ неке степенѣ на горпѣице: певанѣ се утища, и стара отвори гостима врата, немало страши се и овде садъ зачуде, кадъ видеше до едно 20 девойчица, и предъ свакомъ везъ на ѣерѣву. Девойке

застигнѣне уставу предѣ странима. „Ове намъ се уче везети, рекне стара Госпоја, и ово су њимъ (за две Госпоје) њѡве учительице. На то едно вижљасто девојче тако се у младога Миливоја загледало б'јаше, да е чисто на себе заборавило: стара то спази, и узнегодуеть; удари ю претомъ по носу, и тихо јој пребаци: благообразной вели, девојци непристон се, да младићу у очи тако пиљи! — и сѣ колико се, рече, жепско предѣ мушкима выше стиди, и натрагъ се одъ њи узбѣд, сѣ толико таква девојка прѣтнѣя мушкима у очи пада, и веће уваженѣ себя добива: девојка у лицу красна а подрзљива, и безъ стида, уподобљива се цвету безъ мириса, и не само девојци приложи стара, но и мушкоме лицу стидъ велику прѣятность дае. Шта выше на лицу и мужа, подѣ седимъ всѣхъ власима, лепо е видити стидъ некѣй и благообразіе. Зато драге моє, храните стиденѣ, облюбите ангелеку ову добродѣтель, ово срѣца и душе наше украшеніе. Гди намъ е стидъ, ту е и уздржанѣ, а гди намъ е ово, ту е и здравлѣ; цѣломудріе, невиность, чистота тѣлесна, бѣстрость ума и друге овима подобне добродѣтели одъ стида намъ зависе. То изрекли поѣе за дружествомъ.

Другѣй данѣ опомене нашѣ Романѣ госпою, да би онѣ радѣ сѣ опомѣ девојкомъ говорити, коя му е у прошастѣй данѣ у очи пада. „Добро! рекне му Госпоја, садѣ ѡмамо и најболѣу прилику кѣ томе, я самѣ ю вели у башту послала, да намѣ набере цвећа за столѣ, айдемо дакле за њомъ, я ћу јој теби представити, пакѣ ћу се потомъ я мало около цвећа позабавити, а ты са њомъ исподѣ руке по башти шетаюћи се, можешѣ се доволѣно наразговарати, айде само! Текѣ ови на врата одѣ баште, я Катарина сѣ пуномъ котарчицомъ разнога цвећа предѣ њи у кобѣ. Тргне се одѣ њи и запламти се на лицу, узбѣну сѣ лица танчицу одма низпусти, и уч-

тивно йиъ се поклони. Изненадный суереть овы' беше ю мало збунило, но таки дође къ себе, и природный іой се цвѣтъ на лицу оиеть появи. На то стара: Катарина! велѣ, ово намъ є господицѣ Ромапъ Раниславъ изъ Станишева, нашъ добаръ пріятель, и братъ нашегъ Милвоѣ! Драго ми є особито, одговори съ благообразіемъ девойка, да имамъ честь познати ѣй.“ „Любезный! приложи Госпоѣ, ово намъ є господична изъ Призрена, наше кумче вели, я самъ ю и крѣтила, но ова мене оиеть за мать сматра, и всамъ іой по любви я и мати, зашто є добро дете.“ „Радумъ се любезна Господично одговори трепетнымъ гласомъ младѣй, да имамъ честь и я васъ познати. Сатмъ садъ узме ю исподъ руке, и поѣу стазицомъ преко башти. „Айде вы шетайте се рекне стара и разговарайте се докле и я прегледимъ мало по башти. „Мы се садъ Господично рекне младѣй у овой прекрасной башти уподоблявамо Адаму и Еви у Раю! — Девойка се пѣжно осмене и погледи на нѣга. На то оиъ: дивный рече, промисао Божій, краєва моя Господично, и у томъ намъ се види, што ни у самомъ Раю савршено за човека самца благополучіе ніе могло быти; зато Богъ Адаму Праотцу нашемъ дарує Еву, да съ нѣмъ заедно райске оиє пріятности ужива: ово намъ є живый и за насъ, по крови ѣй наслѣдне, примѣръ, да мы сами безъ вериз друга никакву на свету среѣу, никакву савршену радость уживати неможемо. Божество є само насъ на то устроило, оно намъ є и чувство любви у сердце наше улило, и сердца наша пекомъ, полъ къ полу, сладкомъ симпатіомъ саюзило; слѣдує дакле одтуда, да мы и нашу судьбу саюзимо, и дружески такову, среѣе наше ради саединимо. Девойка съ ниспуштеніемъ на землю очима, нѣаше лагано и съ пажильомъ ово слушаше. „Благоразумна девойко! настави младѣй, я козико самъ се с вама известити могао, вы

пъз мой речій можете мою намеру познати, но извиняте любезна моя! у томъ мою нестриелъность, што я овако при првомъ момъ съ вами познанствѣ, одкриваю вамъ мое сердце! — я васъ люблю! — смѣрно васъ люблю! — Сердце е мое при првомъ момъ на васъ погледу све за себе пріятности у ва-ма одкирло! садъ оѣу ли я быти среѣанъ, да и мени ваше красно сердце любви удостой, съ некимъ стра-омъ изъ вашихъ уста чути желимъ! — Девойка замилѣна поѣути и гледи предъ а се. — Што се мене приложи онъ, кога юшѣ познавали нѣсте и мога благодѣтели тѣчѣ, одложиѣмо време, да се можете известити. Я са тѣмъ не итиѣмъ, нѣти могу итити, зашто ми се е ово дана отаць преставіо, но само желимъ одъ васъ чути оѣете ли се вы добра душо! на то склонити, да онота, кога сте сердце плѣнили среѣнимъ учивте? — Девойка на то дигнувши очи „Любезный Господине! рече, я на то ваше чисто-сердачно, али изненадно мени учивѣно пытанѣ, засадъ ништа одговорити немогу; особито безъ старе наше Госпое, одъ кое я садъ завиѣимъ: они су обоѣ мене родительске своею удостоили любовью, они дакле и брѣгу о мени носе, а я се нѣма, као нѣново роѣ-по дете, съ пѣвейшимъ поверѣнѣмъ повинуюѣмъ, како они за добро о мени паѣу, а ѣу быти задоволенъ. Истина, я вѣсамъ Богу хвала на то спала, да я изъ милости чѣе живимъ, то не, мени е одъ мой родителя лѣпо нѣманѣ остало, кое ни съ кимъ делити не-мамъ: но будуѣи да самъ я мала безъ родителя ое-тала, зато Господниѣ и Госпою прѣйме ме къ себи, да ме они воспитаютъ, и да съ моимъ до саврѣшенъ мой година добромъ управляютъ; да ме они удаду, и среѣномъ ме учине. — „О Боже мой! рече младѣѣ, — смѣѣ ли я моѣе сердцу поласкати? — оѣе ли судба моя на мене то среѣно жребіѣ бацити? — „Любезный Господине! одговори девойка, мы судбу

нашу предвидити неможемо, и сердце наше выше путій превари насъ; зато петреба, да се мы на прво сердца нашего устремленѣ ослонимо, — многи су се у томъ преварили, око в вода! — „О ангелу мой! Катарина мила моя! истина да намъ в око вода; допунштамъ да насъ и сердце преварити може; не одричемъ ни то, да и судьбину нашу свагда предвидити неможемо: али око намъ в овай прозоръ, крозь кои душа наша гледи, и предмете предъ собою разликуе. И сердце наше некій путъ такову силу има, да выше путій у себя предчувствуе оно, што в добро, — предвиди чисто судьбу свою! я самъ уверенъ, да ме сердце мое у овомъ неvara: само садъ одъ васъ, красна моя, завися, да онога среѣнимъ учините, кои васъ смртно любя, — кои васъ при томъ до обоженія почитуе. То рекне, стисне іой руку, и видеши, да іймъ се стара едномъ етазомъ приближи, извади изъ цепа мараму, и почне брисати свое влажне очи.

Стара умилѣна сердцемъ смешеши се на пѣи „децо мой! рекне іймъ, шта таквome лецомъ на ру людій можемо садъ желити, развѣ одъ Бога благословъ? — „я самъ у томъ среѣнна свагда была, я самъ до-садъ 15. дѣвошка удала, и све на добро намерила, слѣдовательно я несумнямъ ни о вами, да бы добро пзишло Господине! и сыне мой! ово в дете мое, я да самъ ю родила, не бы ю могла веѣма любити, и любеѣи садъ я и васъ, као брата вашего Миливоа, на свету болю за васъ прилику небы могла желити.

На то садъ уѣу іймъ и остали у башту, кои іймъ прекину разговоръ овай. Госноя Круна узме свѣтъ старогъ и Веу мало на страну, и саобшти іймъ дѣло ово: ови іой то одобре, и мило іймъ буде, одложе дакле на неко време, и буду, младимъ на руку, да іймъ се боѣ познаду, боѣ едно друго некусе. За то време Романъ измеѣу стра'а и надежде нестрпелливо очекиваше, шта ће одъ старе за Ката-

рину чутѣ. Онѣ у свакоѣ прилики съ нѣомъ потайво испитиваше сердце нѣно, но любезный оная стыдѣ и благообразіе девоячко, подуго време сердце нѣно покриваше, и ово є младѣна сила мучило.

Єдно ютро по подручку, весела стара Госпоѣ, узме Романа за руку, и одведе га у другу собу. „Сынѣ мой, рече му, дѣло є наше вѣѣ по твоѣѣ желѣ! Катарина тебе люби! — радостна ова за нѣ-га вѣѣ орумениму младе образе нѣгове. „Люби? о мамце, сладка моя мамце! повиче у радости, како-во є блаженство то за мене! за кое я Богу пакѣ-вама найчувствительнѣ благодаримѣ. Са тимѣ старой цѣдуе руку, и наводнене очи свое уздыгає Богу! — Я самѣ тебе сыно, приложи стара, за ово време єднако уверавала, да и она тебе исто тако люби, као годѣ и ты нѣо: и ты си єє о томѣ сумня. Истина, ова као єдна благообразна девоячка, стыдила се є Романѣ! мени то исповедити, но єє бы ми на мое речи кршеѣи прете свое, одговорила: мамце! како вы знате, и вамѣ се у єєму повинуюмѣ, я самѣ уверепа, да вы мени добро желѣте, а и сама на младѣ-ѣу я мане неналазимѣ и т. д. али ово за мене нѣе довольно могло бытѣ, опомнѣѣи се сыно я твоѣи речѣи; да ты желѣишѣ известити се, люби ли она тебе управо одѣ сердца, или само изѣ неке наклоности, и то, єдно повинуюѣи се нама, а друго и на наше похвалѣе о тебѣ речи, себе и преко свое праве волѣ на то убедила, кое се везове управо любити. Зато пошлѣмѣ я юче во неку Мѣлицу, съ коѣѣмѣ се она пазѣ, паметну девоячку. Ова доѣе кѣ мени, кою я у одѣуєву Катаринѣ замолимѣ, и научимѣ ю, како да ю искуша. И тако она као другарици своѣѣи чѣстоердѣчно исповѣди, да те запета люби, и да бы за тебе, кадѣ бы и пукѣи сирѣма бы, радо и весело пошла. О Мамце! И то су нѣѣе речи? унѣта младѣѣѣ. Я самѣ ю сыно сама изѣ ове другѣ себе на врати-

ма слушала, што є годъ говорила. Зато садъ се увери, и пи пайманѣ выше о нѣой несумнай; она є твоя, и ты си нѣнѣ, да васъ Богъ благослови да среѣни будете. „О Боже! я се садъ на вр'у мое среѣне палазимъ! у усхиѣеню рекне младиѣъ, я садъ ублажавамъ судбу мою, ублажавамъ часъ онай, кадъ самъ овамо дошао: ердце мое сладкимъ се садъ чувствомъ прелива, и у овомъ се чувству момъ я Богу зарештавамъ, не само трудити се моіой Катарини животъ усладити, но да се за ову мени єъ выше благодать, за овай даръ небесный и благодарнымъ покажемъ, облюбн ѣу сваку добродѣтель, и твори ѣу све, шта є хваледостойно, и што є предъ Богомъ благоугодно: я ѣу Мамиде моіой Катарини быти веранъ; она є мени прва на свету, коя моимъ ердцемъ завлада, я ѣу ню любити — любнѣу є Мамиде као душу мою — „Увери се дакле и ты, да си и ты нѣой првый на свету, кога она любави свое удостои, и да ѣе и она одъ свое стране любави твоіой у равной мери одговорити, шта выше, женско као слаби поль нѣжнѣіє іоштъ сынко любви, кою нѣжность одъ мушки' захтенати мы и неможемо; ерѣ мушкоме пристои се човекомудрено любити, и коя то не чини, — выше путій жену свою поквари — размази ю, и оспли ю палъ собомъ, да му наипосле и заповедати почне, одовудъ се после млого зла раѣаю! тешко оной кући, тешко ядной фамиліи, гди жена за жива мужа првепетво оѣе да има! Мужъ є жени глава. И нѣе довольны сынко, да жена свога мужа любн само, но дужна є да добра и паметна мужа у оной любави и єъ некимъ стра'опаштованѣмъ предуерета. Али млого и одъ мужа зависи, да жена добра буде.

На то сада отворе имъ се врата, и старый Господниъ завири „Та жено рече, камо се, оѣемо ли нѣи?“ — „А куда Иво? запята стара — „Где садъ! да ко' є наредію, да се у винограду иде? Ево коньи

и упрегнути и оседлани. — „Вражкогъ човека! Станиславъ надзиратель! окупио ме јоштъ синоћъ съ Милливомъ да идемо у виноградъ, но я ѿмъ се нисамъ зацело обекала, ал' већъ кадъ нѣ теби Иво противно, а оно да идемо, Милливой ме јоштъ одъ ономадъ све салеће. „Мамице кадъ ћемо у виноградъ? Айде дакле да му се и та желя испуни, само нека двороправитель нареди што треба. „То твоя брига нѣ, рекне старій, све е готово, само ћу се я мало свѣћу капцеларию, два дана већъ како писамъ бью, да наредимъ за нека писма. „Кажи бога ти Иво укратко секретару, пакъ ће онъ то наредити, а мы да идемо заранѣ, докле намъ нѣ данъ угреаю.

Са тимъ изиђу на алтанъ, гди застану Катарину съ Милицомъ и јоштъ съ неколико двореки' служавкѣй. Катарина лепо обучена као каква Нимфа, засія Роману у очима. Онъ ю учтиво поздравѣ, и погледи на стару Госпою „мамице, вели ако се неварамъ — „О да! одговори весело стара, да како бы мы безъ нѣи и ишли, и оне ћеду съ нами, да намъ лепо неваю. На то свѣћу се и чекаюћи на старогъ господина, гледи, како ѿмъ Милливой на коню подскакуе, и поредъ нѣга момакъ нѣговъ такође на коню, коя нескидаше очю свои съ нѣга. Дође ѿмъ и старій. Госпоя садъ Романа съ Катариномъ и Милицомъ узме къ себи на една кола, а служавке поседаю на други. Старій господинъ, Никола и Веса съ неколико момака, поседаю на конѣ, и тако крену се. Путь оправльнъ, и великимъ растовима и съ еднѣ и друге стране оствѣнъ, предѣль дивный, да се страна довольно нагледати немогаху! Птичице по листовимъ дрвама съ поянтѣмъ узвиреле; по ясногласни славун, кои се чиняху, да се съ косићима надиваю, све друге птице далеко у пояню надвишаваху. „О господине! рекне Веса Боляру, да красна предѣла, да здрава места, у комъ живите! — „Но чуєте ли вы

„Ао да красна намештая у нашегъ господина и овде! рекне Веса. Истина и могуће му е одговори Драгић Никола, али више чини, што уме и зна, како се до-мостроительство води, нежели што му е и могуће: Вредноме брате газди, и добре усталцу, чимъ у кућу или у добро пѣгово ступишь, одма све у ле-помъ реду видишь; а лењштина и туњавцу отиди у кућу, пакъ ћешъ видети, у каквомъ непоредку, и у каквомъ смраду живи. „Ево намъ у нашемъ госпо-дину и госпои (превати речъ Веса) за ратна човека живогъ примѣра! текъ што се на земљу сиђоше, и ено њи обое како гнираю и све обеду да виде, а немо-раю то чинити, има њимъ ко, по мили њимъ се, и при-мѣромъ добримъ предходе поданима и млађимасвоимъ.

На то њимъ позрве служители съ влама у сѣ-ниду, и позову њи на обѣдъ. Господинъ и Госноя са осталимъ дружествомъ садъ се беру, и лагано у разговору унуте се къ сѣници. Ова њимъ быяше о-кругла и на високе стубове сазидана; изнутра сва прекрасно измолована, и лимомъ покривена. Романъ се загледа у некій на среди потаванице около зеле-но-измолованогъ венца, надвисъ: Веселину новоро-ђеноме сыну одъ родителѣ. „Старый уздануши рек-не: ово смо дали сазидати, кадъ намъ се е сынъ ро-діо! какова е наша радостъ онда была, то се описа-ти неможе, и на што намъ се радостъ наша обрати! по хвала Богу, вальда намъ е тако суђено. „Благо-дарямо Богу Иво, да намъ е живъ, приложи стара, пакъ гледајмо, да то дете, око когъ руке склоњемо, у нашемъ добру осигурамо: ово намъ е садъ у ме-сто онога.“ „А шта ћемо га сигурати, одговори; кадъ я имамъ и писмено одъ онога, да онъ одъ насъ ни-шта тражити неће: наипосле дође ли стваръ и до тога, да нито я узимше, у нашој е власти съ поло-виномъ иманѣ како — и коме обемо разположити, а другу половину нека бы са овимъ и делію, то о-

петъ овоме ће три части припасти, а нѣму четверта на часть, некъ му буде, толико бы му я и самъ съ благословомъ дао, но упорна глава, неће да памъ се покори, воли чекати, да мы уаумремо, пакъ онда мисли, да ће се у цело наше добро увалити, но видиће онъ, да се е у томъ преварио.

А зашто вы господине, седајући за столъ, рекне Драгицъ, напишете нѣму јоштъ кои путъ и непонудите га да вамъ дође? можно да се е онъ већ у оданѣ свое године и разкаю, за оно, што е младъ учинио. „Е мой шуро! рече му старій, онъ нѣе выше дете, но човекъ на 38-у годину већъ, да е онъ свою погрешку признао, и да се е разкаю, заръ онъ небы памъ дошао, или палѣда чека, да му мы на поклоненѣ идемо! може бити, да ће онъ то одъ матере, и то после мое смрти, ако пре умремъ, дочеката, али одъ мене неће. Она му е толико већъ путій ето сама нека каже, хтела нѣи, ал' ю я писамъ пустію! — Јо Иво! мати самъ, боле брате срдце, подъ коимъ самъ га носила“ — „Е! — е садъ видите ю, рекне старій, ето памъ се већъ паоблаци, я выше о ономъ несмемъ ни говорити, зашто ће таки и киша пасти, пакъ боимъ се быт'ће и грмлявинѣ! Е моя круно! да те ердачно нелюбимъ, колико бы си путій ты, особито изъ првы година — ал' нећу да говоримъ, ето ти сына, само да памъ е старій, данасъ бы учинио, што ми на ердиу лежи, но ништа жено, пояки смо Богу хвала и обов, доживиће мы, и узрѣти сыны сыновъ ѿ — (главомъ на дете, кое се съ братомъ заговорило быяше, да на беседу овы' и невинмаше) „У Бога се Круно мой, я уздамъ, настави Боларъ да онъ неће допустити, да се веселый Загоричинъ дворъ у своіой слави умали и угаеи, и да травомъ стазе обрасту памъ оне, воима памъ любезни наши пріятельи у нѣга долазе; за племе наше некажемъ, што ми е сынъ у себи ута-

манить наумо, по нме ће намъ, ако намъ Богъ пріятіе наше благослови, ето тай на стотине іоштъ година прострети. „Мой Иво! превати стара, ваше є то желито, а Божіє по судбама своимъ намъ даровати. — „Иманъ право! наша среѣа и зависи одъ Божіє судбе, но непуняваймо мы само дужноста наше, и живимо Богоугодно, пакъ ће све добро бити, дасть ти Господъ по сердцу твоему и весь совѣтъ твой исполнить.“ Но све садъ на страну, приложи Боляръ, пакъ се машайте за ело! ова намъ є юха съ младомъ ягвѣномъ цигерицомъ и съ яима, са зеленомъ, печуркама, а шта ту нема, о како намъ є благокусна, я ю найрадїє имамъ. Та пріятелю (на Весу) седи момче, куда си се загледао — „О Господине да дивна изгледа съ ове ваше филаторіє! — После юхе служителя поднесу мале неке одъ мяса лукумиѣ и куване кокоши. На то донесе їмъ се говеѣина, и за овомъ кисео купусъ єъ прижепомъ на нѣму пастрмомъ. За овимъ є слѣдова-ла велика одъ теста и млади' пилиѣа гита. После ове тепсіа една упригна єъ птичимъ месомъ, пирнича. Напоследку печено ягвѣ, и пржени пилиѣи. На кое господинъ узе чашу съ цримъ виномъ, кое добротою своіомъ Кипарскоме се уподобляваше и наздравл гостима. Садъ їмъ се текъ отвори разговоръ, и текъ што їмъ Миливой свираїку (флауту) на свое румене устне наслони, да свира, Катарина са осталимъ девойкама почне певати. Оне са своимъ ангелскимъ гласомъ, кои врло вешто са свврайкомъ младиѣа удесе, све при столу удиве, и све на пажню, као изванъ себе приведу. Романъ умилѣиъ пи очію чисто свои съ Катарине; свое любезне нескидаше. Миливой се такоѣ у своемъ художеству, кое му и чистый гласъ девоякій подерепляваше, самомъ Аполону ту садъ уподобляване. Любезный овай хоръ одпева найпре песму єдну духовну, а по обѣду на

захтеванѣ господина Боляра одпеваю другу, коя се
е свагда при господиновомъ столу по обѣду, благо-
дареѣи Богу, читала. Оза се нева на гласъ: Ликуй
днесъ Сіоне, и естъ слѣдуюѣа:

Господи свесвятый
Прійми ѿ насъ сіе!

Отче милостивый
Благодареніе!

Бже яко сыны,
Срдцемъ умилени,
Мы тебѣ ѿдаемъ. ²⁾

Ты изливаеши
Росу благодати
Христе сладчайшій!
На земныя плоды,
И мы ж' питаемся,
И наслаждаемся
Поднебеснымъ благомъ. ²⁾

На тя уповаемъ,
И на милость твою
Вѣчныхъ благъ мы чаемъ,
И жизнь вѣчную,
Со ангелами лики
Славити ва вѣки
Пресвяту Троицу. ²⁾

Боляръ садъ наздравѣ Миливою и девойкама, и по-
виче на млаѣе, да му донесу у вино леда; а Госпою,
пошлѣ служавку по лимунаду. „Айде децо! рекне
старый, одморите се мало, пакъ да намъ одпевате
ону песму юначку о рату съ Турцима и Сараценима —
Миливой зна, онъ ѣе вамъ почети, а вы ѣете му по-
магати.

На то сада служавка една донесе ѣймъ лимуна-
ду, а друга цуну калайлію посластица. Пролоде се

мало, и ослале уста, пакъ даду знакъ на Миливою да почне. Овай узме садъ арфу, и намести се спрама девојка; поправи мало на арфи жице, и пусти гласъ свой, коимъ несамо остале девојке, него и саму Катарину мало застиди; она закрасивши се на лицу, бади нѣжный свой погледъ на дружество, и осмисне се, пакъ поведе узъ гласъ младића слѣдуюћу песму, на гласъ: Славна єсть любовь:

1.

У ютру рано,
Чимъ зора заплави
Вождъ Новакъ тайно
Съ войскомъ се оправи;
И понти, да се съ Грци
Соедини, докле Турци
Нису на нѣи ударили,) ².
Помоћъ предварили (

2.

На лево крило
Стави се войвода,
Садъ храбрый Иво,
На гласу Србенда;
Кой све видомъ ободрава,
А храброшћу оживљава;
Младимъ Србма дає волю) ².
На Марсовомъ полю. (

3.

Текъ што се они
Садъ крену у строю,
На брзи конѣ,
Преправни сви къ бою;
Али Турци осѣтише,
На оружѣ сви скочише,

1. Умиса Крайчевеакве Кинад
маде се вѣдѣ — 93 — Машируа

Равно полѣ прекрилише) 2.

Путъ ѿмѣ пресѣкоше! (

4.

То Новакъ види,

На Иву войводу

Уплашениъ погледи,

Пакъ запята уводу:

Шта е тамо, казуй брже!

И срдито мачъ потрже:

Хоћел' мо се ударити?) 2.

Можемо л' пробити? (

5.

Небой се Побро!

Повиче войвода,

Знамъ я Турке добро,

Наша е побѣда:

Машце момци протегните!

Срдца своя ободрите

На мене се угледайте) 2.

Ништа се небойте. (

6.

То ѿмѣ изрекне,

И коня ободѣ,

Мачъ свой пстргне,

Момци га погледе;

Пакъ се за пѣмъ устремише,

Незнаде се ко' ће брже:

Хала! хала! Турци вичу!) 2.

Али текъ узмичу! (

7.

Небежи Муѿ!

Нећешъ намъ побећи,

Повиче Иво,
Садъ нешъ ме познати!
Нису ово Сарацени,
Нити меки Персіјани,
Већъ су Срби, челикъ тврдый,) ².
Кон ватру дае. (

8.

Юнаци храбро!
Съ нами се држите,
На вожда добро
У битки назите!
Садъ немо њ обколити,
И варварску крвъ пролити,
Летиће њмъ обрјане) ².
Са рамена главе! (

9.

Новакъ се пружи
Съ деснимъ криломъ предъ турке,
Ива њ окружи
Съ леве стране до реке;
И тако њ обколише,
Пакъ се на њ залетише
На еданпутъ съ обе стране,) ².
Турску силу збуе. (

10.

Случайно Паша
До Новака пробіе,
Сабљъ се маша,
И текъ да га убіе!
Али Иво садъ приступи
Мачемъ острагъ пашу лупи,
Одлети му хола глава,) ².
Ко зелена трава. (

11.

Победу са тизъ
Садъ Срби одрже,
Съ воинствомъ храбримъ
По'йте што брже;
Те се съ Грци' сєдине
Пакъ окуне Сарацене,
Стражиѣ крило поредъ мора) ².
Иза неки гора. (

12.

Паново ту се
И съ овимъ ударе,
Кое поразе
Славяо горде варваре!
Неко число овы' нагне
На галие и побегне
Преко мора у Азію) ².
Землю Ападолеку. (

Богъ васъ живіо! рекне старый, напів іймъ: я самъ, приложи, распитиваю, ко' е ту песму сачинію, да га баръ штогодъ обдаримъ, и никако дознати нисамъ могао. Алъ е тако лепо и тако правично саставію, као да е онде и самовидаць бую.

„О Господине! рече Веса, да ми е было одкудъ васъ онде видити! — Е! мой аю, и пріятелю — да си ты мене онда видіо! Ал' самъ брате и люде имаю, какогодъ рисове! О Боже мой! кадъ помислимъ само, шта смо чинили, чисто ми и садъ коса расте! и заиста самъ насъ е Богъ сачувао, да нисмо изгинули. Насъ две пляде коняника, против' онолико Персіяна и Турака! а пешачка намъ войска треіій данъ прислѣ. Но на нашу срећу ударили смо мы коняници на ны сасвимъ изненада. Мы нисмо ни мислили пре на ны ударати, нежели се съ царскомъ войскомъ, коя е на насъ Србе свакій данъ изгледала, сєдини-

мо, и планъ, како ћемо се съ непријателѣмъ удари-ти, начинимо; али случай допесе, да на непријателя нагазимо. Мы одемо тада у Тракию, и нигди непријателя не нађосмо. Помислимо, да га выше ту неће ни быти, но да е се преко мора у Анадолию баціо. Угледамо наипосле и Грчке войске, забеле иѣмъ се подъ единомъ шумомъ шатори: Боже помози, рекнемо, ево наше браће! но подалеко іошть ставъ нѣовъ быяше, и ноѣ намъ отме, првенсти тай данъ немогосмо. Склонимо се ту за неке шуме, и лето будући, време лепо, и месечина: преватимо се съ еломъ и пійкемъ, пакъ утврдимо страже и полежемо спавати.

Сутра данъ чимъ намъ зора забели, труба намъ огласъ, и све насъ наедапуть у движенѣ стави. Загрме юнаци съ оружіемъ, на себе таково метаюћи, затупѣ шитови, стонъ звука мачева, конѣи на таковый шумъ ратный навикнути, нарогуше садъ уши и завриште: за тилый часъ будемо готови. Войвода Новакъ Гребострекъ, повиче на моме: юнаци напите се помало ракіе, пакъ да се у име Бога кренемо: само сваки пазите, да у лепомъ строю идемо, да намъ Грци, кои знаду критизирати, ману у томъ не нађу.

Текъ што онъ ово наговори, и даде мени знакъ, да се съ моимъ криломъ кренемъ, ал' сто ти намъ уводе! стискао се пустый на коню преко равна поля, као стрела изъ лука пуштена. „Непријатель намъ е на путу, повиче, и сила іѣ има, и Турака и Персіяна, и коняшка и пешака, нѣе савѣство, да се съ нѣима упуштамо, но да другій путь узмемо, докле насъ нѣеу оестили. Новакъ погледн на мене: Побро! вели како ћемо садъ? „Да іѣ обиђемо, рекнемъ я, мало е насъ осрамотићсмо се. Но естъ! непријатель насъ спази, и намеру нашу хтеде да намъ предвари, али комотни, по своје обичаю, потребовали су времена, да се на бой спреме. Мы то видећи, повичемъ и я и

Новакѣ, као врховный управитель на войство: Юна-
ця! опомен'те се да сте Срби! и предъ очима веѣтъ
Грчанимъ кои сву надежду садъ на Бога, на на насъ по-
лажу! осветляйте дакле данасъ образъ своего роду!
позовите се люди, да е теже правоме Србину срамо-
та спети, нежели и црну смръть претрпяти! То изрек-
немо, и управитель ма'не мачемъ, и повиче да Пете-
рани (старій воици) напредъ иду! О брате каковы
« ту момака было! Забрѣани, Бличани, и одъ Ибра-
реке; да буд' му е бркъ великій свакоме се као по-
весмо обсею, то му се други седи веѣтъ изъ оба ува
пружили, а обрве црне и велике населе иѣтъ на очи,
исподъ кои кадъ погледе, као Нумидійскій лавъ, ре-
као бы садъ не те живогъ растрипути! „Право има-
те Господо Войводе! всели подвикну, што насъ на-
предъ пропуштате! зашто е давно речено: нема удар-
ца безъ добра старца! На то садъ потргну мачеве
и ствену се на одморимъ и брзимъ коньима управо
посредъ стана неприятельска! Неприятель се овоме,
на нашу среѣу, нѣ юшгъ падао бы, да се болѣ пре-
прави, пакъ се паѣ садъ у чуду! а мы запускамо:
удри, боди, сеци! Боже милый, рекао бы душа една
жива неѣе остати! и да потрая дуге, зло! одъ не-
приятеля бы и остало, будући да су мложномъ, мо-
же быти, и 10 путій насъ превосходили; но мы бы
сви изгнули, али на среѣу нашу велику, изгну иѣтъ
по веѣой части поглавари, одъ кой нанесе бѣсъ ед-
ногъ и на мене; велика нска людина, полагао на ко-
ню съ дигнутомъ у руци кривомъ сабљомъ, по у-
устый ма я му се окренемъ, и онъ кукавацъ; кадъ
ме съ лица смотри, отисне се далѣ, и продре нека-
ко и до самого Новака войводе; я тронуть опалимъ
садъ подаимомъ коня и стигнемъ га. Чимъ онъ вой-
воду, кои се у истый ма' съ двоицомъ бораше, остра-
гу да луни, я истегнемъ мачъ, пакъ ти намъ нѣга
жицъ! по дебелой вратини, свали му се глава ша-

домъ умотана, съ рамена, као навиякъ сена: изсуче великій езикъ, пакъ се поче по земљи котршкати: заблебега езикомъ мало, пакъ се угаи; скоче мои момци съ коня, и оплѣне га. На то варвари добию садъ трему, и на еданиуть нагне кудъ кои бегати. Мы се за пѣйма устремимо и до мора. ѿ доюримо: ту се стрпаю у свое галие и одтѣну се на море, но слободно могу рећи, да смо ѿ, кое побил, кое заробили, на пола умалили. И одъ наши' вѣстия, кое погинуло кое ранѣно на едно 400 момака было, али ништа зато, мы несамо што смо ту славно надъ неприятельима победу одржали, него смо и сильно благо задобили: сребра, злата, драгоцѣны' альяна, прекрасны' коня, да су намъ и сами Грци, као своимъ приятельима завидати морали. Царъ потомъ захте, да му одемо у Цариградъ. О брате! како насъ е предусрео! — те чести, те любви, те похвале одъ цѣлога народа, што смо мы имали! и те радости Цариграђана и благодарности одъ нѣи нашему Кралою, као зету, да се описати неможе! И тако насъ е све царъ Палеологъ обдаріо, да се нигда надали несмо.

Ово е настави говоръ Боляръ, последній остаткъ Варвара быо, кои су се тако у Тракии утѣздили были, да ѿ Грци ни за 20 година истерати ни су могли, и мы ѿ съ Божиомъ помоћу нестерамо. И докле насъ цариграђани у Цариграду гостећи и чаетећи за неколико дана задрже, догле наша и пешачка войска, сединивши се съ Грцима пређе у Анадолию. Варвари се ту уплаше, неку смели сражеженіе ни дочекати, очисте се и изъ Анадолиѣ. „Ели то быо молимъ Господине, првый ратъ съ Нерсіакима, кадъ е Андроникъ царъ помоћ одъ нашегъ краля искао, или другій? ушыта Веса „Другій, одговори Господинъ, я се у првомъ рече несамъ ни тrefію, првый е подуго траю, и одъ победе надъ Варварима у првомъ опомъ рату, избавленъ буде цѣлой джа-

ви Грчкой. Да нису Грцима у оно време Срби помогли, како су њи силни варвари напали били, они би сасвимъ пали били. То и одтуда закључити можемо. — што се в Андроникъ у оно време тако у теснимъ обстоятелствама налазио и мало войске имао, да онъ нѣ био у стану самъ, безъ помоћи свога зета, ни овај последній остатокъ Варвара за толико време истерати! заувкли се били у пѣговой земљи по градовима, и видѣши да царъ на пѣи выше неудара, често бы у земљу нѣгову излазили, и народъ му Християнски узнемиривали, да смо се чудили, зашто се тако Варварима попуштаю, зашто помоћи нешту? Найпосле толико се оемѣле, целу државу чакъ и до Цариграда узнемиривати, плѣнити родъ Християнскій робити тако, да народъ за две године нѣ смео выше ни у полѣ кудъ излазити, землѣ свое орати и сеяти: и ако су што гди и посеяли били, у време жетве Варвари ѡймъ са српомъ тамо изићи нису допуштали, или ако су ѡймъ пожнѣти, и ливаде свое покосити и допустили, нису ѡймъ дали изъ поли однети, но однесу сами колико ѡймъ треба, а остало запале! Ово дакле тиранство приведе цара съ народомъ до очалїи: онъ седне и напише нашемъ краљу писмо: Любезный вели Зете, или иначе Сыне мой сладкій, показао си ми у првомъ момъ съ Варварима рату Сыновну твою къ мени любовь, и дѣломъ се ѣ осведочило, да ти и самъ Христосъ, Господъ нашъ помаже, драну' изъ крайне мое нужде и онетъ молити те.

Зломислени Персїяни, коѣ си ты съ помоћу Свѣшнїѣга Бога, песамо одъ себе одбїо (ударили су и на Милутина) но и у моїой држави славно надъ нѣима победу одржао онетъ ме узнемираваю: остатокъ ѡштъ некїй одъ нѣи, кои я истребити немого', велику ми пакость чини и у бригу ме моѣу, боимъ се да ми како наипосле и до главе педоѣу, зато мо-

лимъ те Благочестивый и христолюбивый крало, и сыне милый! пожуре се, што скоріе избавити ме ове жалости, ты ћешъ ий съ храбримъ твоимъ народомъ и помоћу Божиомъ победити, ты ћешъ гордость ньюву низпровргнути, ты ћешъ ий смеести! и т. д. кое се косне срдца крало, да му є тако войску послао и непријателя га избавіо. Пришествіе дакле наше у Тракію, и у исто време преведено нешто войске царске изъ Анадолиѣ, измами Персіјане изъ градова, они поите, да се найпре съ Грцима ударе, мислећи безъ сумнѣ, да ће ий победити, као што бы и было, пакъ онда да се опетъ у градове врате, и иза стена одиоръ Србима даю; но лоша їмъ среќа буде, мы ий у намери предваримо и победимо ий пре, нежели ћеду се они съ Грцима сразити, и та наша победа поврати садъ непредимо царску войску опетъ у Анадолию, за коима пође и наша пешачка войска, кою, као што реко' Варвари и недочекаю, но одиоре у Азію.

Докле є нашъ старый Господинъ ову ратну повѣсть приповедао, дотле є Меливой, спрама нѣга седећи, тако радо њо слушао, да ни очію своію са старога нїє скидао. „Овай нашъ сынъ, рекне Господинъ, радо овакове повѣсти слуша. Онъ препебрегао и дружество свое, пакъ углубіо мисли свое у ратне случає, да бы такове и цѣлый данъ слушао; и то ми є мило одъ вѣга, съ тимъ показує да є правый Србинъ, и да ће имати мужественна духа у себи. Такавъ намъ є быо и сынъ, но єдномъ — ал' већъ ништа, нећу да говоримъ. Сѣтимъ устану: „да се мало прођемо, рекне, пакъ да се иде и кући! „О отацъ! повиче Меливой, како намъ лепо повѣсть ту казаете! — На то и други устаюћи захвале сви на части и на беседи, и поћу шетати се. Млађи мећутимъ измене све на столу, и пожуре се за ужину. Господинъ Драгићъ Никола навали садъ іоштъ съ єднимъ да

иде у градъ. Но сестра га, госпожа Болярка, уме мало на страну. „Та кудъ си Бога ти Нико ты навалию, я тебе данасъ непунтамъ, а сутра и мы у градъ идемо, и знашь ли зашто? — нисамъ ти хтела казати, нашъ се Романъ жени! „Е да! —“ Већъ е дѣло свршено, сутра идемо у градъ да прстенъ буде: но знашь ли кою узима? — Я се сећамъ! „Но? —“ Катарину нашу! — „Право! то ми е драго, но! то ми е мило: финий сестро паръ людій, и кадъ е тако, я остаемъ. Я самъ мало узео на умъ, да се они радо имно и лепо се гледи.

Они овако у разговору прођу се мало и скупе се опетъ подъ веселу свинцу на ужину. „Дет’те вы Господо моя и любезни гости! рекне Госпожа, узмите, кои што милуе и преватите се овде, у двору неће се данасъ ни постављати, зашто ће и покасно быти. Окруже садъ столъ и на тихомъ промаю нечеритъгъ воздуха, у шали и веселомъ разговору повечераю, и умерено се напию, пакъ устану да иду слуге њимъ конѣ и кола одма изведу и текъ што се они къ путу спуште, ето ти њимъ предъ нѣи нека кола, и за ова два млада момка на коньима; одъ кой еданъ приступи къ овима, поклонив се, и запыта, иде ли њимъ тай путь у веселый дворъ Господина Загорице? — Управо дете мое! одговори добре волю Господанъ Боляръ, управо у дворъ, велика су врата отворена, и домаћину се добримъ гостима срдце нигда и незатвара, ево и ми му идемо, но кои намъ е то у кола? ушита — „два нека Господина изъ велике Каменице, одговори младићъ, са тимъ поклонив се и оде. — „Изъ велике Каменице! незнамъ ко’ бы то было, рекне старый Господинъ: Е, Круно моя! приложи, оће ли намъ се садъ столъ постављати? „А кадъ е мени Иво! то противно и было, одговори она, я ћу учинити мою дужность, пакъ ићи съ децомъ свавати, а ти съ гостима седи, докле намъ е

воля: хвала Богу има васъ ко' служити. Са тимъ садъ сви на кола и конѣ поседаю, и већъ по мее-
чини у дворъ стигну.

Сала велика осветљива, а предъ дворомъ надъ вратима венѣръ гори. Служителѣи страны' провадаю јоштъ по авлији уморне конѣ, и Господа страна ука-
жу ѿмъ се садъ на алтану. „Ко' ће намъ то бити? а се немогу сетити, силазећи съ коня повтори Го-
сподинъ, и сви ѿмъ горе поите. „Радуемъ се добримъ гостима, весео домаћинъ повиче странима, и добро сте намъ дошли! „Но притомъ ваше благородіе и из-
вините насъ, што мы као непознати, и овако изне-
нада усудили емо се доћи, идући у Призренъ, вехте-
емо пропустити, да и васъ, као првый путъ у весе-
ломъ двору непосѣтимо. „Мы вамъ благодаримо рек-
не Господи мы ваше къ нами повереніе чествуемо, да
сте намъ као непознати дошли. — „Ако емо непозна-
ти, приложи старій, а мы ћемо се познати! Молимъ
за ваша честна имена, и одкудъ намъ тако? — На
кое еданъ одъ страны', човекъ старъ, подъ седимъ
власима. „Мы емо вели изъ велике Каменице, а се
именуемъ Стоядинъ Николаевичъ, а ово е мой сынъ
Савва, вѣга едного выше и немамъ; а самъ настави,
у месту нашемъ судіи, а сынъ ми е надзиратель до-
бара кодъ господина Марка Првоторца у Иванићи.
„Драго вамъ е любезни! и — целуюћи се съ нѣма —
добро сте намъ дошли, рекне Болдръ, и понуди стра-
не сести. Поседаю садъ ту и остали гости, за кое
домаћинъ каже, одкуда су и кои су; садъ домаћинъ пр-
ву беседу поведе съ младимъ Николаевичемъ о Еконо-
ми. На то стара опомене свога сына Милиоя, да изиђе
предъ стране и да ѿй поздрави. Младикъ то учини,
старогъ полюби у руку, и овај вѣга полюби у чело,
а младоме се поклони, но и овај га увати за руку
и съ нѣмъ се полюби. „Вашъ сынъ Господине? у-
шита Стоядинъ. „Тако вальда, благоволи промисао

Божіи, одговори Боляръ, да намъ сынъ буде! Младѣиъ се на то поклони, и одступи на страну. Красно дете, да га Богъ поживи! — — Катарина съ Милицомъ, и осталимъ девойкама стала быяху у чопориѣ на алтану, и ту разговараюћи се съ Романоу, погледаху чрезъ отворена двокрилна врата, у велику салу младога Николивиѣа, човека преко 30 и неколико година, но веома прикладна. „Ко' бы игда и помислити могао, рекне една несташва одъ служавкѣи, да е оваѣи младѣи, сынъ овога старога! какавъ е то красавъ человекъ! дивногъ и господскогъ етаса мужъ, како му лепо они црня бркови на иѣгови жаркасты! образи доликую! онъ е морао у свое млађе године јошть лепшии быти и одъ нашегъ младогъ Господина. — Старый Господинъ, на речъ Боляра, за дете, да му е сынъ, по благоволеніемъ промисла, позамисли се, и кутећи засукиваше свой проседѣи бркъ, пакъ му рекне: како дакле сынъ, и наслѣдникъ, Господине? — „Кадъ му своэзольно место уступа, оваѣи, кои бы ми тай быо, одговори Боляръ, тако мора и да буде, я наслѣдника морамъ имати.

Николаевнѣи. А уступа му сынъ вашъ, я самъ нешто чуо.

Боляръ. Онъ намъ е тако нисао, да онъ одъ насъ ништа непотребуе, и га моли ити нисавъ хтео онъ е насъ увредіо, требало е да онъ насъ моли, а не мы ѡѣга.

Николаевнѣи. Имате право! — а молимъ, чіе вамъ е ово дете? или вамъ што родъ?

Боляръ. Ништа! — но и я а навластво моя, тако га любимо и тако га радо имаю, као да е наше роѣно, али е я дете, да неможе болѣ быти.

Николаев: Тако после ваше смрти све иѣму приписуете?

Боляръ. Као моме наслѣднику све, и движи-мо и недвижимо. Да коме бы, кадъ ме се е сынъ

одбацию? Ово є дете азъ Станишева, одъ добры, како самъ разумео, родителя, отаць му є скоро и умр'о вреданъ човекъ, и именуанъ, оставио му є и онъ лепо наслѣдіє, по нашта му, некъ уступни велимъ све своє старіємъ брату и сестри. Оно му є рођеный братъ, што се онде разговара. Дете већъ и мое име носи, я ћу га до кою родину, ако да Богъ, оженити, я у њѣму племе мое баръ по имену задржати (коє є сынъ нашъ утаманити мислио) а сынъ некъ се стара за себе. Выше одъ 20 година, како є тай отишао, елѣдователно онъ є морално за насъ умр'о. Да му є зло, онъ бы насъ потражио, по добро му є; и да му Богъ да, да му добро до века буде.

Николаєв: Ал' ако онъ Господине успротестира? ако не за живота, то после ваше смрти?

Бодярь. Онъ ће може бити то и хтети, но онъ у својей протестацији ништа неће успѣти. На мою молбу мени є самъ краљ дозволио, да я могу, кога ођу, у место сына усыновити; єъ титъ само условіємъ, ако би намъ се сынъ вратио, и пазни се као родителъма своимъ покоріо, — то да може єъ пазнимъ усыновлѣнимъ сыномъ после наше смрти, на полу цело добро делити: ако ли за живота нашегъ небы намъ дошао, небы се покоріо, я одъ насъ опронтѣнъ я благословъ родительскій небы приѣмлю; то да после смрти наше ништа тражити неможе. Я за то изъ двора — одъ самага краля — имамъ и писмено.

Николаєв: Извините Господине мое любопытство, я молимъ, вете ли вы њѣму найпре што писали я изили, да ако недође, да ћете га наслѣдія исклучити?

Бодярь. Ты на таково ми є писмо и одговоріо, да я чинимъ, шта ми є драго, и да приѣмимъ за сына, кога ми є воля, я ћу вели, сазъ мойой среѣа козачъ бити.

Николаев: Али зашто се е онъ на свое родителъ тако разсердио?

Боляръ. О любезный мой! мрзимо и говорити, а и какоѣу, кадъ ено е веѣъ гди плаче! молимъ те Круно изиѣи мало! мати си брате, знамъ како ти чада, ал штаѣу? и мене срѣце боле, но валя ми се умеряти. На то она устане, убрише лице „простите ми рекне, и и тако изамъ посла. Устане и Савва, и узме ю подъ руку: ване благородіа! рекне іой, вы ете едѣа милостива мати, али умерите ваше срѣце, и тешите се съ тимъ, да вамъ е онъ и безъ васъ среѣанъ. Са тимъ изиѣу, и старый настави бесѣду: зашто се е велиге разсердио? Онъ се у оно време самъ, безъ нашега родительскога благослова у Солуну ожени, и то узме Гркиню! То намъ буде зоома противно, съ тимъ выше, што емо му мы нашли были прекрасну девойку, одъ фамиліа нашей подобне! съ коіомъ емо мы желели опріятельити се, и то емо му явили, и писали, да се у отечество свое врати, онъ то неослуша, но узме ону, кою е онъ желію, и коя му се навезала была, да е се нѣе могао ни отрести. Я се разсердимъ и пишѣмъ му: Преступію си сынокъ, ведимъ му, и оженио си се безъ родительска нашегъ благослова, увери се, да ти неће среѣно излѣи. Одговори намъ на то, и извинюе се, моли за опрощеніѣ, и пише благословъ нашъ. Разжали намъ се, исплачемо се обоѣ, и опростимому: погледимо на свете образѣ, и помолимо се Богу, да намъ га благослови. Мы истина, као родители, то учинимо, изти е наше негодоваѣѣ, за неразумный нѣговъ поступиакъ, могло у нашемъ срѣцу клетву на нѣга произвести; али ставимо у главу, да му за дуго време на нѣгово писмо нѣшта неодроворимо! да му дамо управо познати, да се на нѣга срѣдимо, еда бы га сѣтимъ болъ на расканиѣ, и у болъ, као младѣа човека, чувствіо привели. Ово нѣга зоома ожадо-

ети! побои се да га непрокупемо. Пише намъ и опетъ, и моли се, да му опростимо, извинюе се и правда се, да е се то нѣму, као некомъ судбомъ случило, да онъ то нѣ могао избећи, и шта я знамъ. Седнемъ я и на то му одговоримъ; пребацимъ му погрешке нѣгове, и пишемъ му да дође. Чекамо га, ил' да намъ на пише наше штогодъ одговори; нема га, нити намъ што пише! Кадъ ал' после неколико мјесеци стигне намъ писмо одъ нѣга. Отворимъ и читамъ жалостне изражае у нѣму, да му е нѣгова любезна Маргарита умрла! (Ни годину дана нѣ съ нѣмъ поживила) и да е нѣму съ нѣомъ свака на овомъ свѣту радостъ изчезла: да е смръть нѣна сва чувства у нѣговомъ срдцу тако сатупила, да се нѣму више ни живити немилу, и т. д. и придодае, да смо мы нѣгови родители на нѣга узданули, те га е та несрећа постигла! жао намъ буде и неплачемо се обоє, напишемо му одма утѣшително писмо, и молимо га опетъ, да намъ дође. Уверавамо га, да мы писмо на клетву ни помислили, но напротивъ, да смо га благословили; а да намъ е тешко нало, што е се безъ нашега благослова оженіо, то му кажемо, но да е любовъ наша родителска къ своме единцу границу намъ у томъ положила, да га мы клетви предати писмо могли. А што ти (велимъ му у писму) писмо у онай ма одговорили, кадъ си одъ насъ благословъ почекао, мы смо изъ довољнога узрока то чинили, нити бы теби, кажемъ му, благословъ онай замѣнити могао нашъ благословъ, кои да си пре женидбе твоє одъ насъ получио; зато сыне мой! заборава ты на све што е было, пакъ дођи, да новоо благословъ одъ насъ приимишь, и у новый бракъ у име Бога ступишь, да съ тимъ твоє добре родителѣ утѣвишь, и себе изъ тога униваня, у кое те е као младога, слена твоя любовъ бадила, едванпутъ избавишь. Но естъ! онъ намъ на то одговори, да се онъ више нигда женити неможе,

да е сердце нѣгово за то веѣ изумрло, и да онъ не-
жели выше ни у Призреть вратити се, и предъ насъ
свое родителѣ изиѣи. Мене ово сасвимъ ожалости, и
уместо што бы сузу мою изъ очію за нѣмъ пустио,
распалимъ се на нѣга гнѣвомъ! Но кукавна мати про-
ли се у сузе, да сирота три дана образе свое неосу-
ши! „Ахъ сыне шта учини! бѣдна мати шта дочека!
ахъ суетне мысли наше, да ћемо те срећно оженити,
да ће майка унуке видјати, доживити наслѣднике свое
и т. д. лядуюћи проишца ми веѣ у мозгу, изгу-
бимъ најбоље стрилецъ, и ердито повичемъ на си-
роту: жено! престани веѣ еданути плакати! а то
выше немогу трпѣти! да те нисамъ выше съ томъ не-
смомъ у нашої кући чуо. Онъ као младъ, рекнемъ
іој мало е заблудио, но онъ ће доћи опетъ къ себи.
Оставимо га сада, оставимо га и за коју годину у
нѣговој овој моралној болести: време ће нѣга одъ
нѣ избавити, време ће нѣга као иза — сна пробуди-
ти: онъ ће намъ доћи, и мы ћемо нѣга и на другій
бракъ склонити: небуде ли по несрећи то, а знамъ
шта ћу чинити. Међутимъ наставимъ, гледимо мы
нашъ посао, негубимо волъ, наше домостроительство
у своемъ леномъ реду држати, да намъ и одсадъ на-
ше благостанѣ, као и досадъ цвета: имамъ мы же-
по наслѣднике наше, већемо мы допустати, да намъ
се име наше Загорица, између живы' нешине и т. д.
поутѣшамъ ю, она мене послушна, и смири се: поза-
борави на нѣга и нађе се утешена, а особито чуюћи
за нѣга, но одъ други', да се неона добро влада, да
е у чести и любви кодъ свакога: да е у войничкомъ
званію лено поступио, и за кратко време далеко до-
терао. Но прође неколико годяна, да нити онъ што
намъ, нити мы нѣму пишемо. Помислимъ у себи:
године пролазе, а свакоме се годинама векъ нашъ
скраћава, и сугубо сваку годину стариі бывамо! дай
да му пишемъ, и јоштъ еданути да га опоменемъ,

оћели намъ доћи, и жели ли нашимъ наслѣдникомъ быти, ако не, да се зараніе постарамо, кога ћемо намъ за наслѣдника узети. На таково садъ ишемо наше онъ намъ одговори, да онъ доћи неће, и да мы можемо, и у власти намъ е съ нашимъ добромъ, како оћемо располагати, и коме оћемо преписати. И тако любезный мой! я добіємъ изъ двора дозволеніе, да могу, као што самъ најпре рекао, туђе дете усыновити, и наслѣдникомъ га учинити. Меркајући дакле вы кога бы смо узели, протеку намъ и ту 3—4 године, најпосле то дитенце, изненада као да га е самъ Богъ нама послао, намѣри се на насъ; и мы га пріймимъ; узлюбимъ га као свое рођено и много се съ нимъ утѣшимъ.

Они овако разговарајући се, стара гоеноя пође у салу, да њи зовне на вечеру, и ту предъ врати застане младаго Николаевића „Господине! рекне му, а што вы тако сами овде стоите? „Ничта вели, Мамице, загледао самъ се у мѣсець, како намъ се тихо на илаветный неба сводъ движе, и како дивно све предмете на земљи у еданпутъ намъ осветли! Стара садъ зовне Господу, и врати се опетъ на алтанъ. Опомене млађе, кои ће како около стола служити, и нареди гди ће њой кои гостъ сести. Она видећи младаго Николаевића, да се любезно съ Милявомъ разговара, мило њой буде, и на захтеваніе госта, дозволи младићу до њѣга сести. „Нашъ се сынъ, рече, господине съ вами упозна, то ми е придода, мило одъ њѣга, што се као гдвкоя деца, незатеже, и одъ страны намъ се неодтуђава. „Ваша милость, то е свойственно, одговори старый Николаевићъ, питомой прави и лепоме срдцу: а навластито деци изображенной, и у лепомъ дружеству обученой.

При вечери истиня младыи Николаевићъ у лепомъ расположенои быти показиваше се, али притомъ нешто и замишлѣнъ; слабо се у разговоръ пушташе.

„Савво! проговори му отаць, кой у горѣмъ челу съ домаѣиномъ сеѣаше, а што си се ты сынокъ тако замислио? зашто се неразговарашъ? На то Боляръ поведе разговоръ съ нѣмъ, а то найвыше о домостроительству „како ми се види, одговори младый, ваше се благородіе болѣ одъ мене у домостроительству разумевъ. „Сынокъ, немогу се ни я толико хвалити, да особито у томъ искусство имамъ, но опетъ изъ великаго упражненя, доста самъ и у нѣму успео. Но имамъ добре млађе мое, кои се одъ мене болѣ разумевая, али и то съ моимъ настояніемъ и они су се понайвише у томъ пользоуали. „Упражненіе господине у свакомъ дѣлу сила чини, рекне старый Николаевичъ, упражненіе и на свашта строго вниманіе. Мой сынъ, приложи, зна, шта зна, али, да е юштъ гди бую, выше бы се пользоуао. „Ево ако има волю, и стваръ узможе быти одговори Боляръ, некъ намъ заостане неколико дана, докле бы му вода была, и кодъ насъ, да види, како се и овде ради: ерѣ свакій предѣлъ има неке, и особите общае за себе. „Накъ зашто небы, рекне младый, я и тако одъ мого господина на месецъ дана имамъ одшутентъ, нашао самъ другога на место мене. „О то бы ми мило было, приложъ стара, ако неimate много посла у граду, а мы ћемо се после два дана заедно и вратити, и мы сутра у градъ идемо.

По веселомъ, овако при вечери, разговору, развѣу се сивати. И сутра данъ оду сви у Презрентъ, гди се четири дана позабаве. Роману и Катарини буде претентъ, и одложе на будућу есенъ, да се венчаю. Николаевичъ такође са сыномъ сврши свой посао, и у дружеству сви се врате у веселый дворъ, кромъ Николе Драгића, кой кодъ куће заостане, съ обећаніемъ да ће ѣмъ до два дана опетъ доћи, и на захтеваніе старе госное, Сашку ѣмъ, кѣрь свою довести, бою стара и садъ бы собомъ узела была, алъ

ю мати неопустити, збогъ пеки' гостію, ков су имали. Но Боляръ съ Николавићемъ младимъ, съ Весомъ и съ два служителя своя, предузме путъ, да їмъ покаже прекрасне неке туда предѣле, и многе ставове, силну стоку свакога рода, и поля лепо обрађена. Пролазећи їмъ се тако, едва другій данъ, предъ саму ноћъ, угледаю съ еднога холмића свой дворъ. У кон кадъ се спусте, застану Драгића, кон їмъ е на по' сата пре съ кћер'ю дошао быо. Весела стара истрчи предъ свога господина, и превативши му по обичаю коня: „Иво! рекне му ево емо добили и кћерь: девойчица маше се староме къ руци, и онъ ю отечески полюби. „Е! Круно срећна ти была! рекне їю, и погледи смешећи се на Миливоя, пакъ на девойчицу „но чини ми се, приложи, да неће одъ тога ништа быти, и да се ты у томъ жено вараашъ. Найпосле я ти волю некваримъ, чини како знаашъ, мени ништа одъ тебе противно быти неће; само што бы (тихо рекне) дуго се на то чекати морало; млада намъ е брате, найманъ 8 година треба, да у савршеный возрастъ свой дође; а мы бы нѣга до после четири године већъ могли оженити.

Са тимъ предусретну їй гости. Любезни мои! рекне їмъ добре волѣ старый, да будемо весели! Домаћице садъ гледай, што ћешъ чинити. Ово су наша деца, приложи, Катарина е наша кћи, а Романъ намъ е сынъ нашъ, да їй Богъ благослови, да намъ срећни буду: и да насъ Богъ жено поживи! да женимо и удаємо и їоштъ толико баръ срећны и одсадъ учинимо, колико емо їй изъ милости Божіе до дапасъ учинили. На то садъ весели младеңци приступе му къ руци. „Правоме е Србину, настави добрый господинъ, то свойствено, да онъ найвыше свое у овой добродѣтели: оженити и удати, удовольство налази, и моя е Круна несако срећна у-

томъ; кою в годъ до данасъ удаля, све в Богу хвала на добро намерила.

То вече при господской вечери, сви буду весели, невали су и играли; шалили се и смеяли, а най-выше съ аромъ Весомъ. шальивчиномъ одъ овога света. Само што вданъ Савва, младый Николаевиѣ, ненюкаже ймъ се соразмерно съ осталима у лепомъ расположеню быти. Онъ устане одъ стола и изиѣе мало на алтанъ. Устане за нымъ и отаць „Господо моя! рекне съ дозволенѣмъ, да мало и я ногс мое, протегнемъ, одкадъ се то седи. Остали спазе да онъ за сыномъ изиѣе, на пытанъ, каже ймъ служитель, да су се мало у авлію сишли.

„Ты си опетъ невесео, рекне старый Николаевиѣ младоме, (кое една служавка, изъ малога едного исподъ прозора врта чую), не бы требало рекне му, да то чинишъ; опомени се, како смо се разговарали! „О Господине! я и писамъ тако невесео, но потешко ми пада, што — аля ништа! я самъ садъ у сладкой некой туги. — „Ты ймъ се обеѣа ономадъ кодъ нѣи и заостати.“ — „Я и остаемъ при речи, но за кратко време.“ — „Шта ти се види изъ оны пѣговы! одъ ономадъ речій? — „То да самъ я кривъ! — „И еси кривъ, во ништа зато! исправиѣншъ се. Чули ты оно вече целу ону повесть? — „Све самъ чую Господине, што сте годъ говорили. — „Онъ има право! — „Я и самъ признаемъ, да има право! — „Пакъ како садъ мислишъ? — „Онако као што сте ми вы напредъ йошъ казали. — Ако бешъ мене слушати ни у чему немой му се противити, особито за дете, што га е усмыовіо! — „Боже сахрани! и меня се дете веома допада, нѣова е воля была нѣга за сына приѣмити, и я повинуюѣи се нѣовой воли, признаѣу га за моего брата, и то драговољно, зашто га врло радо имамъ: дете е благоугодно, разумно дете неко и милокрвно. А друго, кога и я имамъ,

и оѣу ли нгда выше и имати. — „Ты ако мене у-
слушашь имат' ѣеиъ, и треба да имашь! зарекао
самъ се! велишь, пакъ? — ако си се зарекао, ниси
се заклео, нѣ завѣтъ, да га преступити неможешъ.
И суди молимъ те као наметанъ човекъ, ниси выше
дете, да кадъ се ты небы и у другій бракъ склоню,
за веѣу бы ти се погрешку признало, него што ти
се чини, да си прву учинио! заръ да оно што у де-
тиньству пофалимо, у зрелы' нашы' година неиспра-
вимо? — „Истина Господине, али — (хтеде старо-
ме нешто одговорити, но смотре девойку у врту,
гди около цвѣѣа нешто шушка, прекину разговоръ,)
айдемо дружеству, рекне старый „ова насъ е чула,
одговори младый, но ништа зато, неверуемъ, да насъ
е разумела. Са тимъ оду горе.

Сутра данъ навале гости да иду, и Романъ по-
чие молити и за Миливоя, да и нѣса на кои данъ
одпусте съ нима, обећавајући, да ће ѣймъ га онъ
самъ довести, и дете имаѣаше волю, да види свое
родителъ. Но стара Госпоио памигне на Романа, да
ѣой у другу собу слѣдуе. Овай то учини. — „Немо-
гу я сынко, рекне му, дете сада одпустити. Онъ си-
рома ѣошть и незна, да му е отаць узр'о пакъ на
какву бы радость кући и отишао? По болъ ће Ро-
мане бити, да ты матеръ вашу, буди како преокре-
пенъ, да она на неко време овамо къ нама доѣе, и
овде да намъ се дете одъ смрти родителя извести,
а я самъ рече и тако рада ту Госпоио видити и съ
нѣомъ се познати; за дете се разговорити, и одъ нѣ
сынко, као одъ матере благословъ детету поискати.
Романъ се на то осмене: Немате е вели, мамце,
шта видити, сува као штука, и пакостна една жена!
на што ли намъ и нѣнъ благословъ, кадъ она за
насъ нимало немари; пакъ што за мене немари, не-
ка бы, я самъ ѣой пасторакъ, али за свое роѣено,
ков е подъ срдцемъ своимъ носила, она немари и

одбацуе га се; она само свою кћерь милуе, за ню се едиу брине, и у нѣой единой живи! Я едва чекамъ, да еданоуть съ нѣомъ раскретимъ, пакъ съ Богомъ; я самъ воѣхъ у намери быо, да и Миливою пріймимъ себи, но кадъ га е судба тако на васъ намерила, и вы га, Божіимъ вальда и то мановентѣмъ, родительско-ваше удостойте любви, и за сына га и наслѣдника пріймисте, неомъ се радуемъ, и выше се радуемъ, него да е и на мене самога та сребѣна коцка пала. Судба е мой и на мене, и какву іоштъ сребѣну за мене коцку бацила! о Мамице! нема тога ни у целомъ Краљинству нашемъ, съ конѣмъ бы я сребѣною садъ променію; ердце мое у мени само предчувствуе, да ѣу я съ моіемъ Катариномъ сребѣанъ быти.

— „А ел' вай' Романе, и сестра како лепа? зачыта Госпоѣ, — „о мамиче! Кадъ бы сте ю видили, и видѣте ю, я незнамъ, бы ли се коя и на свету девойка нашла, коя бы се и издалека съ нѣомъ у еравленѣ неко узети могла! такова е то савршена красота! Но оставимо, приложи, и красоту; ова памъ е само за време, подобна цвету пролетѣмъ; но те добротѣ, тога мамиче, разума, и тога оштроумія, што намъ то девойче има, то е за удивленѣ! — „Морала е дакле и мати іой лепа жена быти. — „Та оца е и садъ жена прикладна, и види се на нѣой, да е у свомъ цвету лепа была, ал' никаква подобія са кћерію нема, нигда небы сте рекли, да іой е мати. — „Я ѣу се радовати Романс, да и ню и кћерь іой видѣмъ, и ты мени нећешъ любовъ одреѣи, да намъ ю што скоріе доведешъ. „Што скоріе тежко ѣе мамиче! моѣи быти, садъ су намъ послови силни, приешла е лѣтна радня, но на есень, тамо у Октомбру месецу, кадъ и мое сватове ужимамо. Са тѣмъ садъ изиѣу; и гости іѣмъ се праштати почну. Романъ и Веса у Станишево, а старыѣ Николаевѣиъ предузмѣ путь у Каменицу; Никола Драгиѣиъ врати се съ не-

кимъ другомъ своимъ у Прозрѣнъ: и тако сви се разиђу, само ѿмъ Савва, младый Николаевнъ засто-
стане.

Мяливой ѿмъ се за братомъ и течомъ смути, што му за садъ съ нѣма нѣи недопустише, онъ се и заплака, гледиши за нѣма, но теча му се обећа, да ће му и до две неделѣ опетъ доћи, и буди коимъ коимъ начиномъ и матеръ му довести. „Ако она неухте, рекне младиъ, доћи, а вы тече молити ми отца, да ми онъ дође, я и волимъ, да нѣга видимъ.“ На ову речъ благодѣтелна госноя стара, нѣжно га загрли и смути се на срдиу, да се неможе ни одъ сузе задржати, мислеши, у каквой сладкой надежди ова мила невиность живи, да ће свога любезнога отца видѣти, кога му већъ црна земляца покрыва. „Сыне мой, рекне му, нетужи, теча ће ѿи намъ довести, пакъ ћемо ѿи и дуго време кодъ насъ задржати: излазићемо на добра и кодъ нашия пріятели, и быћемо весели сыне свуда. А после подне, привати Николаевнъ, сестъно мо лепо на конѣ, зовнућемо съ нама и Секретара, пакъ ћемо изићи у шетню. „То можете, настави госноя, узмите само вешта момка, да васъ зна провести, а до кои данъ нѣи ћемо и у Манастирь *.

Младый Николаевнъ овде веома се Господину и Госнои допадне, тако, да га при ручку тай данъ понуде кодъ нѣи за Надзирателя остати. Они нѣму већу и плату обећаю, и будући неженѣтъ да ћеду га срећно и оженити. „Я небранимъ, одговори Савва, по истеку ове године, я вамъ могу доћи: мени се и тако ови предѣли болѣ допадаю.

По ручку Николаевнъ и Мяливой, Секретаръ и ѿштъ два служителя, седну на конѣ и оду на данъ на два у ловъ. По одлазку нѣиномъ стара госноя цѣиће съ господиномъ своимъ у виноградъ. Она у осталомъ ту съ нѣимъ разговорѣ рекне му: о Иво!

како се мени тай човекъ, Николаевићъ младый, допада! згоданъ некій и благопристойнъ мужъ, види ми се быти. И бы се радовала, да кодъ насъ застане; особито и за дете, што га онако радо има, а и оно се нѣму присвая, и тако га се лепи, као да му е братъ: и Богъ — и душа гледиши и физиогномію нѣгову, еднаку съ дететомъ, нико небы, кои ѿй непознае, ни рскао, да нису рођена браћа. — „И естъ врлый человекъ, одговори старый, и я га радо имамъ, некусіо самъ га ово дана, да е еданъ паметанъ младићъ, и да лепе у осталомъ и науке и даре притяжава, но у домостроительству како ми се види, слабо се рааумева; али я за домостроителя небы нѣга ни употребію, ніе намъ то ни нужно, не-го за друге послове наше, да неморамъ я свуда, овако старъ гнорати: а навластити кућа и оны дучана ради ево у Првзрени трчкарати, радъ бы се већъ жепо смирити мало, а до помоћи дегинъ, треба іошть времена. „Къ томе Иво! и на то валя да помислимо, да смо мы, као што каженъ люди већъ у годинама, кадъ бы намъ смръ нашу желю, дете сирѣчь до савршеноста узраста видити, предварила, на кимъ бы га млада оставили? Небы ли намъ се оно у оволюкой Економіи сбунило, и немаюћи верна себи пріятели, кои бы га нескрено опоминяю, небы л' намъ се и покварило?

Крупно! мы смо у томъ едне мисли, одговори старый, и иначе да и нечинимо, но да гледимо, да и нѣга пріймимо, кадъ у сыну среѣни нисмо могли быти. — „Ако намъ се наипосле и сынъ освести, и дође ништа зато Иво! овай ће намъ быти подъ известнаѣ платомъ, пакъ съ временемъ, ако се сло-жити небы могли, лако бы се раскретили, и у случаю, да се небы нашъ сынъ овоме детету, као брату прилюбію, то бы намъ опетъ Николаевићъ при

овомъ млађемъ заостати могао. И овако далѣ у разговору заключе за цело Николаевића задржати.

Садъ Госпоин Болярки сила необично безъ детета бьише! Она се чисто и расказ, што га на выше дана одпусти: пестрисльво едаѣ и другій данъ на дете изгледаше, а трећий данъ веѣ се за нѣга и уплаши. „Ово нешто неће добро быти! рекне у себи, я самъ нѣма река, да се найдуже два дана задрже, и трећий данъ до подне, да су овде, пакъ сто веѣ и касно доба и нѣи нема! а мои се с речъ досадъ слушала! Богъ зна куда ће они по непелу на конѣи тумарати, шта ли ѣмъ се по пустињи ходѣи ѣмъ може и догодити!

Господицъ старый навали, да се вечера, и ви деѣи свою при столу забринуту, насмее се. „Я самъ те предвидю, рекне ѣой, да ћешъ се ти бринути, и хтео самъ ти реѣи, да га само па едаѣ данъ одпустишь, али не могу! Николаевићу покварити волю; а знао самъ да ће тако быти: „Што су ти матери! приложѣи, умару кукавне за децомъ, пакъ како ѣмъ деца найпосле захваде! — Избави то изъ главе Круно молимъ те, та отишао ти е съ паметнима млодѣи, шта се имашь бринути? Ако нису моли, или нису хтели данасъ стигнути, а они ће намъ сутра доѣи, путу се рока незна. Я знамъ настави старый, да се ты садъ и каешъ, што си га послала, но боимъ се, да се и выше кое-зашто неускаешъ, што детету по воли чинишь. Жено! опомени се само, како си и онога вѣжно любила, и шта му нѣи чинила, пакъ докле ти е малый былъ, догле му се она твоя нега и допадала, догле се е око тебе и умилявао, а мене нѣе толико радо ниво, кое е овъ знао, зашто и мени нѣе годовало: а како намъ одрасте, и болѣи мислитѣ поче, нѣе вальда ѣошъ ни 10-у годицу имао, прилюби се къ мени, и вера — Божія, волю е после мене, него тебе, то си ми ты и сама казивала! зато и велимъ, неваля децу мазати, нѣе савестно брате надъ нѣима много лебдити, и любавъ ѣмъ у оноѣ мери одеривати, у койоѣ мери такоу на родительскомъ ердцу чувствуемо. — „Знамъ и я то, знамъ брате, и даѣмъ ти у свему заправо, али е мати свака вѣжлигѣи ердца, него отацъ. — „И у-общте женско е, као слабій полъ, вѣжлигѣи ердца,

одговори старый, слѣдовательно и любови къ своєю поро-
ду сильно у себя осеѣна, но зато оуетъ вали се уме-
рити, а любви своєю къ детету границу положити,
ако желимо, да дете непохваримо. Любовь є роди-
ТЕЛЬСКА безъ строгости и употребленя власти свое
надъ нѣмъ, за дете отроць, а са строгостѣу разумно
соединѣна, спасителный, противу моралне болести
лечъ. Редко же коя памятна мати дете свое, особи-
то мужько, после иѣгове 4 е и 5 е годинице полюби-
ти: и кой годъ то чини, изгуби же у нѣму оно къ
себи повинованѣ, на комъ се детету среѣна оснива.

Старый Господнякъ са своєюмъ и неколико одъ
своей дворняк, при столу седеѣи ѣмъ, продужи свою
беседу, и разиѣу се наипосле славати, но Госноя,
као една чедолубива мати, ту ноѣ слабо се сноѣмъ
получе! чѣмъ би очн свела, ето ти ѣой сына єъ пу-
та! никакo изъ главе да га избѣе, благо теби, рекне
за девойче — Савку, коя єъ нѣомъ у одной себе спа-
ваше, благо теби, любезна певности, кадъ тако без-
брижно и сладко спавати можешъ, да ти чѣсто и
завидимъ. Едва дочека, да ѣой зора забели. Обуче се
и изиѣе на алтанъ; замислѣна гледи на млаѣе, кои
такоеѣрь поустали бѣяху, како се евако свога по-
сла приѣмаше. Мало по томъ изиѣе и старый: коме
се садъ потужи, како нѣ могла ту ноѣ спавати:
„А кой ти є кривъ? оговори Господнякъ, я самъ Бог-
ме спаваю врло добро! Они же на подне ту быти.
Ал' ако небуду? — „Ако небуду толико и чини, но
я ти реко, да ѣеду ту быти!“ Али када? — „Он-
да кадъ доѣу ту же ду быти.“ Дако є теби Иво та-
ко говорити, но кадъ бы си ты знао, како є мени!
а наивыше се на Секретара лютимъ, и нека ми до-
ѣе само, да видишь, како ѣу да га кримъ.

И таи данъ на подне Секретаръ доѣе, но самъ
єъ единъ само момкомъ, а Миливоє и Николаєви-
ѣа нема! Срето! а шта є то, сылко? уплашена Го-
сноя повиче му єъ алтана, гди є младый Господнякъ,
и дружество? На кое Срета устрѣи горе, и полю-
бивши ю у руку, приложи ѣой одъ Миливоє пиемо
„поздравили су рекне ѣой, и меле се, да вамъ про-
тивно небуде, они су морали ѣошъ за кои данъ на
добру Господина Пикшиѣа изъ Скопѣа, онъ ѣи ни
пошто одуеити нехте; како што вамъ ето я пишу,

извол'те прочитати. — Госполя съ великимъ негодован'емъ отвори писмо и чита:

Любезна Мамице, и драгій Отче!

Высокопочитаеми Здравствуйте!

Изъ ваше сладке родительске къ менѣ любви, заключаемъ, да не те се вы за мене бринути, кое ми е и самомъ жао, што самъ заповедь Вашу, озако преступити морао! Господинъ Никшићъ нишо што насъ одпустити нехте. Но вы се Мамице! ништа за мене небрините, я самъ Богу хвала здравъ и весео, сутра одавде идемо и у градъ Скоплѣ, и то само на два дана, пакъ ћемо една трейй данъ путь кући предузети, купно и съ Господиномъ Воинѣмъ Никшићемъ, кои пакъ се любезно обећава, да не насъ съ пѣрвоу Госполю у самъ нашъ дворъ допратити. Међу тимъ я молећи Васъ за опроштенѣ, са синовнымъ страхопочитан'емъ и любавлю целивамъ ваше родительске руке и остаемъ на вѣки вамъ моимъ Благодарственнымъ Родителяма

наиповини сынъ

Миливой Загорица.

Сладко мое дете, ердцемъ умилѣна рекне стара, како да се садъ на нѣга и могу ердити кадъ ми овако пише? — Чита ниже:

Драги и мили мои Родители!

Вы свете две душе на земљи здравствуйте!! —

(Ово само прочитавши баца око на подниѣ. „Вашъ изгублѣнный сынъ Веселинъ Загорица! удивлен'емъ порази се, и измени се на лицу, плѣсне се руками и любовитно погледи на Секретара) Срето дете мое! рекне му, а ко пакъ ово пише? „Господинъ Николаевичъ, ваша милость! одговори Секретаръ: а зашто, молимъ шта вамъ пише? — На то старый помоли се изъ сале „но Срето, добро дошао, рекне Секретару, кои му се къ руци мажи. Ал' ћешъ вели момче пріймити садъ одъ Госполя праску,

како да се ты — но Иво превати речъ у усхиѣнню стара, погледай само кон намъ се у овомъ писму подписуе! ахъ! у какво ме удивленіѣ баца! каква ме сва чисто подузе и прави ме пробоше! вашъ вели, изгублѣный сынъ! — Старый сведе велике свое и проседе обрве, узме писмо и чита:

„Петина да е време, преко 20 година, егда сыновну мою къ Вамъ, драгнѣ моиѣмъ родительнѣмъ, любовь изменило было, но зато опетъ оно е за оно неколико дана, кое самъ я одъ опомадъ кодъ Васъ у двору, као непознатъ и подъ туѣмъ именомъ провео, такову у момъ ердцу обновило и подмладило ю. Ружно е было одъ мене, што вамъ се показао нисамъ, но опростите ми и добротомъ вашомъ, као сына своего извините ме. Я самъ вальда и сто путѣй канію се быо, да предъ васъ клекнемъ, да колена ваша загрлимъ, у сузе се проліемъ, и тако одъ Васъ опростеніѣ поимтемъ: но оно мое къ Вамъ у дѣтнѣствѣ юшѣ зачѣто страхопочтаніѣ, мене одъ мое намере задржи. Благодушие оне ваше, о мени любезный отецъ речи, кое сте вы у приеутствѣ момъ оно вече предъ Господиномъ Николаевиѣмъ старымъ просули, мене су на плачь тако привеле, да самъ морао устати, уклонити се, и са стране, сузама поливѣи, Вашъ разговоръ слушати, изъ кога се уверямъ, да ме юшѣ нисте коначио сладко ваше родительске исключили любви. Што ме познати нисте могли, нѣ чудо, отишао самъ као дете одъ васъ, а дошао самъ Вамъ, савршѣный веѣъ человекъ; но ердце ме е ваше любезна мамце, добро познало. Сладкой оной у матернѣмъ вашемъ ердцу, подъ коимъ сте ме 9. месецѣй носили, симпатія, притворность моя подкрасти се нѣ могла, еръ тако сте ме одна облюбили, како сте ме видели, а то бы сте знали, да самъ я вашъ сынъ! (при овимъ речма матери паново потеку сузе низъ лице, „ахъ сладка крви моя! новиче. И старый разжалѣнѣ, ецаюѣи едва читати могаше. Онъ престане мало, и убрише свое очи, пакъ настави читаніѣ) „И будуѣи, да е мени сасвимъ готово противно было, кадъ самъ се извѣстїю, да ете вы туѣе дете себѣ посыпили, помислимъ дакле да ете мене сасвимъ одбацили, (кое я и заслужуемъ, зашто самъ вамъ я у послѣднѣмъ момъ писму, место мое кодъ Васъ, другоме, буди

комъ, уступю, за кое самъ се потомъ яко разкаю) зато одважнѣе се потайно доћи вамъ, да само видимъ кога сте узели, имате ли га радо, и оѣе ли и мое ердце такога, баръ после ваше смрти, за брата признати моѣи, несумняюѣи, буди бы како Вы имавѣ ваше цело другоме завѣщали, да ѣу и я као вашъ естественый сынъ, съ таковымъ наслѣдіе на полу делити. И да се нисамъ я любезный родительи мои! и разумномъ Вашемъ о благодушномъ расположенію извѣстію, я бы вамъ се одна юшѣе оно вече извѣію, и найпре Васъ, рассказави се, за мою погрѣшку, молю, пакъ ако се небы на мене смѣловали, я бы былъ принуѣенъ право мое Суду подвергнути, буди бы и до самого цара дѣло дошло: ал' овако благодаримъ Богу; прво што сте на еданъ веома благородный начинъ паумили учинити, да и за мене, ако самъ вамъ и сгрѣшю, криво nebude; а друго што сте се намерили на овакова младаѣа, кога и мое ердце, менѣ за брата у луной мери удостоява.

Зато мили мой Родительи! уверите Ваша ердца о сыновной моѣой къ Вамѣ любви: я ѣу вамъ скоро доћи, пакъ ѣу предъ Васъ влѣкнути, у сладке се сузе предъ Вами пролити, и у таковомъ ѣу рассказую менѣ и грѣхъ мой сузана, као сапуномъ се опрати, да ме чиста, као невинъ младенца паново у она любезна Ваша обѣтіа приѣмлите, изъ койъ сте ме пре 20 година у Солунъ одпустили; и онога ме благо-слова оиетъ удостонте, кои сте ми онда на путь дали.

Меѣу тимъ призните мое милымъ и драгимъ вашимъ рукама по ияду путей целиванѣи, и здравствуйте: всамъ, и докле ме не благословите са страхоу-читавѣи

Вашъ изгублѣный сынъ

Веселинъ Загораца

Тисуѣицѣ.

(Свршите се у П свезсци.)

ОКРУЖЕ БЕОГРАДСКО.

БЕОГРАДЪ.

Скупштина одъ издателя Б. О. К.

Г.Г. Мияло Стефановић трговацъ. Драголюбъ Половић трг. Коста Вельковић трг. Стоянъ Никодић (чича) трг. за сына Николу. Никола Живковић тер. Васа Поповић тер. зибаца. Тома Борђевић трг. Стоянъ Сараѣкостинъ канцелиста Министарства Иностранъ дѣла. Петаръ Јовановић трг. за сына Владимира. Андрија Глоѣан трг. Ника Окан Сарайлиа. Лазаръ Лазаревић. Никола С. Ковачевић за сынове: Живка, Симу, Вучка, Андрию, Милана и Бошка Југовиће, 2. књига. Милошъ Радовановић изъ Ротаче. Живко Т. Илић. Петаръ С. Пискаревић пануциа и арендаторъ, за сына Александра. Коста Јовановић келнеръ. Станиша Анѣлковић меандија. Илиа Борђевић зидаръ. Никола Савић зидаръ. Милета Ж. Войковић изъ Велико Оранѣ ср. Јасеничкогъ окр. Смедерешкогъ. Јованъ Н. Димитријевић шпекулантъ. Светозаръ Михаиловић шустеръ. Младенъ Јовановић за сына Радивоя. Борђе Јовановић келнеръ. Коста Г. Крајековић шмитъ, за сына Јована. Милованъ Јовановић ковачъ за сына Цветка. Тодоръ Василѣвић куноциа за кћерь Ленку. Лмандија Штерийић памук. Тодоръ Савић Црнуѣанинъ. Коста Сремчевић калѣа берб. Милошъ Поп-Јовановић кал. берб. Алекса Савић кал. берб. Миланъ Савић словослагатель. Марко Миловић бичакриа. Милисанъ Д. Симић пис. Полиціе. Гаврило С. Поповић жанд. Живанъ Костић жанд. за сыновца Драголюба Д. Поповића ѣака. Драгутинъ Анѣмовић сарачъ. Илиа Спасић меандија, за свогъ укука Сретена Петровића ѣака. Димитриѣ Тошић майст. терз. Стеванъ Илић цимер майсторъ. Радисавъ Крстеновић. Коста Јовановић каф. Стефанъ Стефановић кал. трг. Сава Шарчевић бак. Арса Лукић майст. дунѣ. Јоца Констандиновић м. пац. Зиса Стефановић злат. Стеванъ Тодоровић. Димитриѣ Яковлѣвић. Янаѣко Ристић за сыновца свогъ Перу М. Ристића. Живко Илић трг. Таса Поповић каф. Радованъ Костандиновић м. куноц. Милошъ Вуић майс. шнайд. Борђе Д. Боза каф. Спасои С. Банковић Смедеревацъ. Јованъ Марић трг. за сынове: Борѣа и Петра и кћерь Елену. Павле Кузмановић колачаръ. Любомиръ Пешинъ-Цевалировић уч. 1. гым. Тома М. Топузовић Шабчан. Јованъ Игнатовић мезн. Тома Гинић мезн. Вла-
дѣаръ Богдановић каф. Радонца Цветковић. Мияло Ла-
свѣта 67. књига.

и кодъ г. Михаила Т. Маржиковића Шатор. уч. III р. г.

Г.Г. Н. Богдановић Ужичанинъ, за М. . . . Г. . . . Еле-
овић за кћерь Драгишу. Драгана Хари Марковића

Сотія Крстовицъ докт. Павле Максимовицъ Ужичъ, кат. бак.
Алмийа Петровицъ Шаториши, трг. Борђе П. Йковицъ уч.
V. р. г. Сремја Тошицъ Ужичанинъ уч. II. р. г. Драголюбъ
Плесковицъ Руди, уч. I. р. г. Ђисевета Милековица за се-
стриа Миливои. Цветко Лизаревицъ уч. II. р. г. Миливои
Стевановицъ Страгарицъ уч. III. р. г. за брата Милоша. Сте-
фанъ Чађевицъ Ужичанинъ, уч. III. р. г. Петаръ Рашицъ Яго-
динацъ, уч. III. р. г. Василъ Укрошша Ерцеговацъ, уч. III.
р. г. Тодоръ Любичицъ Босанацъ, уч. III. р. г. Милошъ Ми-
лошановицъ Ерцеговацъ, уч. III. р. г. Василъ Поповицъ Ма-
кедонецъ, уч. III. р. г. Милошъ Вилентиѣвицъ Дозичанинъ,
уч. III. р. г. Василъ Михайловицъ Бугаринъ, уч. III. р. г. Най-
данъ Николезицъ Бугаринъ, уч. III. р. г. Борђе Рашицъ Ишид.
Бугаринъ, уч. III. р. г. Ангелъ Врбановъ Бугаринъ, уч. III. р.
г. Јосифъ Стаменковицъ Бугаринъ, уч. III. р. г. Велько Ђено-
вицъ Бугаринъ, уч. III. р. г. Милосавъ Паковицъ Пожар. уч.
III. р. г. за сестру Марину. Коста Папичъ Градичанинъ,
уч. III. р. г. Марко Шокорчевицъ уч. III. р. г. Милошъ Цвет-
ковицъ уч. III. р. г. Лука Маришковицъ уч. III. р. г. Ђисеи
Антониовицъ уч. III. р. г. Алекса Петровицъ уч. III. р. г. Па-
вле Тодоровицъ уч. III. р. г. Димитриъ Милошановицъ уч. III.
р. г. Мих. Т. Маришковицъ Шаторишинъ, за друга Јованя По-
рубовица г. III. р. — свота 36. књига.

Ученици кодъ г. Марка Бор. Стојановица Шкочанин, уч. III. р. г.

Г.Г. Марко Бор. Стојановицъ 2. књ. едну за себе, а
другу за свога пріятеља Мирка М. Мильковица. Никола За-
рицъ уч. III. р. г. за сестру Драгину у д. Миланов. Саватиѣ
Поповицъ учит. Шугачки у окр. Руди. Милеико Обрадовицъ
гимн. IV. год. Руди. Јованъ П. Гершиковъ гим. IV. Бугаринъ.
Теодоръ Поповицъ гим. IV. год. Сремацъ. Димитриъ Дукичъ
гим. IV. год. Чапач. Димитриъ Перишицъ гим. IV. год. Воогр.
Маришко Илић гим. IV. Босанацъ. Симеонъ Зуринъ гим. IV.
год. за бр. Борђиу, Босанацъ. Аврамъ Милић гим. III. год.
Ягод. Јованъ М. Тешанинъ прѣмн. I. год. Сима д. Поповицъ
гим. III. год. Руди. Ђекиѣ Борђевицъ гим. III. год. Ягодина.
Димитриъ Славун гим. III. год. Алексин. Димитриъ Ташић гим.
III. год. Ягод. Стеванъ Туркановицъ гим. III. год. изъ Али-
Бунара. Јованъ Ђрчевицъ гим. III. год. Ужичанинъ. Констан-
тинъ Андреѣвицъ гим. III. год. Бечкер. Димитриъ Владић
гим. III. год. инт. г. Маторъ Мише Анастасиѣвица, изъ д. Ми-
лановца. Атанасиѣ Ђекић гим. III. год. инт. г. Н. Предица.
Любомиръ Васић гим. III. год. Коста Н. Христић гим. III.
год. Недељко Милошевицъ гим. III. год. Стеванъ Божић Ми-
лићевицъ гим. IV. год. Манойло Борђевицъ гим. II. год. Ма-
лосавъ Тутуновицъ гим. III. год. Гивра Поповицъ гим. III.
год. Прока Даниновицъ гим. II. год. Херцеговацъ. Павле Ле-
кић гим. II. год. Крагуѣвчанинъ. Даниа Милошановицъ гим.
IV. год. Пожаревчанинъ. 33. књ.

Ученици кодъ г. Светозара А. Видаковица ученика V гимназіје:

Ученици V. разр. Гимназіје:

Г.Г. Владимиръ Милосавѣвицъ Неготинацъ, Светозаръ